

СТАНИЦА

общеказачья газета

издается в России с января 1992 г.

№ 2 (45) июль 2005 г.

Лиенц – казачья Голгофа

1945–
2005

Великое Предательство

к 60-летию
трагедии Лиенца

стр. 20 – 21

Тайна фермы “Гначбау”

загадки,
связанные с гибелью
Лавра Георгиевича
Корнилова

стр. 28 – 30

60 лет назад в австрийском Тироле произошла одна из величайших трагедий в истории казачества – насильственная выдача казаков в СССР. Памятная дата была отмечена панихидами во многих странах мира, в том числе и в Москве.

В номере:

* **“Закон о казачестве”?..**

Нынешние российские законодатели не видят разницы между казачьими общинами и ДОСААФ

* **Был ли праотец Адам казаком?**

Некоторые тенденции современной исторической “науки”

* **“Станичники на него смотрели с восторгом...”**

Статутные и военно-профессиональные группы Кубанского казачества

* **В поисках прародителя**

Из опыта восстановления родословной казачьей семьи

* **Горькая линия – горькая судьба...**

Недолгая история казачьих станиц Южной Сибири

* **Маньчжурия, август 1945-го...**

60 лет назад советские войска уничтожили последний островок “Белой России”

Екатеринодар, 1919 год.
Участники 1-го Кубанского
“Ледяного” похода

Филькина грамота, или фикция закона

Мы уже писали о новой примете: *“если Президент что-то публично обещает, сделано будет как раз наоборот”*. Но тут вдруг вышло как бы опровержение ее: давно обещанный закон о казачестве в апреле был-таки внесен в Думу, а вскоре и принят депутатами в первом чтении!

Проект закона **“О государственной службе российского казачества”**, однако, не содержит определения статуса казака как такового. Действие его предлагается распространить лишь на членов казачьих обществ, включенных в реестр и принявших обязательства по несению государственной и иной службы. Все остальные, значит, которые не “члены”, как бы не назывались казаками и сколько бы ни было у них предков-казаков - “вне закона”! И весь смысл закона сводится, по существу, к одной фразе: *“Реестровые казаки осуществляют государственную службу в соответствии с федеральными законами”*.

Перечислены формы госслужбы казачества: военная, правоохранительная, пограничная, экологическая, пожарная. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что казачество будет оказывать содействие госорганам в организации и ведении воинского учета, военно-патриотического воспитания призывников, в их подготовке к военной службе и во вневойсковой подготовке во время пребывания в запасе, участвовать в мероприятиях по ликвидации чрезвычайных ситуаций и стихийных бедствий, по гражданской территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях, охране общественного порядка, борьбе с терроризмом, а также осуществлять иную деятельность на основе договоров казачьих обществ с военными и субъектами РФ. Такой проект, скорее, можно бы назвать законом о ДОСААФ. Если кто забыл - было такое в советское время, “Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту”. Занималось допризывной подготовкой, “патриотическим воспитанием” и прочая. Вот оно самое в законе и есть, только добавилась еще существенная функция - несение полицейской службы.

А вот с самой главной казачьей службой - военной - вышел казус. В проекте записано: *“Российское казачество для прохождения военной службы направляется по возможности в соединения и воинские части ВС РФ, которым присвоены традиционные казачьи наименования...”* Чиновник военкомата будет определять эту возможность - служить в казачьей части или в стройбате. Не забудем и то, что части, коим как бы уже присвоены казачьи наименования, на деле таковыми вовсе не стали!

Если бы хотели создать особые казачьи части, в которых только и проходили бы службу казаки, как было при царе, то был бы - с точки зрения интересов казаков - хоть какой смысл в принятии такого закона. Понадобились бы и деньги на создание таких частей. А для филькиной грамоты денег не надо - как и сказано в пояснительной записке: *“принятие данного федерального закона не потребует дополнительных средств из федерального бюджета”*.

Одна из целей принятия фикции в качестве закона видна из внесенного вместе с проектом “Перечня актов федерального законодательства, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению в связи с принятием федерального закона”. Будут, в частности, признаны утратившими силу указы Ельцина о господдержке казачества от 15 марта 1993 г. и о создании Главного Управления Казачьих Войск от 20 января 1996 г. Последний многие тогда восприняли как историческое событие - впервые после поражения белых был создан государственный орган, занимающийся воссозданием казачьих войск. Да, ожидания от работы ГУКВ не очень-то оправдались, но оно все же что-то делало. Путин, придя к власти, немедленно Управление похерил, а с ликвидацией Миннаца исчезло и федеральное ведомство, которому формально было поручено ведение реестра. Однако указ еще оставался...

Да, озвученное Трошевым обещание президента выполнено. Только по иезуитски, по гебистски: по форме - закон о казачестве, по сути - издевательство над оным. Как раз по примете - с точностью наоборот!

Так и с ежегодным обращением президента к Федеральному Собранию будет. Исполнено оно было в лучших традициях докладов бывших генсеков - говорить самые правильные слова и сулить златые горы. Вот и Путин нас неказанно ослепил: оказывается, по мере достижения

окончательной победы его модели “управляемой демократии” страна становится все более свободной!..

Но вернемся к казакам. Делая, в том числе вдалеке от мест традиционного проживания казачества, упор на его привлечение к полицейской службе (против чего казаки исторически всегда протестовали, вплоть до вооруженных выступлений), власть вовсе не выказывает незнание истории и традиций. Нет, все делается совершенно осмысленно. В планах нынешнего “государства Российского” - отнюдь не возрождение казачества с его традициями вольнолюбия и истинной демократии, а создание, наряду с хунвэйбинами марионеточного движения “Наши”, еще одного опричного отряда. Глядишь, и согдится когда. Опять же - “дополнительных средств” не требуется, собственности награбленной возвращать не надо, как и области казачьи воссоздавать... В любом случае: будут под приглядом - значит, не натворят чего!..

Как заявил по случаю рассмотрения проекта закона президентский генерал-советник “по вопросам казачества” Г. Трошев - *“мы сознательно избежали в этом законопроекте формулировки о казачестве как о репрессированном народе...”* Действительно - зачем им народ? Народ, глядишь, еще о своих законных правах вспомнит!

Учитывая же тягу новообразуемых “казаков” к наделению друг друга всяческими званиями и наградами, Путин решил 7 мая с.г. подписать еще и указ о порядке присвоения т.н. “главных казачьих чинов”. Теперь чины от есаула до полковника могут присваивать полномочные представители президента в федеральных округах. С принятием нового закона и этого указа завершается выстраивание казачьей “властной вертикали” - рядовые казаки, урядники и младшие офицеры будут подчиняться своим реестровым атаманам, старшие офицеры - полпредам, а атаманы - лично Владимиру Путину.

В указе, между прочим, отмечено, что “главные казачьи чины” могут присваиваться лишь казакам, на момент присвоения не проходящим действительную военную службу. Тут похоже, в очередной раз казакам напоминают, что их чины-звания остаются как бы игрушечными. “Казачьими”, одним словом!..

В заключение - спасибо за прекрасный отзыв о “Станице” (*“актуальной, необходимой каждому казаку”*) из недавнего пришедшего письма от читателя - есаула из Омска. И за совет редакции - *“подумать хорошенько, чьи интересы она защищает”*. Для подкрепления своей позиции автор письма прислал вырезки из газет с подчеркнутыми местами. Ему *“непонятно, почему же мы, казаки, должны защищать эту так называемую “свободу слова”, которая выливается в пропаганду самой оголтелой русофобии, и чем “свободнее” СМИ, тем откровеннее русофобия...”*

Аргументы есаула не кажутся нам основательными. Свобода слова - древняя основа казачьего образа жизни. Вольный казак всегда имел право свободно и прилюдно высказываться по любым вопросам жизни общины, что необходимо для принятия правильного решения; недаром систему казачьего народоправства часто называют демократией казачьего круга. Если есаул до сих пор не понимает, почему надо защищать свободу слова, предположим: в организации, где он начальник штаба, плохо знают фундаментальные казачьи традиции.

Увы, сегодня свобода слова начальство многих казачьих общин (в том числе реестровых и “Союза казаков”) пугает. “Казачьи круги” больше походят на партийные собрания, с заранее известными решениями и “выбранными” атаманами. Вот и сидят некоторые на своих местах уже по полтора десятка лет!..

Филькина грамота вместо закона - тоже пример боязни свободы слова. Уважали бы власти казаков - выставили бы законопроект на всеказацье обсуждение или, по крайней мере, на обсуждение расширенного совета атаманов реестровых и общественных объединений. А получилось, как всегда, по советским лекалам: несвободная Дума штампует принятие проекта, от губернатора Ткачева - типичный “одобрямс” с песнями и плясками перед несвободными телекамерами. Одним словом - *“жить стало лучше, жить стало веселей!...”*

Вам, есаул, такая жизнь нравится?..

В.Ш., Г.К.

Федеральный Закон о государственной службе Российского казачества

Статья 1. Предмет регули- **принят в 1-м чтении 18.05.2005 г.**
рования настоящего Федерального закона

1. Настоящим Федеральным законом определяются правовая и организационная основы осуществления российским казачеством государственной службы.

2. Настоящий Федеральный закон не распространяется на деятельность российского казачества, не связанную с государственной службой.

Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

- 1) российское казачество - граждане Российской Федерации, являющиеся членами казачьих обществ;
- 2) казачье общество - добровольное объединение граждан в форме некоммерческой организации, образованное в соответствии с федеральным законодательством, включенное в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации и члены которого в установленном порядке взяли на себя обязательства по несению государственной и иной службы;
- 3) государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации - перечень сведений о казачьих обществах.

Статья 3. Правовая основа государственной службы российского казачества

Правовой основой государственной службы российского казачества являются Конституция Российской Федерации, настоящий Федеральный закон, другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в сфере государственной службы.

Статья 4. Основные принципы осуществления российским казачеством государственной службы

1. Основными принципами осуществления российским казачеством государственной службы являются:

- 1) законность;
- 2) приоритет прав и свобод человека и гражданина, их непосредственное действие, обязательность их признания, соблюдения и защиты;
- 3) равный доступ граждан к государственной службе, взаимосвязь государственной службы и муниципальной службы;
- 4) профессионализм и компетентность государственных служащих;
- 5) защита государственных служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность как государственных органов и должностных лиц, так и физических и юридических лиц.

2. Реализация принципов осуществления российским казачеством государственной службы обеспечивается федеральным законодательством о государственной службе.

Статья 5. Государственная служба российского казачества

1. Российское казачество проходит государственную гражданскую службу в соответствии с законодательством Российской Федерации.

2. Российское казачество проходит военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских (специальных) формированиях и органах в соответствии с федеральным законодательством.

3. Российское казачество для прохождения военной службы направляется по возможности в соединения и воинские части Вооруженных Сил Российской Федерации, которым присвоены традиционные казачьи наименования, в пограничные органы, во внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации.

4. Российское казачество проходит правоохранительную службу в соответствии с федеральным законодательством.

5. Российское казачество в установленном порядке:

- 1) оказывает содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета казаков, организует военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневойсковую подготовку во время пребывания в запасе;
- 2) принимает участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и последствий стихийных бедствий, по гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях;
- 3) принимает участие в охране общественного порядка, обеспечении государственной, пограничной, экологической и пожарной безопасности, в борьбе с терроризмом;
- 4) осуществляет иную деятельность на основе договоров казачьих обществ с органами военного управления, территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в соответствии с законодательством Российской Федерации.

6. Российское казачество осуществляет свое право на равный доступ к государственной службе в соответствии с законодательством Российской Федерации.

7. Российское казачество привлекается к государственной службе в соответствии с настоящим Федеральным законом при условии, что казачье общество, члены которого в установленном порядке взяли на себя обязательства по несению государственной и иной службы, включено в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации.

8. Порядок принятия гражданами Российской Федерации, являющимися членами казачьих обществ, на себя обязательств по несению государственной и иной службы, порядок ведения государственного реестра казачьих обществ в Российской Федерации, а также форма одежды, знаки различия, чины и удостоверение казака не проходящих военную службу членов казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, определяются Президентом Российской Федерации.

Статья 6. Финансирование государственной службы российского казачества

1. Финансирование государственной службы российского казачества осуществляется за счет средств федерального бюджета и иных бюджетов.

2. Порядок финансирования государственной службы российского казачества устанавливается Правительством Российской Федерации.

Статья 7. Вступление в силу настоящего закона
Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации

В недавний с Кубани призыв в Москву выехали 20 при-

зывников - казаков, которые впервые с 1917 года займутся непосредственной охраной первого лица в государстве.

По словам военкома края А. Безюкевича, попасть в Президентский полк можно было только по рекомендации казачьего общества. Причем призывникам из неполных семей или тем, у кого вместо отца отчим, путь в Кремль заказан - родословная должна быть безупречной. Обязательны также среднее образование, хорошая физическая форма и славянская внешность.

В Президентском полку есть два конных эскадрона, куда *вроде бы* и обещают направлять кубанцев. *Будто бы* даже в разводах кремлевского караула они станут участвовать в черкесках! И, *как бы* даже - в некоем отдаленном будущем! - хотят сделать весь "новый конвой" чисто казачьими, как это было до революции.

Пишу "*будто бы*" и "*вроде бы*" - ибо, помнится, с год на-

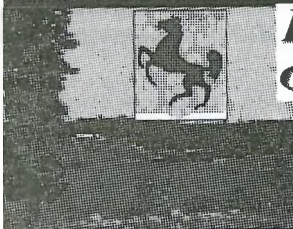
Путин будут охранять образованные казаки со славянской внешностью

зад уже начинали призывать в Кремль казаков - тогда донских. Разговоров о казачьей форме и "конвое" тоже было немало - а на деле одни уланы скачут по кремлевским площадям, и не в охране президента, пусть даже чисто символической, а исключительно на потеху туристам!

На Кубани отобрать для службы в Москве старались действительно лучших. Например, Николай Проценко - жюкей первого разряда Краснодарского ипподрома, уже взявший семь призов на скачках. В одном из интервью он признался, что до сих пор не верит, что будет охранять "*самого Путина*". На вопрос, от кого же именно, казак ответил: "*От террористов, конечно! От всяких там "оранжевых", кто за американские деньги бунтовать станет!..*"

Что-ж, соответствующая работа с призывниками в казачьих обществах поставлена убедительно...

Ю. Крапивин

К поискам национальной идеи в отдельно взятом городе-юбиларе

Как повсюду в России, немало улиц Томска, празднующего своё 400-летие, названо в честь людей, здесь не бывавших, зато имеющих заслуги перед советской властью или прямо ее у нас насаждавших.

Даже странно, что не назвали что-нибудь именем всемирно известного томича Янкеля Юровского - руководителя расправы над последним царем. В 1905 году сей товарищ активно участвовал в провокации томских социалистов, чудом уцелел, когда народ сам начал расправляться с "радетелями за народное счастье". Результат беспорядков - сотни погибших мирных граждан, в том числе сгоревших в здании Управления Сибирской железной дороги.

Зато есть улица Бела Куна, уничтожившего в 1920 году в Крыму вместе с Розой Землячкой свыше 65 000 русских людей, не пожелавших уйти в эмиграцию и поверивших слову ещё одного известного карателя - Фрунзе. Именем этого красного "героя" в Томске назван проспект. Хотя, как и другой "герой" - Лазо, чьим именем названы улица и переулок - он имеет весьма косвенное отношение к городу.

"Мальчик из Уржума", Серёжа Костриков, тоже активно участвовал в Томске в беспорядках 1905 года. Сердобольные жандармы тогда пожалели сопляка. Впоследствии заматеревший Сергей Миронович Киров никого не жалел, участвуя в 1918-21 году в организации геноцида терских казаков. Именем Кирова назван красивейший проспект Томска, а на горе стоит памятник ему самому.

Именем активно суетившихся в 1917 году "верных ленинцев" Аркадия Иванова, Нахановича и Беленца названы улицы лучших районов города. Пестрят спальные районы именами "беззаветных интернационалистов" - того же Бела Куна, Ференца Мюнниха, Карла Ильмера, есть и просто улица Интернационалистов.

Зато, конечно, ни один переулок не назван именем томички Марии Бочкарёвой, героини 1-й мировой войны, защитницы Зимнего Дворца. Не отмечена и память другого нашего земляка - Анатолия Николаевича Пепеляева, офицера, возглавившего в 1918 году восстание против совдеповцев, командовавшего потом 1-й армией адмирала Колчака.

Похоже, что власти Томска до сих пор руководствуются и установкой на стирание памяти об основателях города, казаках-первопроходцах. Только именем Григория Потанина, казачьего офицера с Иртышской линии - профессора Томского университета - названа улочка. От расстрела в советское время его спас большой авторитет в обществе. Есть еще крайние улочки, носящие имена томских казаков Петлина, Копылова и Москвитина. Память основателей Томска отмечена скромным памятным камнем на Воскресенской горе. А ведь, если говорить о сибирских казаках, есть кого и что вспомнить томичам, чтобы увековечить..

В начале июня 1604 года по просьбе эуштинского хана Тояна, которому очень не дажались степные хищники, на правый берег Томи высадились с судов служилые люди во главе с казачьим головой Гаврилой Писемским и письменным головой Василием Тырковым. Под их началом находилась полусотня Дружины Юрьева, выделенная тюменским головой Алексеем Безобразовым, состоявшая из казаков, стрельцов и двух пушкарей, а также служилые Тобольска, пельмцы, обские татары и остяки (ханты). Украшением отряда был ермаковец-первопроходец Гаврила Иванов: брал с воеводой Назареем Изъядиновым сына Кучума - Алея, с воеводой Андреем Войковым добивал Кучума на Ирмени, ставил Тюмень, Тобольск, Тару, Пельм.

В отряде были плотники и градостроители для закладки города. Новая крепость имела пять башен, две из них - воротные. Строительство было завершено к 7 октября 1604 года (старого стиля). Пятнадцатая по счёту русская крепость в Сибири стала важным форпостом для освоения новых земель. Уже в 1616 году отряд атамана Василия Тюменца был отправлен к западно-монгольской Алтынхану Кункачено, во власти которого были Западная Монголия и Джунгарское ханство, а также юг Восточной Сибири. Посольством были установлены дипломатические отношения и разведаны пути в Китай.

В 1618 году в Китай было снаряжено первое русское посольство во главе с томским казаком Иваном Петлиным.

Известны имена и сопровождавших его казаков Андрея Мунгова и Петра Кызылова. Посольство положило начало торговым отношениям с Китаем. Через томских казаков, в частности, Россия познакомилась с чаем.

На юге, в верховьях Томи, под началом казацкого головы Молчана Лаврова и головы над татарским отрядом Осипа Кокорева, в 1617 году был основан Кузнецкий острог. Путь на Алтай был открыт. На востоке, в 1619 году Петром Алтычевым и Черкасом Русиным был заложен Енисейск. Это послужило началу колонизации Восточной Сибири и выходу к Тихому океану.

В 1628 году для защиты от енисейских кыргызов был заложен острог на Красном Яру - Красноярск. Костяк отряда составили люди томского пятидесятника Василия Москвитина. Уже в 1630 году кыргызам, собравшимся в поход на Томск, казаками был нанесён сильный удар: "А быв, государь, под Красным острогом и хотели идти под Томск город войною те кыргызы... с служилыми людьми шли в судах по Енисею Реке немалое время наспех для того, што тем кыргызам под Томской город поход помешать... и тут нас стретини кыргызы и с ними были бои многие, и многих твоих, государевых, изменников на тех боях побили..."

В 1627 году, выступив из Енисейского острога, 40 казаков Максима Перфильева основали Илимский острог. Участвовавший в закладке знаменитый первопроходец Василий Бугор в том же году с товарищами отправился далее, основал Ленский острог, совершил разведку северо-восточных водных путей и, в конечном итоге, встретился на самом краю Азии с легендарным Семёном Дежневым.

В декабре 1629 года Сибирь царским указом была разделена на два разряда - воеводства Тобольское и Томское. Тобольское направление, кроме административно-хозяйственной деятельности, предполагало продвижение вверх по Иртышу и Тоболу. Томское направление - это Алтай, необъятная Восточная Сибирь и Дальний Восток, поиск морских, речных и сухопутных торговых путей.

В 1632 году пятидесятник Дмитрий Копылов основал Якутск. В 1639 году томские казаки первыми из европейцев вышли к северо-западному побережью Тихого океана.

В мае 1639 года атаман Копылов снарядил на разведку к океану 30 человек с Иваном Москвитиним. Живым знаменем отряда был легендарный атаман Иван Черкас (Черкас Александров). Он пришёл в Сибирь с Ермаком, а после его гибели привёл с Дона новую партию казаков, был Тобольским казацким головою. Во время выступления Ивану Александровичу было 85 лет, и он дошёл до Тихого океана!

Казаки поднялись по Алдану и его притокам до хребта Джугджур, построив в пути два струга. Перевалив хребет, построили новый струг, бросив и его у водопадов. На байдаре с мелкой осадкой в августе вышли к Охотскому морю. Перезимовав, на вновь построенных судах обследовали 500 километров, прошли в Сахалинской заливе, обследовали острова у входа в Амурский лиман и северо-западную часть Сахалина. В июле 1641 года казаки прибыли в Якутск. В Томске Иван Москвитин составил подробный отчёт о путешествии, была составлена и первая карта Дальнего Востока.

Царский Сибирский приказ "велел Томску сидеть своим столом, приписав к его ведомству Нарым, Кетск с воеводским правлением, Енисейск, Красноярск и Кузнецк, с зависящими от них острогами и зимовьями", а на знамя Томску был пожалован герб - золотая корона, "... а не зверьки сибирские и животные, как у других городов". По сути, Томск стал столицей громадной губернии, цементующим звеном которой являются казачьи городки и остроги, основанные томскими казаками (кроме Нарыма - 1596 год и Кетска - 1602 год).

В 1672 году был послан в Енисейск, а затем в Иркутск и Западную Даурию гетман Левобережной Украины Демьян Многогрешный. Он стал, по сути, командиром экспедиционного корпуса, закрепившего Русь в Прибайкалье и Забайкалье. В 1692 году возглавляемый им отряд в 730 конных и пеших казаков полностью разгромил феодальных хищников в верховьях Енисея, обезопасив от их набегов Сибирь.

В 1690 году томским казакам пожаловано знамя: "Лета 7198 июня в 29-й день по указу Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича вся Великие и Малые и Белье России самодержцев построено".

В начале XVIII века для отражения нападений киргиз-казаков и стоящих за ними хивинцев, бухарцев и кокандцев была основана Сибирская казачья линия. В 1716 году основан Омск, в 1720 году заложена Усть-Каменогорская, в 1738-м - Бийская крепости. В их основании принимали участие и томские казаки; многие навсегда остались в новых гарнизонах. По преданию, вышеуказанное Томское знамя было доставлено тогда из Бийска в войсковую канцелярию.

Когда в 1808 году возникло Сибирское линейное казачье войско, состоящее из полковых отделов, сибирские городские казаки, оказавшиеся уже далеко от линии, туда не вошли. К началу XIX века на территории современной Томской области существовали Томская конная казачья команда, с приданной ей городской татарской сотней, и Нарымская пешая казачья команда.

В 1822 году на базе городских команд формируются полковые казачьи округа. Создаётся Томский конный полк пятисотенного состава из караульных команд Томской, Кузнецкой и Нарымской. Служилые татары переданы во вновь сформированный пятисотенный полк из команд Тобольской, Тюменской и Томской.

15 марта утверждено новое положение о Сибирском казачьем войске (десять полковых округов и приданные городские казаки) со столицей в Омске. Тобольский и Томские полковые округа вошли в его состав соответственно 11-м и 12-м округами, сформированными по номерному конному полку прежнего состава.

В 1867 году в Семирежье создаётся новое казачье войско - еще дальше отодвинулись границы от Томской губернии. Постепенно прежние заслуги городских казаков были забыты, и 17 июня 1868 года казаки 11-го и 12-го полковых округов Сибирского казачьего войска обращены в податное сословие (за исключением Берёзовских, Сургутских и Нарымских казаков, из которых были образованы пешие казачьи команды; но в 1881 году упразднены и они).

Соболь в Западной Сибири был истреблён, необходимость в контроле за добычей ценной пушнины отпала, а с былыми заслугами казаков цари не очень-то считались. В 1891 году во время поездки наследника-цесаревича (будущего Николая II) по азиатской России томские казаки обратились к нему с просьбой вернуть их в служилое состояние, но просьба удовлетворена не была.

Так закончилось в Сибири рассказывание, начатое в

1765 году Екатериной с обращения в гусары слободских украинских полков. Много казаков от Буга до Байкала были обращены в податное сословие. В лучшем случае, им оставляли историческое имя и часть земель. Царскому правительству казачество было чуждо истинным, а не карикатурным демократизмом, гордостью и независимостью, не показным патриотизмом.

Как же не хватило России потом уничтоженных казачьих войск! Не будь уничтожено казачество на Украине - была бы махновщина? Было бы Волжское войско - не было бы проблемы соединения войск Деникина и Колчака. Рассказали Ставрополье в 1860 году - и в 1918 году губерния оказалась красной, в отличие от Кубани и Терека. И было бы разве столько красных партизанв Сибири без рассказывания сибирских городских казаков?..

Остается добавить, что трагедия в истории повторяется, как правило, фарсом. После распада СССР российская "демократия", прежде всего в лице вскормленных партией и комсомолом космополитически настроенных чиновников, испугалась консолидирующей силы казачества и его патриотизма. Брошенная кость - пустые указы о госреестре - ничего не дали. Зато процветают дельцы от квазиказачества, безграмотные и продажные "атаманы".

Им глубоко наплевать, сохранится ли память о казаках исторических. Зачем им лишние хлопоты с переименованиями или увековечением памяти героев? Вот и торжествует по городам и весям российским оголтелый интернационализм. В празднующем 400-летний юбилей Томске полно улиц и памятных мест, названных в честь революционеров и коммунистов всех видов, своих и импортных. Сохранилась большая часть памятников, памятных досок, названий в честь палачей России - от Ленина и Кирова до Аркадия Иванова. Но нет - и, похоже, не предвидится пока! - памятников Гавриле Писемскому и Василию Тыркову, первопроходцам-ермаковцам Гавриле Иванову и Ивану Черкасу...

Переименовать бы проспект Фрунзе - в проспект братьев Москвитиных, а Кирова - в Ивана Петлина... Вот задача для нынешних казаков! Да, трудная - но не труднее же тех, что приходилось решать их предкам триста лет назад!

Но нет. Тишина. Впрочем, не совсем тишина. Недавно тут взялись обсуждать вопрос о реставрации памятника Сталину в Нарыме... Давно пора!.. Заждались, не иначе...

С.З.

Когда вернутся регалии?..

Весной кубанские СМИ радостно объявили - "Бесценные регалии Кубанского казачьего войска, которые хранили в США казаки-эмигранты, в скором времени вернутся в Краснодар!" Решение будто бы уже принято Войсковым Советом Кубанского казачьего войска за рубежом. Губернатор А.Ткачев на некоем "сборе соотечественников" в штате Нью-Джерси, говорят, предложил разместить регалии в строящемся на новом месте войсковом собрании Александра Невского, а пока создать совместную комиссию, которая будет заниматься их возвращением. За возвращение регалий на родину активно выступает и дочь последнего войскового атамана - Н.В. Науменко-Назаренко.

Но не так все просто! После недавних переговоров на Кубани глава делегации зарубежных кубанцев Александр Певнев заявил, что окончательных решений пока не принято, идет лишь работа по описи реликвий.

Отметив на Кубани перемены к лучшему, атаман заметил: *"Должно быть больше доверия правительству к своему народу. Пока этого нет... Регалии должны принадлежать всей Кубани! Нужно знать, у кого и как они будут храниться, кто будет за них отвечать. Как это сделать, мы пока не знаем"*. Для выяснения этого А. Певнев пообещал приехать вновь 12 сентября - на освящение войскового храма.

Между тем Войсковой Совет 11 июня 2005 года постановил выдвинуть и условия возвращения регалий:

- 1) городу вернуть имя Екатеринодар;
  - 2) статуя Ленина должна быть снята с площади, где строится храм Александра Невского;
  - 3) регалии должны содержаться в здании, подходящем для хранения музейных экспонатов;
  - 4) избрание комиссии для контроля за их хранением, которая будет периодически отчитываться за их состоянием Войску в США и всей Кубани (включая представителей всех организаций кубанских казаков).
- Председатель судебной комиссии ККВ, атаман станицы

"Новая Кубань" Анатолий Иванович Синченко предложил писать по этому вопросу на NKEWA@comcast.net.

Редакция "Станицы" не уверена, что время для возвращения регалий домой уже настало. Слишком уж "розовая" нынешняя власть на Кубани и в стране вообще. В России все понимают, о чем речь. Жаль, если это не всегда ясно зарубежным казакам, обласканным бывшими советскими чиновниками. И в этом смысле любые переговоры с "атаманом" Грозовым бессмысленны - это совершенно самостоятельная фигура, флюгер при губернаторе.

Есть уже и печальный опыт переезда кое-каких коллекций - многое исчезло, заменено муляжами. Работникам музеев платят в России копейки, не выделяются достаточные средства на охрану ценностей, на оборудование, создание надлежащих условий хранения и реставрацию...

Кроме того, почему мы говорим лишь о Екатеринодаре? Надо решить вопрос и о возвращении имен станицам, убрать с их улиц имена и памятники красных карателей. И вряд ли, кстати, нужен как раз на историческом месте войскового собрания бюст еще одного палача, Жукова!..

Говоря о "наблюдательном совете" музея, надо подумать, как включить в него представителей тех кубанцев, что рассеяны за годы советской власти по всей стране (их численно, может, даже больше, чем собственно на Кубани).

Надо добиться от власти и громовского "войска", чтобы они включились в работу по увековечению памяти жертв красного террора и голодомора 30-х годов - установить памятники на местах расстрелов и массовых захоронений, опубликовать списки погибших...

Если не вернуть людям память, не переродить их - все, что сюда возвращено, будет в лучшем случае лежать мертвым грузом. Можно заново отстроить разрушенный храм - но, если нет верующих, через некоторое время он опять начнет разрушаться, появится в нем клуб или склад...

Можно вернуть казаки регалии, даже отстроить для них хорошее здание. Но если не будет на Кубани казаков...

Г. Кокунько

Ч а б о р д а п о л ы н о к . . .

Полынная горечь наполняет сердце. Исполнилось мое желание - побывать на хуторе Незаймановском Тимашевского района, где 20 февраля 1920 года скончался от тифа при отступлении на Новороссийск и был похоронен у монастырских стен Ф.Д.Крюков.

92-летняя жительница хутора рассказала нам: "Над могилой стоял белый памятник, увенчанный крестом. Он был сделан так, что можно было войти внутрь его. И днем, и ночью горели лампада и свеча, за которыми следили монашки..."

В хуторе ходила легенда, будто похоронен был какой-то генерал. Говорят также, что Крюкова привезли в Незаймановский еще живого, умер он в монастыре. За подводой с больным шел белый конь - и плакал. А когда писателя хоронили, то коня подвели к могиле хозяина, и он упал перед нею на колени...

На кирпичном склепе была надпись: "Здесь похоронен ученый монах Федор Крюков" - казаки опасались, что красные надругаются над прахом того, кто призывал Дон на бой за честь Отчины, за казачье имя "во дни безвременья, в годину смутного развала и падения духа".

До 1927-28 гг. на могиле все оставалось так, как наказывали донские казаки. Потом монастырь закрыли, иконы уничтожили, колокола сбросили. Монастырский крест, говорят, поставлен сейчас на могиле священника тех времен...

Место захоронения Крюкова стало в те годы свалкой разного кирпичного хлама. Сейчас здесь стоят Дом культуры и библиотека. Насколько раз за последние 30 лет сюда приезжали комиссии, какие-то отдельные люди, расспрашивали старожилов, где могила Крюкова. Записывали, уезжали - и все оставалось по-старому.

Зеленый клевер ровным ковром покрыл место захоронения писателя на заднем дворе клуба, где по вечерам собирается молодежь. Молодые и не подозревают, какое святое место топчут. Но пусть бросит в них камень тот, кто не знает греха за собой! Не в нашей ли Старошербиновской многие десятилетия танцует молодежь прямо над костями предков? А многоэтажные дома напротив элеватора построены на месте старого кладбища, на захоронении жертв голодомора 1933 года...

Грех нам, казаки! Приходит на ум песня, которую пела мне когда-то мама: "Как умру я, умру, похоронят меня, и никто не узнает, где могилка моя. И никто не узнает, и никто не придет, только ранней весной соловей пропоет..."

Сколько таких безвестных могил разбросано по нашей

земле! В нашей семье дед умер от тифа где-то на Кубани, в гражданскую войну там же пропал прадед, мама похоронена в Казахстане... Да что говорить о них, если уж известный во всем мире писатель лежит в безвестности!

Вновь перечитываю роман А.Знаменского "Красные дни": "Сам Крюков - гимназический учитель, писатель и думский депутат, выслуживший уже чин статского советника, - был в обиходе вообще-то простецким человеком, казаком до мозга костей и любил на толькo "приличное" общество, но лучше того - хуторской круг и карагат, старые донские пасни на посиделках и в застолье, молодежное игрище. Все это пело и звенело в нем, переполняло душу, поэтому он способен был даже и в столичной компании сдержанность, забросать грубоватыми хуторскими байками - анекдотами, станичным говорком".

Вряд ли мы найдём другого человека, столь беззаветно преданного своей земле - и столь долго покрытого прахом забвения. Любимец Дона, певец донского края, он мечтал быть похороненным дома, в Усть-Медведицкой.

По этой дороге со стороны ст. Новокорсунской везли в 1920 году больного Ф.Д.Крюкова

"В ясные теплые дни с Пирамиды открывается редкая по красоте картина беспредельной донской степи, с извиляющимися на много десятков верст вокруг нее Доном и красивыми степными притоками его - Хопром и Медведицей. По радиусу в 80 верст с Пирамиды видны станицы и хутора, утопающие в зелени садов, с белеющими в

них колокольнями церквей. И какой-то особой грустью берет от картины кажущихся беспредельными сыпучих песков левого берега Дона, - писал в изгнании П.А.Скачков, лично знавший Крюкова. - У подножья Пирамиды, на берегу Дона с вдающейся в него с противоположной стороны Медведицей, красиво расположился Усть-Медведицкий монастырь, так много раз воспетый Федором Дмитриевичем Крюковым..."

Монастырь этот тоже разрушили: иконы бросили в Дон, в храме - ракушечная фабрика, на могиле - дачи...

По совету настоятеля нашего Свято-Покровского храма отца Георгия я прочитала над местом захоронения Ф.Д.Крюкова "Молитву, совершаемую мирянином".

Порывистый ветер рвал из рук страницы поминальной книги. Мы не смогли найти пучок чабреца, так любимого писателем, и купили эту душистую траву в аптеке. Щепотку чабреца развеяли по ветру. Пусть сбудутся чаяния моего дорогого земляка. Пусть прах его упокоится в родной земле - на горе Пирамида, там, где он жил и любил, где он жив и навеки любим!

Л. Половинко (Шильцина), ст. Старошербиновская

Перед стеной бывшего монастыря - у места захоронения Ф.Д.Крюкова

В память Новомучеников Российских

Прочитал в последнем номере "Станицы" в статье Е. Чеботарева "За Веру, Родину, Яик и Свободу" о массовом сожжении большевиками уральских казаков. Хотелось бы назвать ещё одного из тех мучеников - моего прадеда, казака Исидора Гурьевича Кузнецова.

Жил он с многочисленным семейством в поселке Каменном, был трудолюбивым и зажиточным. Его дочь - моя бабушка Евдокия Сидоровна - рассказывала, что сожгли его заживо вместе с другими казаками недалеко от поселка.

Когда бабушка отошла ко Господу, семейные иконы и книги разошлись по родственникам. Со временем мне досталось медное Распятие прадеда Исидора. Поминая его на проскомидии и панихидах, думаю, что он на Небесах с Новомучениками молится у Святого Пре-

стола о нас, грешных.

Если Богу будет угодно, точное место убиения казаков будет установлено и там будет установлен поклонный крест. Прошу опубликовать номер счёта для сбора средств на создание часовни или памятника. Надеюсь, многие православные не останутся в стороне от дела увековечения памяти мучеников земли Уральской, премногo пострадавших от богоборческой власти!

В. Турцов

Уральский приход Русской Православной Старообрядческой Церкви - храм Покрова Пресвятой Богородицы (Казахстан, г. Уральск): РНН 271800036393, р\сч. 003160092 в Уральском филиале АО "Казкоммерцбанка", БИК 044525225.

Как боевого хорунжего сделали "белым казаком"

Издательством "Посев" издана "Черная книга имен, которым не место на карте России". Она "посвящена географическим названиям, которые сохраняют наследие коммунистической идеологии и пропаганды", раскрывает роль "запечатленных в советских названиях лиц, событий и явлений, реальных и мифологизированных".

В советское время многие российские улицы назывались именами предводителей казачьих восстаний. К ним, пожалуй, в полной мере относимы слова о "мифологизации": кого в СССР интересовали подлинные устремления атаманов? Из них делали "предтеч" большевизма, и это как раз понятно. Непонятно другое - почему на поводу у советских историков идут современные авторы очерков сборника?

Мы не раз писали, что участие казаков в восстаниях XVII-XVIII веков было во многом вынужденным ответом на ликвидацию исконных вольностей и следствием религиозного конфликта (среди казаков, особенно яицких, было много старообрядцев). Об этом авторы "Черной книги..." говорят вскользь - зато много места уделяют живописанию жестокостей казаков, нередко вымышленных.

О Пугачеве

Очерк безграмотный. Взять хотя бы обстоятельства, приведшие донского хорунжего в состояние "беглого казака" и вождя гражданской войны 1773-75 годов.

По автору - Пугачев "после выздоровления ездил в войсковую столицу Черкасск хлопотать об отставке. Заехав в Таганрог навестить свою сестру, решил вместе с ее мужем С. Павловым дезертировать с царской службы". Но Пугачев ездил в Черкасск по делу отставки именно во время болезни - иначе он просто вернулся бы в полк, не платя нанятому за себя казаку. О "дезертирстве": следственное дело Пугачева велось под личным контролем Екатерины II, перепроверялось очными ставками, много раз исследовано. И в деле, и в приговоре говорится лишь о том, что Пугачев в Таганроге решил помочь зятю бежать на Терек (перевез через Дон). С того и начались на него гонения.

Далее: Пугачев "на жизнь зарабатывал разбоем и грабежами, организуя небольшие шайки... (следствие шаек и разбоев не подтверждает - ред.) Костяк русских отрядов Пугачева составили не желавшие отказываться от своих привилегий яицкие казаки, бывшие преступники и дезертиры, посланные на Урал и в Сибирь".

Какие "привилегии" у яицких казаков в XVIII веке? На далекой "запальной реке" была тогда одна привилегия - быть вольным! За нее и боролись казаки, все же остальные - штампы властей всех времен: "дезертиры", "преступники"... Очерк между тем переполнен подобными характеристиками - "предательство", "обман", "пьяная вакханалия", "разбой", "грабежи". И вывод, конечно, напрашивается: "Бесчинства, насилия и жестокости, творимые Пугачевым и его войском, делают невозможным почитание его".

О Разине

Война есть война: это и жестокие казни, убийства. Но, если в летописи говорится "[Разин] пришел под Астрахань, и Астраханских жителей привел на воровство, и обманом в город шел, и Бояр и Воевод и ратных людей побил же, нарушая мучительски, не щадя и младенцев" - это вовсе не значит, что он один все это учинил. В очерке же: "Взяв Астрахань, Разин лично сбросил воеводу Прозорова".

В многотомном издании 1830 г. ("Полный Свод Законов Российской Империи за 1780 год /1671-72 гг.") дана подробная оценка "Делу Разина". Но личная "кровожадность" ему не приписывается. Не было, значит, фактов!

В очерке указано: 24 мая 1671 г. "разинцы" казнили митрополита Иосифа. В ПСЗРИ находим разъяснения. Казаки, узнав, что Разин "привезён к Москве", "отошед Астрахани, учиня себе круг, и приговорили Астраханского Иосифа Митрополита и Воеводу Князя Семёна Львова убить... писали с дороги... будто по тому их <дону> вор Стенька Разин поймав, а над ними де помышляют всякое зло. И Астраханские жители... того Архиепископа взяли дерзновенно, безо всякого страха, и от сана Архиепископского обнажи и всячески мучили, и по многих муках, то мученическое архиепископское тело с роскату бросили..." По словарю, "обнажи(ти) - лишить, лишаться". Сана лишили митрополита астраханца, коих лишь условно можно называть разинцами.

От Разина же были и иные грамоты: "А которые... похотев

за одно тоже стоять, за дом Пресвятыя Богородицы и за всех святых, и за великого государя, и за благоверных царевичев, и за веру православных крестниан, и вам бы, чернь, тех дворян, и детей боярских, и мурз, и татар ничем не тронуть и домов их не разореть" (сентябрь 1670 г.).

"Водяной бог Иван Горыныч"

Числится за Разиным и еще злодеяние: "в августе в пьяном угаре утопил беззащитную женщину в Волге". Интересные изыскания в этой связи провел А. Курлапов (в нашем пересказе - по книге "Курени"; Уральск, 2005 г.).

В 1667 году Степан Разин захватывает Нижне-Яицкий городок (Гурьев). Перезимовав там, в марте разинцы отправляются "за зипунами" к Персидским берегам. Попавший в плен голландский офицер русской службы Людвиг Фабрициус заведовал артиллерией восставших. Он вспоминал: "При Стеньке был отряд донских казаков, которые знали все пути и дороги и уже не раз на своих малых судах чинили большой разбой на море Каспийском. Они разбили наш сторожевой отряд, и ушли под парусами в море. Но сначала Стенька весьма необычным способом принес в жертву красивую и знатную татарскую деву. Год назад он похитил её и до сегодня делил с ней ложе (т.е. пленница взята по дороге к городку, где кочевали, смешавшись с калмыками, остатки ногайских улусов - А.К.). И вот перед отступлением он поднялся рано утром, нарядил бедняжку в её лучшие платья и сказал, что прошлой ночью ему было грозное явление водяного бога Ивана Гориновича, которому подвластна река Яик; тот укорял его за то, что он, Стенька, уже три года как удачлив, столько захватил добра и денег с помощью водяного бога Ивана Гориновича, а обещаний своих не сдержал. Ведь когда он впервые пришёл на своих челнах на реку Яик, он пообещал богу Гориновичу: "Буду я с твоей помощью удачлив - то и ты можешь ждать от меня лучшего из того, что я добуду". Тут он схватил несчастную женщину и бросил её в полном наряде в реку с такими словами: "Прими это, покровитель мой Горинович, у меня нет ничего лучшего, что я мог бы принести тебе в дар или жертву, чем эта красавица".

Известны и схожие воспоминания голландского матроса Я. Стейса (с чьих слов известно о "персидской княжне").

Итак, при появлении на Яике Разин совершает обряд, проса "бога Гориновича", которому подвластна река, о покровительстве (по казачьим поверьям, атаман обязательно должен быть "с прибылью", т.е. владеть колдовским искусством). При том божество это, видимо, покровитель казаков всех рек: на Яике Разин появился год назад, а удачлив "с его помощью" уже три года. Дважды божество названо "водяной бог Иван Горинович" (полный титул?..).

В результате самостоятельного развития войск имя "Горинович" осталось лишь на Яике. В XVIII веке яицкие казаки пели: "Яикушка, сын Горинович, золотое твоё дёнушко". Произносили и Горыныч, Гарыныч, Гаринович.

У заповорочье были различные прозвания Днепра: Славутич, Река-Славута, Змея-Девица; в их ряду Д.И. Яворницкий приводит и прозвание Змей Горыныч.

Дон часто именуется "Ивановичем". Еще в XX веке был обычай бросать в его воду что-то обещанное Дону-батюшке: "Бывало, отслужат казаки... Эшелон идёт под Воронежем, где первый раз приходится переезжать через Дон, машинист, который ведёт поезд, даёт тихий ход, самый что ни есть тихий... Только что поезд выберется на мост, - батюшки мои!.. Что тут начинается! Казаки прямо бестоятся, "Дон, Дон наш! Тихий Дон! Отец родимый, кормилец!" И в окна кидают с моста прямо в воду, через железный переплёт, фуражки, шинели старые, шаровары, навалочки, рубахи. Дарят Дону, возвращая со службы. Издавна такой обычай повёлся" ("Тихий Дон").

Соблюдая традицию, Разин брался исполнить договор с божеством местной реки. А сам обычай принесения в жертву божеству водной стихии красавиц насчитывает не одну тысячу лет. Память о нем жива во многих греческих мифах; отражён он и на Яике, в предании о бабушке Гугнихе - первой жене, спасённой самим атаманом от ритуального весеннего жертвоприношения перед выходом на промысел.

Исполнение языческого обряда не оправдывает Разина - но все же судить действия XVII века можно, лишь опираясь на полное знание фактов и на уважение к предкам!

А.Азаренков, В.Шуков

Был ли праотец Адам казаком?..

> к вопросу казачьего первородства

Хорошо, если увлеченный человек собирает и печатает неизвестные факты истории казачества, статистические данные, сведения по униформологии. Но - пока не начинаются фантазии! Безапелляционные! Кто возражает - враг! Увлекаются некоей идеей сверх меры и профессионалы. Так, профессор М.Л.Гумилев выводил украинских казаков от половцев, а донских - от хазар. Он вообще всю историю Руси сводил к положительному влиянию тюрк-кочевников. Золотая Орда, дескать, Русь от немцев спасла (хотя немцы осмелились на экспансию на Восток лишь благодаря разгрому ее монголами). Само разделение Руси, католизация Литвы, экспансия Польши и германских орденов - это все следствия ордынского нашествия...

Столь же необудительна и теория происхождения казачества от золотоордынских ханов - о чем увлеченно писал в эмиграции, в отрыве от архивов А.Гордеев, боевой офицер, изначально не имевший знаний по истории средневековья. "Дань кровью"? Но лишь один отряд из русов был создан для охраны ханской ставки в далёком Каракоруме. Проще и спокойнее было ханам использовать дружины вассальных князей, применяя на завоеванных землях политику "разделяй и властвуй", чем держать в раздираемой интригами Орде вооружённых иноплеменников. Хань в XIV веке и своим одноплеменникам, не несшим постоянной службы, добротное оружие и латы выдавать боялись!

Теперь о косогах - "древнем народе казаком". Весьма умильно было смотреть по ТВ выступление перед учащимися казачьей школы на Ставрополье есаула из механизаторов. Светловолосый парень с погонами Терского войска рассказывал о "предках наших, древнем народе косогах, что подобно козам по горам скакали". Человек он увлеченный и, несомненно, хороший. Какие же "специалисты" научили его теории историка П.Симановского середины XVIII века?

Косоги - древнерусское название доминировавших на Северном Кавказе адыго-черкесских племён - предков современных черкесов, адыгов, кабардинцев и абхазов. Отношение к этногенезу казачества они имеют, но это микрораспространения Эти предки осетин были вассалами хазарского кагана, сражались против Святослава, затем входили в орбиту влияния Киевской Руси, выходили из неё... Когда в конце X века на Тамани было основано Тьмутараканское княжество, часть дружины здешнего князя Мстислава Владимировича состояла из косогов. А перед этим, в 1022 году Мстиславу пришлось бороться с ними за влияние на Северном Кавказе, сразив в поединке их вождя Редедо...

В летописях отмечается и переселение части черкесов вместе с чёрными клобуками (гузами) на Русь в X-XI, особенно в связи с половецкой агрессией XII века, распространение черкесских названий на топонимику той части Южной Руси, где селились служившие русским князьям косоги. Естественно, шло взаимосмешение внутри этих воинских коллективов.

Баскаки XIII века содержали по несколько сот личной охраны, обычно из татар. В 1282 году баскак Курского княжества призвал из Бештау (Пятигорье) черкас (кабардинцев), поселив в слободы под именем казаков (в орде так называли род лёгкой кавалерии). Черкасы те не оправдали доверия, за бесчинства были разогнаны русскими князьями и подались за Днепр - в Поросье, в Канев. Где, говорит летописец, соединились с "дружинами выходцами из русских".

В Поросье (р.Рось), как и в Посулье (Сула, левый приток Днепра), существовала с древних времён оборонительная линия. Обороняли ее вместе со славянами варяги и "свои поганые". К тому времени они уже ассимилировались, пятигорские черкасы соединились с этнической группой, которая уже называлась русскими. Может, отсюда и пошло название русских воинов-пограничников казаками?..

Нелепы также мелькающие регулярно "откровения", что-де донские казаки поднесли Дмитрию Донскому Гребенскую казачью икону перед Куликовской битвой. Как и то, что племенной союз азиатских скифов-масачетов, в 529 году до н.э. истребивший в степях нынешнего Казахстана персидскую армию царя Кира, вновьявленные "историки" объявили "древними казаками"!

Часть сарматов, одними из предков которых были массачеты, была поселена Римом в Британии - положив, по

мнению современных исследователей, начало рыцарской кавалерии (о чем писала "Станица"). Но не заявляют же английские лорды, что это их предки изрубили войско Кира!..

Или ещё: казаки на Тереке сшиблись с самим Тимуром в XIV веке. Их 40000, у Тимура - 600 000! То ли казаки победили, то ли их - но будто об этом песня "Любо, братцы, любо!"

В начале 90-х годов XX века были великолепные публикации института этнографии им. Миклухо-Маклая по этнической составляющей казачьих войск (к слову, сам Миклухо-Маклай был из древнего казачьего рода). И в то же время вышел ряд публикаций, почти слово в слово повторивших царский официоз для станичных школ. Пример - "Казачьи войска Российской империи" О.Агафонова, где интересны лишь справочные данные о казачьих частях на начало XX века, краткая история полков. В остальном - перевернуто всё: история, национальная одежда, оружие...

И так у многих нынешних авторов. Например, говорят о подвигах запорожцев - и тут же выводят старшинство кубанцев с 1696 года, с Хопёрского полка. Да дайте вы хоть комментарий к переписываемому официозу!

Остатки запорожцев переселились на Кубань со старинными войсковыми клейнодами (грамоты, бунчуки, литавры, знамена), сохранив костяк войска, пополнившись казаками с Украины. В 1860 году из Черноморского войска с присоединением полков Кавказской линии было образовано Кубанское войско. Однако в книге А.Смирнова "Атаман Каледин" автор, рассуждая о древности казачьего народа, упрекает правительство: подделили к "настоящим кубанцам" - "ненастоящих запорожцев"!

Вообще-то было наоборот. Да и среди линейцев немало было переселенцев с Украины - взять хотя бы тот самый Хопёрский полк. По переписи 1775 года, в нем 1513 казаков всех возрастов. Из них "казацки Черкас" (украинских казаков) - 775, персов - 208, калмыков - 80, да еще 6 человек иных национальностей. Более подробно об этом в фундаментальном труде Ф.А.Щербины. Слышали ли наши "историки" вообще об этом классике казачьей истории?

Не знает Смирнов и географии. Говоря о расселении казаков, заявляет, что жили они и в Белоруссии - на Буге. Так там - Буг Западный, а казаки жили с середины XVII века на Южном Буге, ведя своё начало в Приднестровье от времени первой турецкой войны 1768-74 гг.

Деление казаков на русских и украински активны проводили в своих работах советские специалисты по национальному вопросу. Русское, между тем - прилагательное казаков ко всему государству, от Дуная до Камчатки. Большинство жителей современной Украины долго называли себя русинами, руснаками, русскими. Другое дело - самобытность каждого войска, или даже отдельных округов, отделов (хрестоматийный пример - Дон: Нижний, Средний, Верхний, Донецкий и Сальский)...

Не только библейским Исаву и Иакову не давала покоя идея первородства. Польские шляхтичи выводили родословные от римских сенаторов - не отставала и казацкая старшина. Известный литератор первой половины XIX века, участник войны 1812 года, офицер казачьего полка И.П.Котляревский написал об этом сатирическую поэму "Энеида". Чего мелочиться! Вывел казаков от троянцев, чей атаман Эней и вовсе божественного происхождения. И как эту "теорию" еще у нас не подхватили?!

В.Сухоруков руководствовался фактами из архивов. Его "Историческое описание земли войска Донского" (20-е годы XIX века) актуально и сегодня. Историк ясно различает бродячие шайки казаков-ордынцев и русских казаков: "Днепровские казаки по происхождению своему суть древнейшие из всех, начало их можно отнести к берендеям-черкасам, как в сообществе с торками (берендей - племя торков - С.З.) и печенегами называемы были чёрными клобуками... Народ этот впоследствии времени составил из себя для Польши лёгкое полевое пограничное ополчение, каковое чёрные клобуки составили для киевского княжения ещё до нашествия монголов. Король польский, давши этим людям преимущества, поставил над ними гетманом поляка Ландукоронского. Около 1515 года поляк (?) Евстафий Дашкевич был поставлен от короля Сигизмунда гетманом, или атаманом... и ввёл в употребление слово казак".

О более раннем периоде пишет академик Рыбаков: "В Левобережье Днепра (да и на Правобережье, где сохранились остатки укреплений - легендарные Змиевы Валы - С.З.), всегда особенно доступно для набегов степняков, уже в VII-IX веках сложилась особая система земледельческих посёлков, пригородов к обороне: все деревни являлись небольшими крепостями на высоких мысах с хорошо сохранившимися до наших дней следами земляных валов (так называемые городища роменской культуры)... Такая система концентрации посёлков, разумеется, не могла спасти от большого ханского похода, но должна была избавить от мелких самовольных наездов небольших отрядов. Возможно, что каждая крепость - деревня называлась "сотней", а совокупность нескольких "крепостей" с градом во главе их - "тысячей". "Сосновская тысяча" попала даже в летопись Левобережные "тысячи" XI-XII веков были в какой-то мере далёким прообразом казацких полков XVI-XVII веков".

Система эта напоминает более поздние казачьи линии Кавказа, Оренбуржья, Сибири, вплоть до Уссурийского войска в конце XIX века. А указанный симбиоз, сложившийся в средневековье, создал не только казака-воина, но и административную и хозяйственную казачью систему.

С ростом могущества Московского государства продвигались на юг и восток и казаки. 1444 год - первое упоминание о рязанских казаках, затем появились казаки московские, смоленские, шацкие, мещерские. Последние (мещеры и тептары) - тюрко-язычные племена, ставшие на службу князьям, подобно чёрным клобукам XI века. Появляются волжские казаки, открывается транзитный путь на Дон, Терек, Яик. Путь в правобережное Придонье обжит к этому времени южно-черниговскими казаками (самоназвание - северюки, от Новгород-Северской земли; отсюда и Донец получил название Северского).

С ослаблением ордынской угрозы стало возможно в низовьях Днепра, на Дону, Волге, Тереке, Яике создать вольные общества. В создании вольного Запорожья (Старая Сечь под Зиньковым, южнее Полтавы) и Черкасского городка (основанного казаками-черкасами) на Нижнем Дону в середине XVI века активно участвовал, придав им правильную организацию, легендарный казак Байда - князь Дмитрий Иванович Вишневецкий.

В 60-х годах XVI века появляются первые поселения казаков на Тереке, потом на Яике, в 80-е годы - в Сибири. Появились жёны из татарок и калмычек, о чем упоминает в "Описании всех обитающих в Российском государстве народов" И. Георги, побывавший в 1770 году на Яике. От них и пришла легенда о Тимуровском погроме на Кавка-

зе и Волге, записанная на Яике в 1721 году - перелицованная на появившихся в этих местах казаков.

И ещё - что называется, "по мелочи". Некогда пионерский журнал "Костёр" печатал рассказы о казаках Б. Алмазова. В начале 90-х началось "фэнтази" и у других дилетантов. Вот и нафантазировали! На многие ошибки "Станица" уже указывала - повторим наиболее бросающиеся в глаза.

По Донскому уложению на круг не допускались посторонние и священники. Старики были фигуры уважаемые - но отменить круг они не могли, их роль - навести порядок, дать совет. Кошевой - атаман на Запорожье, а не завхоз. Приглашённые на круг присутствовали, пока решался совместный вопрос. Заместителем атамана был есаул (войсковой, полковой), а не "товарищ атамана"; он же, есаул, вёл круг, а никак не выборный "есаулец" - мальчишка для посылок.

О чём ещё говорить, если всерьёз предположится, что лампы были у древних "казаков-скифов". Шов на сшитых кожаных штанах - оказывается, древний знак принадлежности к казачеству!.. Лампасы в их конечном варианте появились у донцов лишь в 1801 году вместе с куцой формой и шароварами навыпуск. Отход от традиционной sprawy вызвал недовольство, особенно раздражали именно лампасы. С введением двойных белых лампас переводили "в регулярство" и украинских казаков. Апогей возмущения был в 1802 году, с появлением подобных синих мундиров у улан. Ну, а легенда, что отбили казаки много синего сукна и мало красного, справедливый же атаман всё поровну... Ай да Алмазов!..

Но нынешним казакам удобнее работать по его брошюрам. Удобнее заорганизовать и подтасовать.

Примерно так рождались и мифы о казаках-невидимках - пешие бегут быстрее лошади, пуля их не берёт, и знают наперёд всё. Андрей Григорьевич Шкуро с добродушной иронией вспоминал: снимал он как-то после боя черкеску в хате, и посыпались патроны из нагрудного патронташа. Утром вся станица гудела: черкесник батька, не берёт его пуля! После боя пули из черкески так и сыпятся!..

Истинные подвиги казаков затмевают вымыслы. История их не изучена - нет даже сколь-нибудь серьёзной краткой энциклопедии. Оружие, типы казачьих причёсок - широчайшее поле деятельности для историка!

Пока же опираться можно лишь на серьёзные, проверенные источники, не стыдясь советоваться со специалистами. Пора создать и единую ассоциацию серьёзных ревнителей казачьей истории, этнографии и культуры. Ради памяти казаков - и для воспитания потомков.

С. Зинченко

В поисках прародителя

Из казачьих сообществ южнорусских степей первыми консолидировались ко второй половине XV века днепровские (запорожские) казаки. Там, в изломах толчи веков, таится исток зарождения и моего рода. Чтобы найти его корни, пришлось перевернуть немало архивных документов.

В формировании днепровского казачества участвовали сотни тысяч людей. О большинстве из них, казалось, не дошли до нас ни скупые заметки летописцев, ни другие какие бы то ни было сведения. Но они все же есть! Только нужно терпеливо, настойчиво разбирать архивные пласты...

Как появилось наша фамилия у казаков Гетманщины? Попытки что-то узнать у старшего поколения оставались без ответа. Говорили, ссылаясь на необычность фамилии, что основателем рода мог быть иностранец.

В итоге воссозданное родословное древо днепровских казаков Вака включило в себя около тысячи имен, чья родоспись основана на анализе множества документов и устных сообщений. Были исследованы документы как государственного значения (например, "Генеральная опись Малороссии (1765-69)", "Присяги Малороссийских Войск. 1732 год"), так и личные архивы.

Жизнь нашего рода несколько последних столетий неразрывно связана с селом Каленики, и в основу восстановления родословной легли сохранившиеся с 1734 года метрические книги сельского храма Покрова Богородицы.

Каленики - поселение на правом берегу реки Супой, левом притоке Днепра, возникло как казачий хутор на восточной окраине Речи Посполитой. С 1648 года - войсковое село Гельмязовской сотни Переяславского пол-

ка "Войска Запорожского обоих берегов Днепра". Затем Каленики - в составе Полтавской губернии России (ныне - Черкасская область Украины).

На начало XVIII века имя нашего родоначальника удалось обнаружить в документах Румянцевской описи, в метрической книге Покровской церкви и в купчей крепости от 1 апреля 1714 г. В купчей о Романе Ваце, "жителя калениковском Гельмязовской сотни Переяславского полка", говорилось, что он давно купил лес, но покупку не смогли сразу оформить - для этого не было каких-то условий (возможно, идет речь о событиях 1708-09 гг. в Гетманщине, когда пересматривались владельческие документы мазепинского времени); тем временем умер продавец леса. Его наследники только в 1714 году от своего имени оформили купчую на эту сделку.

Имя Романа многократно упомянуто в метрической книге, в отчетах его детей Григория (записи 1735, 1738, 1739 гг.) и Лукьяна (1743 г.) при рождении внуков; при бракосочетании - "Венчаны козака Лукиана Романова Ваченка сын отрок Никита..." (1743 г.). Эти сведения позволили предположить даты жизни Романа примерно с 1670-х годов до 1717 года. Последующие владельческие документы рода оформлялись на имя его потомков.

Сегодня мы не можем представить себе человека без наследственной фамилии, переходящей от отца к сыну в неизменном виде. Однако и в Европе эти фамилии нашли распространение лишь в XV веке, у днепровских же казаков гораздо позже. До этого каждый имел имя, данное при крещении, и место рождения. Так и наша фамилия в доку-

ментах первой половины XVIII века варьируется многократно, в том числе у одного и того же лица: Ваца, Вацин, Вака, Ватченко, Ваченко... Только после 1774 года для всех членов рода в метрических книгах, исповедных росписях, ревизских сказках и большинстве других документов использовалось, как основное, написание "Вака".

Румянцевская опись упоминает о Никите Вака (1720-1769), внуке Романа, как о "векуистом (вековом) козаке", т.е. казаке более чем в третьем поколении. Поэтому поиск родителя уже найденного родоначальника начали с предположения о его вхождении в казацкую старшину Гетманщины второй половины XVII века.

Решение вопроса социальной принадлежности теснейшим образом связано с правом владения на землю. Положения Литовского Статута (им продолжали пользоваться и после свержения польской власти в Гетманщине) отрицали за крестьянами право земельного владения. В Румянцевской описи (1765-67) есть данные о перешедшем к Никите Вака/Ваченко (внуку Романа) родовом хозяйстве. Анализ купчих крепостей рода за 1714-67 гг. позволил утверждать, что проданное и приобретенное земельное имущество после Романа незначительно изменило его состав и размер. Земельный надел, указанный в днях пахоты, составлял при этом порядка 155 десятин.

Согласно ордеру гетмана К.Разумовского от 1753 года и данным по Переяславскому полку (как административно-территориальной единице), хозяйство казаков Вака находилось в первой сотне среди нескольких тысяч хозяйств Переяславщины. О достатке их говорит и факт, засвидетельствованный в одном из решений Гельмязовского сотенного суда за 1744 год: Лукьян Романов Вака передал две "нивы" казаку Корнею Шептуну за возможность иметь круглогодичную переправу через речку Булатец (кстати, в том же документе его брат записан как "Грицко Вацин").

Вторая половина XVII века для Гетманщины - время смут и разорения, и говорить о постепенном накоплении крупного хозяйства трудно. Оно должно было быть создано в достаточно короткий срок, что мог сделать только хозяин, находившийся во властных структурах.

Изученные списки казацкой старшины XVII века показали, что почти все упомянутые там лица не имеют отношения к нашему роду. Среди же оставшихся особое внимание сразу привлек **Сербин Войца**, в 1675-82 гг. полковник Переяславский (так он сам подписывался - но чаще использовалось просто "Войца"). Имя-прозвище Войца (Вуйца) и фамилия Ваца, Вацин имели определенную графическую и фонетическую близость.

С начала XVI века днепровские казаки вели постоянную вооруженную борьбу с татарами и турками, став естественными соратниками православных народов, оказавшихся под властью Османской империи. Участие балканских выходцев в походах казаков того времени широко известно. Особенно заметно это стало с началом козацко-польской войны 1648-54 гг. Основываясь на "Реестре Войска Запорожского 1649 року", можно сказать, что в рядах казаков были сотни таких выходцев, многие из которых остались в полках и после освободительной войны.

Сербин Войца пришел в Малороссию в 1665 году в составе "товариства хорогвей волоских" Дмитрашки Райча (Родион Думитрашко). Войца (Вуйца) - уменьшительное от сербского Вук (Волк). В первый раз это имя со званием сотника Золотоношского встречается в числе подписавшихся под присяжным листом статей Козацко-Дубровской рады, выбравшей в июне 1672 гетманом Самойловича. Как видно, Войца к тому времени обжился в местечке Золотоноше и руководил постройкой там местной церкви. Когда полковник Переяславский Дмитрашко и сотник Золотоношский Сербин Войца уехали в Козацкую Дуброву, то наказной сотник Золотоношский Тимко Бурмака писал (8 июня 1672 г.) к наказному полковнику Переяславскому Олихверу Максименку: "Изволь, милость твоя, написать в табор к господину Дмитрашку Райче полковнику, чтобы Войцу, сотника нашего, прислал для совета подавания нам, созидания ради церкви Божии;

уже мы и плотников наняли".

Есть известие, что после рады Войца ездил в Москву хлопотать об утверждении вновь избранного гетмана "Войска Запорожского обоих берегов Днепра" и об оставлении за днепровским воинством старинных вольностей.

Через три года Войца стал полковником Переяславским. Он командовал полком (как боевой единицей), выполнял ответственные гетманские приказы, руководил и хозяйством полка (как административно-территориальной единицы). Почти вся военная служба заключалась в борьбе с турецко-татарской агрессией.

В 1682 году Войца попал в опалу, как участник заговора Думитрашки, претендовавшего на место гетмана. Гетман Самойлович лишил Сербина полковничества и посадил в тюрьму. 30 апреля 1684 года генерал русских войск Патрик Гордон упоминает в своем дневнике, что Войцу держат еще в тюрьме и ему угрожает смертная казнь. Осенью 1684 года он сумел каким-то образом выйти на свободу и после этого более двух лет находился на положении простого казака.

В 1686 году между Речью Посполитой и Московией был заключен "Вечный мир". Киев признавался за Московией, взамен Московское государство вступало в войну с

Турцией. Срочно потребовались опытные военачальники, и в начале 1687 года Сербин Войца занял пост наказного полковника - во главе отряда в 1000 человек. В июле он принял активное участие в Коломацком перевороте (против гетмана Самойловича) и был выбран "генеральным асавулом" (высший чин после гетмана). Уже 28 ноября 1687 года Патрик Гордон записал в дневнике, что Войца ("Boitz oder General-Adjutant der Kosaken") с отрядом легкой конницы в 1000 человек сделал рекогносцировку к Кизи-Кермену, потеряв убитыми несколько человек...

Но тут его "патрон" Думитрашка начал интриговать уже против Мазепы. В письме к В.Голицыну Мазепа 20 сентября 1688 года просит, чтобы тот "Думитрашка из Севска в Батуриин был отпущен" для расследования, пишет и про генерального асавула: "Имел Войца прежде сего того татарина в руках своих, и отпустил его на волю при гетманстве Самойловичее, а потом сызнове тот татарин при гетманстве моем попал сюда ж в руки, и посажен в тюрьму в Батуриине, где

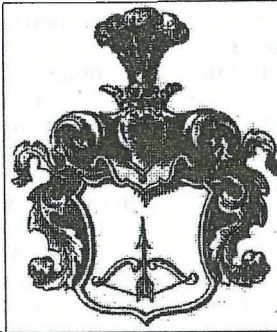
Войца крепким неотступным домогся ево у меня, и позволил ему я взять ево на свои руки, и обещался он Войца додержать ево до воли моей, но не устоял в том слове".

20 января 1689 года гетман сообщает в Москву, что генеральный асавул тяжело заболел и "с доброй своей воли" просит об освобождении от генерального уряду. Болезнь Сербина Войцы оказалась настоящей и серьезной. В феврале 1689 года он принял монашеский постриг под именем Виктор и вскоре умер.

Итак, существование переяславского реестрового казака Сербина Войцы - факт несомненный. Правдоподобно и происхождение от него калениковского реестрового казака Романа Ваца. Родство между Войцей и Романом Вацей хотелось бы подтвердить записями из метрических книгах церковью Золотоноши или Переяслава, но они пока не обнаружены. Метрические записи Покровского храма с. Каленики сохранились только с января 1734 года - и, пока не отысканы прямые документальные свидетельства этого факта, мы включили имя Сербина Войцы в родословное древо на основе предположений.

О своих здравствующих детях Сербин Войца упоминает в своей дарственной грамоте. Имя его дочери есть в росписи родословия казаков Томара (фамилия греческого происхождения) переяславской старшины. Там указана Варвара Вуйцевна (ск. 1698) - первая жена полковника Переяславского Степана Ивановича. Редкое отчество и нахождение ее в кругу старшины несомненно указывают, что это дочь Войцы. Известно также, что впоследствии уже дочь Степана Ивановича Томары от его второго брака после смерти отца просила предоставить ей "для кормления" посполитые (крестьянские) дворы именно в селе Каленики. И получила шесть дворов в 1716 году по универсалу (грамота на владение) гетмана Скоропадского во владение - причем рядом с домом Романа Ваки!

Сам Роман Ваца родился примерно в 1670-х гг. и по

Печать Войцы Сербина, полковника Переяславского 1679 г. Вокруг щита буквы: В. С. П. В. Е. Ц. П. В. Z. П. - "Войца Сербин, полковник войска его царского пресветлого величества Запорожского Переяславский"

возрасту полностью соответствует времени, когда у Сербина могли быть дети.

Документально установлено наличие у Романа Ваца родового имени в Калениках. А как же он оказался там? Никаких значительных административных должностей он в Гельмязовской сотне не занимал, и создать свое поместье у него возможностей не было... Вернемся к биографии Сербина Войцы.

После опалы 1682 года у него по порядкам того времени отобрали ранговое имущество. Еще в тюрьме Войца дал обет - за свое спасение пожертвовать что-то из имущества в пользу Церкви. И, едва освободившись, спешит его выполнить. Понимая, что городская усадьба в Переяславле ("...меючи я дом свой на пляцах, в певних межах и границах кождий особ поскуплених, а мною юж самим построенный и незаведенный, близь церкви Воскресения Христова...") всегда будет привлекательным куском для завистников, Войца завещает ее Киевскому Свято-Никольскому Пустынному монастырю. В документе от 17 октября 1684 года Сербин впервые называет себя крестильным именем - Василий - и указывает на наличие у себя детей.

Лишившись ранговых имений, Войца, очевидно, заново организовывал свои житейские дела.

После передачи городской усадьбы монастырю находиться в Переяславле, на глазах у новых властей семье опального бывшего полковника Переяславского было опасно. И местом, куда бы они могли переселиться, оказалось село Каленики, входившее в управление сотника Гельмязовского Ивана Сулимы - близкого друга и душеприказчика Войцы (в завещании он пишет, что его дом стоит "...через улицу противко домов панов Сулимов Иоана Стефановича, сотника Гельмязовского, Александра Стефановича, хорунжевого полкового Переяславского, стоячий...")

Чтобы не быть обвиненным в чрезмерных симпатиях к опальному Сербину, Сулима предложил поселиться семье не в сотенном местечке Гельмязово, а рядом, в селе Каленики. Здесь семья Сербина приобрела земельные угодья, построила усадьбу, вошла в состав местного козацкого общества. Из Калеников, судя по всему, была родом и одна из жен Войцы.

В июле 1687 года он снова получает ранговое имущество как "генеральный асавул", которое после его смерти не осталось семье - дети (их матери умерли до 1684 года), зная об отношении гетмана к отцу, не решились просить об этом власти. Да и в Калениках семья обжилась окончательно...

Исследуя свою родословную, не могли мы пройти и мимо сюжетов, связанных с историей различных местных памятников. Особый интерес вызвало появление в Калениках на рубеже XVII-XVIII веков редчайшей (если не единственной) для всей округи могилы-кургана с каменным крестом.

Старожилы о происхождении калениковского креста могли только сказать, что это древняя козацкая могила. Между тем вполне вероятно, что этот памятник - еще одно подтверждение проживания здесь Сербина Войцы.

Одной из черт погребального обряда казаков было насыпание над умершим выскокой могилы-кургана - старинный атрибут погребения воинов-профессионалов. Установка намогильного креста при этом стала практиковаться казаками во второй половине XVII - XVIII веке.

Доставка каменного креста по бездорожью требовала по тем временам немалых средств. Ближайшие карьеры серого песчаника были около местечка Яготин в верховьях реки Супой, и кратчайший путь его доставки в Каленики был по воде. Каменный крест, вероятно, был по реке доставлен к берегу у кургана, а затем протащен волами или людьми всего несколько десятков метров на его вершину. Сделать это удобнее было весной во время разлива.

На кресте не выбито имя. Так кто же был похоронен на этом месте?

Такие же памятники Переяславщины можно встретить на страницах очерка и альбома Вадима Пассека. Он видел их в 1830-х годах и оставил для нас кресты в своих зарисовках "молодыми". Только на одном кресте, стоявшем в поле под Переяславлем, он с трудом прочитал высеченную надпись, "...из которой видно, что здесь погребен Кошевой Василий Григорьевич Риза. Год означен 1762; на обороте значится самый день кончины". Другие кресты были им обнаружены на одном из переяславских кладбищ; еще один был около села Яготин, по дороге на Переяславль. В. Пассек отметил, что "...кресты по виду и работе не принадлежат нашему времени. Можно сказать утвердительно, что эти кресты устанавливались над прахом людей значительных".

В Малороссии до конца XVIII века не было отдельных кладбищ, и своих усопших хоронили в саду церковной ограды или в собственном саду. Исследованные документы позволяют считать, что могила-курган с каменным крестом находится на земле, принадлежавшей в конце XVII - начале XVIII века роду Ваца-Вака - возможно, в то время это был сад.

Возможно, что этот крест являлся обетным и был заказан еще при жизни самим Сербином Войцей (подобные намогильные кресты, кстати, принято было ставить и на отчизне Сербина Войцы в Сербии). Зная, по крайней мере, два его поступка (завещание и принятие пострига), считаем, что такой шаг явился бы вполне логичным для него. Для Войцы крест, как памятник, нес в себе нравственный смысл оценки его жизни. Обетный каменный крест призван укрепить веру, напоминая о необходимости несения своего креста каждому - ибо, "кто не будет нести креста своего, и не следует за Мною, тот не достоин Меня" (Мф. 10.38)".

Русло Супоя сократилось на много сотен метров даже со времени путешествия в наши края В. Пассека, и каменный крест стоял уже довольно далеко от него. А в 1975 году крест уже лежал на земле - свалил его плугом при проведении пахоты тракторист.

В 1978 году случайно были вскрыты несколько захоронений вокруг креста. Об этом мы узнали, к сожалению, много позже. Возможно, это были семейные могилы XVIII - начала XIX века. В 1985 году крест упал в карьер, из которого брали глину для местного кирпичного заводика, и с тех пор его никто больше не видел. Так закрылась еще одна страница истории днепровского казачества...

Остается добавить, что Сербин Василий родился на территории, долгое время управлявшейся венграми, и называл себя по правилам венгерского языка: "Сербин Войца" (сначала - фамилия-прозвище, потом - имя). Второе слово здесь для его украинско-русского окружения обозначало фамилию (или прозвище). Неоднозначность в местоположении имени и фамилии в разных языках привела к возникновению у потомков фамилии в форме "Ваца" - потомки Сербина использовали его имя-прозвище Войца как фамилию для всех членов рода.

В скором времени после смерти Сербина Войцы указом Петра I были отменены и отбирались многие земельные и другие пожалования козацкой старшине. Может быть, в силу противоречивого политического положения Войцы в конце жизни, наследники не старались подчеркнуть родство с ним, а последующие потомки не смогли сохранить память о своем родоначальнике. И только предпринятое исследование дает основание считать Сербина Войцу прародителем днепровских реестровых казаков рода Вака (Ваца, Вацина, Ватченко, Ваченко, Вака).

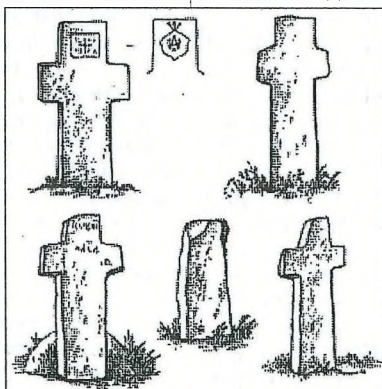
А. Вака, Б. Вака

Калениковский крест

1987 - Калениковский крест

Кресты из альбома В. Пассека

Переселение на Кубань

В 1787 году Императрица Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествие по южной России. По свидетельству первых историков Черноморья Я.Г. Кухаренко и А.М. Туренко, 3 июля в Кременчуге князь Г.А. Потемкин представил ей бывших запорожских старшин, которые и поднесли государыне прошение о восстановлении войска Запорожского. Чаяния старшины удивительным образом совпадали с намерениями русского правительства:

ввиду надвигающейся войны с Турцией оно думало об усилении военного потенциала страны. Одной из задуманных мер и было создание нескольких казачьих войск.

20 августа 1787 года Потемкин отдал следующее распоряжение: "Чтоб иметь в наместничестве Екатеринославском военные команды волонтеров, препоручил я секунд-майорам Сидору Белому и Антону Головатому собрать охотников, и коных и пеших, для лодок, из поселившихся в сем наместничестве служивших в бывшей Сечи Запорожской казаков". К этому времени С. Белый был предводителем Херсонского дворянства, а А. Головатый - капитан-исправником (капитаном земской полиции) в Новомосковске.

Первые результаты сбора "охотников" из бывших запорожцев оказались неутешительными, и уже 12 октября Потемкин разрешил набирать таковых "из свободных людей". К концу года "в вольной запорожской команде" числилось 600 человек. Руководство командой с первых дней было поручено С.И. Белому. Сам Потемкин уже с октября 1787 года стал употреблять выражение "войско верных казаков", которое со временем вытеснило все другие наименования. В январе 1788 года Потемкин назначил подполковника Белого "Войсковым Атаманом верных казаков".

В ноябре 1788 года в документах князя Потемкина появляется выражение "черноморские казаки", а в декабре речь идет уже о "Черноморском казачьем войске". Полное наименование звучало так: "Ея Императорского Величества войско верных Черноморских казаков".

Черноморское войско приняло участие в основных операциях войны с Турцией 1787-91 гг. и к моменту ее окончания насчитывало около 12 тыс. чел. Правда, списочный состав никогда не соответствовал наличному; а если исключить "престарелых, неспособных и малолетних" казаков, то количество реальных бойцов составляло примерно половину от внесенных в куренные "компуты".

В 1791 году умер покровитель черноморских казаков Г.А. Потемкин. С его смертью черноморцы оказались в тяжелом положении: территория между Бутом и Днестром, выделенная им в 1790 году для поселения, так и не была юридически закреплена за казаками. Черноморцы остро чувствовали шаткость прав на забужские земли.

Уже с ноября 1791 года войсковое руководство начинает активно ходатайствовать о выделении новых земель для поселения. Еще 14 января 1788 года Екатерина II разрешила Потемкину отвести земли казакам для поселения в Керченском куте или на Тамани, предоставив решение этого вопроса на усмотрение светлейшего. Кроме того, в 1790 году князь подарил черноморцам свои рыбные ловли на Тамани. И вот теперь казаки просили выделить уже "ассигнованные" им земли.

И снова желания казаков и правительства совпали, поскольку последнее приступало к практической реализации своего плана военно-казачьей колонизации кубанских земель. В начале февраля 1792 года в войске получают приказ о направлении депутатов для получения царской Грамоты на "новопожалованные" земли. На имя Императрицы готовится специальное прошение, а руководителю делегации войсковому судье А. Головатому вручается специальная инструкция из 11 пунктов.

Миссия Головатого увенчалась успехом: главные просьбы казаков были удовлетворены. 30 июня 1792 года последовал именной указ Сенату и почти идентичная по содержанию Высочайшая Грамота, в которой, в частности говорилось: "... Желая воздать заслугам войска Черноморского ... Всемилостивейше пожаловали оному в вечное владение состоящий в области Таверической остров Фанагорию с

всею землею лежащею на правой стороне реки Кубани от устья ее к Усть-Лабинскому Редуту - так чтобы с одной стороны река Кубань, с другой же Азовское море до Ейского городка служили границею войсковой земли..."

Черноморское войско имело гребную флотилию, пешие и конные полки, артиллерию, свой архив, администрацию. Переселить такую массу людей на Кубань было не просто. По словам Ф.А. Щербины, Войсковое правительство решило переводить войско на Кубань несколькими партиями. Первым в путь должен был выступить казачий флот.

Здесь следует оговориться, что переселение черноморских казаков на Тамань планировалось много раньше издания указа Сенату и Грамоты от 30 июня. Первое повеление о передвижении казачьей флотилии к Тамани последовало еще ранней весной 1792 года, но было приостановлено до получения надлежащих сведений о кубанской земле. Исследование Тамани, проведенное под руководством генерал-аншефа Коховского, показало, что земель острова явно недостаточно для поселения черноморского войска. Очевидно, вскоре после этого и последовало решение о выделении казакам просимых земель ("Тамань с окрестностями оной" - говорилось в прошении).

В начале мая бригадир русского флота П.В. Пустошкин получил приказ "препроводить" казачью флотилию до Тамани; 13 мая он сообщил об этом в войско и затребовал данные о состоянии флотилии.

Из рапортов командиров флотилии видно, что часть лодок требовала серьезного ремонта, а часть оказалась "совсем неспособной к подчинке". 20 июля 1792 года П.В. Пустошкин вместе с командиром казачьей флотилии С. Белым осмотрели в урочище Аджибей все суда и из 54 лодок выбрали только 26 "способных дойти до Тамани". К этим 26 "способным" лодкам старой постройки были добавлены 24 новых лодки и 1 яхта, выстроенные самими казаками при урочище Фальче на реке Фрут.

Починку и оснастку судов удалось завершить к 8 августа, и в этот же день командующий походом бригадир Пустошкин с борта флагманского судна "Благовещение" отдал приказ командирам частей казачьей флотилии о готовности к походу и о правилах движения в пути. 16 августа из Очаковского лимана к берегам Тамани двинулась огромная эскадра, включавшая в себя казачью флотилию из 50 лодок, яхту и бригадирину "Благовещение" с вымпелом П.В. Пустошкина, 11 транспортных судов (перевозили часть людей и тяжелые пушки) и несколько "корсерских судов", в задачу которых входило охранять флотилию. Осторожно двигаясь вдоль берегов Крыма (лодки не предназначались для плавания в открытом море), флотилия 25 августа 1792 года достигла берегов Тамани.

Точному численности первого десанта установить, по-видимому, не удастся. 4 августа 1792 года С. Белый рапортовал, что при флотилии "имеет ныне следовать старшин и казаков две тысячи восемьсот тринадцать человек". Из текста не вполне ясно, учитываются ли здесь казаки, помещенные на транспортные суда. И, самое главное - за две недели до отплытия это число могло измениться не раз.

В любом случае, гораздо предпочтительнее рапорт Белого от 10 сентября 1792 года "о казаках, находящихся на гребной флотилии при Тамани": "Полковников - 4, старшин - 4, ассаулов - 4, хорунжих - 4, квартирмейстеров - 4, сотников - 51, атаман и пушкарь 21, канонир - 124, казаков - 3031. А всего 3247 человек". Эту цифру и следует принять за ориентир - но абсолютизировать нельзя и ее. Дело в том, что на Тамани еще до переселения туда черноморцев находилось значительное количество "разного рода бурлак", которые бродяжничали и занимались промыслами. М. Гулик во время своего знаменитого осмотра "Кубанской стороны" насчитал их более двух тысяч, их них 114 чел. сразу же записались в казаки. У нас нет полной уверенности в том, что подобную процедуру не проделал С. Белый и не показал вновь поступивших в казаки в общем списке.

Ф.А. Щербина (а вслед за ним и многие другие авторы) пишет о 3847 казаках, высадившихся на Тамани. Это явная ошибка. Из документов выхвачена цифра гораздо более позднего времени. 3847 чел. появляются в рапортах только начиная с 1 ноября - увеличение численности произошло за счет шестисотенной команды полковника Кордовского, прибывшей на Тамань сухопутным путем через Крым.

Между 25 января и 20 февраля 1793 года на Тамань прибыло еще 100 чел. вместе с казначеем гребной флотилии, и численность казаков на Тамани достигла 3947 чел.

Между тем, после отплытия флотилии кошевой атаман З.А.Чепега активно собирал в Слободзее конных казаков и "войсковые тяжелости". 2 сентября 1792 года он рапортовал М.М.Коховскому: "...имею честь довести, что в поход с конною командою 2063 человек, старшинами и казаками и войсковым правительством на всемилоостивейше пожалованную войску Черноморскому землю сего числа выступил". Отряд Чепеги шел на Кубань длинным "северным маршрутом". Через Буг переправились в Соколах, через Днепр у Берислава, затем путь пролегал по землям бывшей Запорожской Сечи и войска Донского.

Переправившись через Дон в том месте, где вскоре будет основан Новочеркасск, Чепега 23 октября достиг границ войсковой земли. Вступил на пожалованную землю, отряд двинулся на Ейскую косу, где и остановился на зимовку в ханском городке (ныне на этом месте г. Ейск). В рапорте войскового правительства Таврическому губернатору С.С.Жегулину от 9 декабря 1792 года сообщалось: "...войска северных Черноморских конная команда в 2075 человек состоит благополучно, по дозволению вашего превосходительства на зимовку расположилась при Ейской косе в Донском городку. Землянки построили в обветшалых правлененных бывших в Ейской косе двух ханских соляных амбаров, церковь походную разбили в бывшем ханском доме".

10 мая 1793 года конный отряд Чепеги выступил к южным рубежам войсковых земель на пограничную реку Кубань. Прибыв 19 мая к Усть-Лабинскому редуту, атаман рапортовал генерал-аншефу Гудовичу: "Вашему Превосходительству имею честь доложить, что я по исполнению воли Ея Императорского Величества для учреждения от Усть-Лабинского редута по реке Кубани пограничной стражи с конною командою прибыл. Всей команды налицо состоит старшин и казаков 1011 человек".

23 мая войсковому полковнику Кузьме Белому было поручено расставить кордоны вниз по Кубани от Воронежского редута до Казачьего ерика, кордоны вниз от Копыла устанавливал поручик Захарий Малый. Сам атаман Чепега с основными силами двигался следом за Кузьмой Белым. 9 или 10 июня он достиг местности, именуемой Карасунским Кутом. В письме к войсковому судье Головатому от 12 июля 1793 года он сообщил о принятии важнейшего решения: "...уведомляю, что я расставивши по реке Кубану пограничную стражу, состою с правительством над оною при урочище Карасунском Куте, где и место сыскал под войсковой град". Именно во второй половине 1793 года состоялось фактическое и юридическое основание Екатеринодара.

После ухода Чепеги из Слободзеи войсковой судья Головатый занялся подготовкой переселения оставшихся казаков и членов их семей. 1 января 1793 года он предписал полковнику Л.Тиховскому оповестить всех казаков о готовности к походу, а также предупредил всех должностных лиц о сроках и маршруте движения. Оставшаяся часть войска должна была следовать в 20 колоннах через Буг на Сокольский перевоз, а затем на Берислав. Общее количество людей в колоннах Головатый определил примерно в 5 тысяч человек.

26 апреля его отряд выступил в поход. В авангарде, для отыскания водопоев и подножных кормов, шел старшина Танский. Войсковой судья прошел по маршруту Чепеги до Берислава, где разделил свой отряд. Три колонны пехоты и легкий обоз составили отряд войскового полковника И.Юзбаши, направившийся через Таврическую область на Керчь и Тамань. Остальные колонны из конных и семейных казаков вместе с тяжелым обозом составили отряд войскового полковника Л.Тиховского, который последовал и дальше путем Чепеги через Запорожье и Дон.

Сам Головатый двинулся через Крым, но не с колоннами Юзбаши, так как в Тамани оказался намного раньше его. Вероятно, войсковой судья шел ускоренным маршем с небольшим легким отрядом и прибыл в Тамань где-то в конце мая или самом начале июня 1793 года. Колонны И.Юзбаши прибыли на Тамань только 4 августа. Через шесть дней, 10 августа, реки Еи - северной границы войсковой земли - достигла первая колонна из отряда Тиховского.

По маршруту Тиховского двинулась затем на Кубань и колонна войскового полковника Алексея Шульги, сформированная из казаков, не успевших присоединиться к Головатому, численностью около 100 человек. 11 сентября эта группа тоже прибыла на Кубань.

Мы можем указать еще, по крайней мере, на две небольшие организованные партии переселенцев. 6 июня выступил на Кубань небольшой отряд полкового хорунжего Орлова, составленный из старшин и казаков, проживавших в различных местах Таврической области. Войсковой есаул Сутыка, находившийся в Березанском Коше с "войсковыми тяжелостями", доставил их на обывательских подводах в Керчь, а оттуда на войсковых лодках в Тамань. В январе 1794 года на Тамань с Сутыкою прибыло 142 казака.

В дальнейшем на Кубань идут казаки-одиночки, небольшие группы, отдельные семьи. Для препровождения их далее в Бериславе был организован пересыльный пункт под командой полкового старшины Трофима Рохмановского.

И последний аспект переселения. После ухода на Кубань отряда войскового судьи Головатого в Слободзее осталась комиссия во главе с полковым есаулом, армии поручиком Ф.Я.Черненко, назначенная для сбора оставшихся казаков и отправки их на Кубань. Но далее события вышли из-под контроля войскового руководства.

7 июля 1794 года генерал-фельдмаршал П.А.Румянцев приказал всех черноморских казаков, "бродивших по степям в поисках работы", определить гребцами на флот вице-адмирала Де-Рибаса. Последний потребовал от Ф.Я.Черненко немедленно начать сбор казаков в Хаджибее (Одесса) для лодок Гребного флота. Возникла так называемая Черноморская команда казаков, считавшаяся временно прикомандированной к Гребному флоту. Общая ее численность на январь 1795 года составляла 1123 чел.

(из них на Гребном флоте на 10 казачьих лодках служили лишь 121, а большая часть казаков выполняла строительные работы в гавани).

Часть казаков указанной команды умерла от тяжелых работ, часть бежала, некоторые, получив земельные наделы (в том числе и сам Ф.Я.Черненко) осели на постоянное жительство в одесских предместьях. В 1797 году Черноморскую команду официально расформировали. В октябре этого года 247 казаков команды добрались на Кубань. Сколько всего казаков перебралось на Кубань из партии, собранной Черненко, установить трудно, в отдельных работах речь идет о тысяче человек.

В заключение попытаемся ответить на следующие вопросы: сколько казаков переселилось на

Кубань в составе организованных партий в 1792-1793 гг., какую часть из них составляли бывшие запорожцы, каким был национальный состав переселенцев?

В исторической литературе нет единого мнения о численности переселенцев за эти годы. А.Скальковский говорил о 5803 казаках. М.Мандрика считал, что на Кубань перешло 8200 человек, а 4400 по разным причинам остались. И.Д.Попка указывал на 13 тысяч строевых казаков и "при них до пяти тысяч душ женского пола". П.И.Короленко и Ф.А.Щербина вели речь о 17 тысячах душ мужского пола.

В ряде случаев эти разногласия вполне объяснимы. В источниках не всегда можно разобрать значение той или иной цифры. Идет ли речь только о мужчинах или о женщинах тоже? Указаны в числе казаков только строевые или же строевые вместе с престарелыми и малолетними? Но самое главное - и спустя десятилетия никто не мог точно пересчитать казаков, бродивших по степям и плавням Черномории. Показательный пример из чуть более позднего времени. По переписи 1800 года в Черномории числилось 13681 мужчины и 659 женщин, по ревизии, сделанной по повелению генерала И.И.Михельсона добавилось еще 1152 мужчины и 112 женщин, а по переписи 1801 года "нашлось" еще "сверх означенного количества" 8693 мужчины и 2960 женщин.

Постараемся привязать число переселенцев (помня об относительности приводимых цифр) к конкретному времени. По рапортам командиров переселенческих партий к сентябрю 1793 года на Кубань перешло примерно 13 тысяч человек. 1 декабря 1793 года Таврическому губернатору С.С.Жегулину был подготовлен рапорт о состоянии войска: 6931 человек конной команды и 4746 пеший. В целом

же рапорты 1793 года создают впечатление отписок. В течение нескольких месяцев фигурируют одни и те же цифры.

Действительно, кто мог точно сосчитать казаков, приехавших в Черноморью в разное время в составе разных отрядов и расселявшихся стихийно и хаотично. Буквально через 4 года (в 1797 году) атаман Т.Т. Котляревский в записке на имя императора утверждал, что в 1793 году "перешло на новую землю... в числе мужского пола до 16 тысяч".

В 1794 году черноморцы расселяются куренными селениями в установленных местах. Это позволяет собрать несколько более точные данные. К июлю этого года по рапортам войска численность казаков достигла 12544 человек, из них взрослых и годных к службе 7761. К октябрю численность войска достигла 14156 человек, к декабрю - 16222-х, из них годных к службе 10408.

Сколько же из них бывших запорожцев? По мнению И. Бентковского, в 1795 году "истых сечевиков" насчитывалось только 30 %, "охотников" из свободных людей - 40 %, "прочих" - 30 %. Методика получения этих цифр не совсем понятна и, возможно, не вполне корректна. Ф.А. Щербина просто констатировал: "...в Черноморское войско записалось много лиц, не имевших никакой связи с Сичью".

Определенную помощь в разрешении этого вопроса могут оказать материалы переписи 1794 года, проведенной

поручиком Миргородским и корнетом Демидовичем. Из 12645 казаков, проживавших в 40 куренях, бывших запорожцев оказалось 5503 человека, то есть приблизительно 43 %. Эти цифры очень относительны. В числе "запорожцев", бесспорно, присутствует немало беглых, создавших себе более или менее убедительные легенды. Приток беглецов на Кубань, по словам В.А. Голобуцкого принимавший порой "черты организованного переселения", должен был неуклонно снижать процент бывших запорожцев среди черноморских казаков.

Источники комплектования и пополнения Черноморского войска определили его многонациональный состав. Еще Щербина писал о разноплеменном войске, собранном из разных мест. В то же время мы вполне солидарны с "дидом кубанской истории" в том, что представители других национальностей оставались в явном меньшинстве среди массы малороссийского населения. В подавляющем большинстве списков - стандартная формулировка: "породы малороссийской, звания казачьего".

И трехэтапное - в течение последующих 60 лет - переселение на Кубань более сотни тысяч малороссийских казаков и крестьян лишь окончательно определило этническое лицо черноморского казачества.

Б. Фролов

Казаки станицы Старощербиновской

В Рапорте Кубанского казачьего войска Старо-Щербиновского станичного правления от 28 февраля 1861 года (ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 1, лл. 350-360), в котором офицеры, урядники и казаки протестуют против принудительного переселения всех жителей Старощербиновской (450 семей) и Конеловской (320 семей) станиц на передовую линию в предгорья Западного Кавказа (Закубанье), дан полный список главам старощербиновских казачьих семейств.

Поскольку фамилии черноморских казаков к 60-м годам XIX века еще не фиксировались в документах в строго определенной форме, то одну и ту же фамилию в списке мы встречаем в самых разных орфографических вариантах, с наличием патронимических суффиксов (-енко, -чук) или без них. Например, одна из самых распространенных старощербиновских фамилий Вивчар писалась и как Вевчарь, Вевчаренко, Вивчаренко - то есть налицо сразу четыре варианта написания. Посему в скобках напротив некоторых фамилий, воспроизводимых в документе в архаической форме, даются их современные - наиболее нормативные и употребляемые варианты написания.

Что же касается этно-социального происхождения фамилий старощербиновских казаков, то большинство из них имеют запорожско-малороссийские корни - Батец, Белый, Безридный (Безродный), Гришко (Грищенко), Гудзь, Дахно, Довбыш, Вивчар (Вевчаренко), Задависьчечка, Иващенко, Конограй, Есауленко, Кияшко, Кравченко, Курило, Ляхно, Науменко, Рябчук, Шульга, Щербина... Фамилии южно-русских однодворцев, подобно малороссийским казакам пополнявшим до середины XIX века Черноморское и Кавказское линейное казачье войска, представлены Шишковыми, Андросовыми, Земскими, Кривцовыми (Кривцевыми), Колесниковыми и, судя по всему, Костюковыми, а также Стрельниками и Сидельниками (хотя последние две фамилии могут иметь и русско-литовские корни - стрельниками и сидельниками назывались в Великом княжестве Литовском определенные разряды служивых людей).

Редкая фамилия Яцевило (встречавшаяся на Кубани, пожалуй, только в Старощербиновской) - литовского дворянского происхождения и указывает на давние связи между казачьими землями Украины-Руси с Великим княжеством Литовским. Также литовскими являються фамилия урядника Сюсюкало (Сесюкало) и казака Голояда. Последняя на староказачьем малороссийском наречии означала принадлежность к голяди - балтийскому воинственному племени, обитавшему на территории нынешней Литвы и к востоку и юго-востоку от нее.

К категории фамилий по этническому признаку принадлежат и другие старощербиновские казачьи роды: Литвиненко, Москаленко, Сербыны, Турчины, Циганки (Цыганко), Шведовы и, возможно, Черкасские.

Довольно часто в списке казаков фамилии указывают на города, посады и села Юго-Западной Руси и Великого княжества Литовского (Белоруссии), откуда вышли их

первоначальные носители: Батуринец (из Батурина), Городиский (из Городища, Градижск Полтавской губернии), Зиньковец (Зеньков Полтавской губернии или Зиньков на Подолии), Коломиец (Коломыя на Подолии), Котельва (местечко Котельва на Полтавщине), Ливенец (Ливны на Курщине), Лубенец (Лубны Полтавской губернии), Оболонский (Оболонь Полтавской губернии), Пинчук (Пинск в Белоруссии). Большинство из вышеперечисленных городов - ареал давнего расселения Днепровского (Запорожского и Малороссийского) казачества.

В списке есть и древнерусская аристократическая фамилия Борецкий. Борецкие известны с древности - различные ветви их существовали еще в XVII веке в Киеве, Великом Новгороде, Литве и Польше, а позднее отмечены даже в Шведском королевстве, где были утверждены в своем достоинстве и введены в Шведский рыцарский дом. Интересная фамилия Скрагель (также Шрагель - *Skragel, Schragel*) - несомненно, немецкого происхождения: ее первый носитель в малороссийско-казачьей среде наверняка был уроженцем одного из германских государств. Из других старощербиновских фамилий германского корня отметим также фамилии Шпиг (нем. *Spieg* - сало) и Шрам.

Французской или английской может показаться фамилия Какиер. На самом деле, Какиеры - западно-польского происхождения, из мещан Познанско-Гнезненских княжеств Прусской монархии. Польское *kakier* на городском, давно забытом познанском диалекте означало маляр.

Среди казаков находим мы и фамилии евреев-выкрестов - это Менделей и Могилатов.

Фамилии Бакей, Балабий, Бардак, Бут, Кошман, Сагай, Гайдарь, Цокур и Шабалтий, безусловно, тюркского извода - сохранив колорит древности, они могли придти к казакам от крымских татар или караимов. Хотя, скорее, достались своим носителям от стародавних казачьих предков - протоказачьего населения причерноморских и донских степей, известного как черные клобуки.

Иак, старощербиновские казаки к 1861 году представляли собой цельную общину - сформировавшуюся, главным образом, на основе родов бывших запорожских и малороссийских казаков, имевших древние корни, восходившие к легендарным черным клобукам, шляхетству Юго-Западной Руси, Литвы и Польши, с вкраплением однодворческого элемента засечных украинских линий Московской Руси и небольшого числа выкрестов (караимов и евреев). Последние зачастую были просто незаконнорожденными детьми "матерых" безбрачных запорожцев и их сожительниц иудейского исповедания (и посему говорить о вполне еврейском происхождении тех же старощербиновских Менделей можно лишь условно).

К сожалению, революция, меры по расказачиванию и раскулачиванию полностью уничтожили многие казачьи фамилии, стерев их из памяти людской. "Черные доски", на которые была занесена Старощербиновская, довершили в

1933 году разгром ее своеобразной этно-социальной общности, ведущей начало от Щербиновского куреня Войска Запорожского Низового. В нынешней Старощербиновке можно встретить, пожалуй, лишь менее трети от всех фамилий приведенного списка...

Штаб-офицеры: отставной подполковник (Андрей Якимович) Ткаченко (Ткаченко-Поповский); отставной есаул Гудзь, военнотружашый есаул Трофим Колесников.

Обер-офицеры: отставной сотник Бардак, отставной сотник Бухенник, сотник Кондрат Дичевский, отставной сотник Игнатенко, отставной сотник Исаак Кривцов (Кривцев), отставной сотник Прокофий Кривцов, сотник Иосиф Нагий, сотник Назиров, отставной сотник Иосиф Орел, отставной сотник Плохий, станичный атаман хорунжий Горошко, хорунжий Иосиф Шишков, хорунжий Александр Шрам.

Станичные судьи - урядники Сидельник и Христенко.

Урядники: Петр Безсмертный (Бессмертный), Петр Белый, Иосиф Вивчаренко, Савва Гарькавый, Иван Горба, Григорий Городицкий (Городицкий, Городинский), Михайло Городицкий, Иосиф Дарда, Онисим Дей, Семен Демченко, Феоктист Денисенко, Гордий Дитина, Арсентий Ильченко, Терентий Кияшка (Кияшко), Демьян Клименко, Яков Клименко, Андрей Костюков, Тимофей Костюков, Гаврило Кошман, Иван Кравчина, Яков Кравчина, Андрей Курило, Ефим Курило, Савватий Курило, Семен Лавриненко, Яков Лопата, Авраам Лукьяненко, Корней Малишевский (Мальшевский), Моисей Малишевский, Никифор Малишевский, Алексей Михайличенко, Андрей Михайличенко, Ермолай Многолет, Федор Мошенский, Мина Небився, Андрей Папка, Андрей Петовский, Лукьян Перерва, Петр Полубень, Ульян Попруга, Яков Прищепский, Иван Прозоря, Оникий Прозоря, Семен Пятацкий, Иван Романенко, Филип Романенко, Гаврило Розлач, Афанасий Рудик, Иван Семак, Семен Середа, Никифор Сидельник, Григорий Сюсюкало (Сесюкало), Трифон Слабый, Корний Станица, Иван Стрига, Корней Стрижак, Семен Стрижак, Феодосий Ткаченко (Ткаченко-Поповский), Иов Христенко, Павел Черный, Феодосий Чудный (Чудной), Лаврентий Шведов, Кирил Шрам, Ефрем Ярошевич.

Казак: Павел Аврамец, Кирило Андросов, Тарас Андросов, Артем Бабенко, Федор Бабенко, Борис Бакей, Петр Балабий, Владимир Бардак, Захарий Бардак, Петр Батец, Ефрем Батицкий, Савва Батуринец, Степан Батуринец, Федор Батуринец, Антон Безкишний (Бескошный), Егор Безкишний, Федот Безсмертный, Кондрат Безпутко, Василий Безридный (Безродный), Мина Белобров, Василий Белый, Григорий Белый, Илья Белый, Леонтий Белый, Наум Белый, Никита Белый, Трофим Белый, Федор Белый, Анристрат Близнюк, Иосиф Близнюк, Петр Близнюк, Гаврило Бондаренко, Афанасий Борисенко, Данило Борисенко, Никифор Борисенко, Семен Борисенко, Тимофей Борецкий, Яков Братусь, Аврам Бублик, Иоер Бугай, Логвин Буряк, Николай Бут, Михаил Буханец, станичный писарь Оникий Бятец, Антон Варивода, Иов Варивода, Евстафий Васильченко, Ефрем Вевчаренко (Вивчар, Вивчаренко), Вендикт Вевчаренко, Данило Вевчаренко, Емельян Вевчаренко, Савва Вевчаренко, Василий Вевчарь, Тихон Верба, Мирон Верхогляд, Терентий Верхогляд, Савва Вивчар, Давид Вивчаренко, Федор Вивчаренко, Никита Водолян (Водопьян), Михайло Волга, Семен Волга, Василий Волошин, Леонтий Гайдаренко, Терентий Гайдарь, Пантелимон Галушка, Дмитрий Гарькавый, Иван Гарькавый, Иван Герасименко, Яков Герасименко, Иуда Говор, Максим Говор, Алексей Голик, Ефим Голик, Савва Голик, Аврам Головка, Григорий Головка, Петр Головка, Матвей Голояд, Фрол Голояд, Потап Голуб, Арсентий Горб, Афанасий Горб, Исакий Горб, Степан Горб, Козьма Горбенко, Савва Горбенко, Андрей Гордиенко, Никита Гордиенко, Авксентий Горобец, Петр Городицкий (Городицкий, Городинский), Антон Гришко, Лаврентий Гришко, Филип Гришко, Алексей Грищенко, Иван Грищенко, Данило Гром, Кондрат Гром, Лаврентий Гром, Наум Гром, Василий Гудзь, Герасим Гудзь, Кондрат Гудзь, Степан Гудзь, Иван Гурбич, Иван Гуртовый (Гуртовой), Архип Гуцан, Алексей Дарда, Каленик Дарда, Павел Дарда, Петр Дарда, Семен Дарда, Аверьян Дахно, Иван Дахно, Тимофей Дахно, Трофим Дей, Филон Дей, Григорий Деревянка (Деревянка), Никифор Деревянка, Федор Деревянка, Федор Дигтябрь (Дегтябрь), Тимофей Дитина, Яков Довбня, Кирило

Довбыш, Николай Довбыш, Денис Довженко, Емельян Довженко, Феоктист Довженко, Данило Дордуля, Яков Дробот, Иван Дубина, Иван Дубина, Прокофий Дубина, Яков Дубинка, Аврам Евко, Артем Евко, Иван Евко, Петр Евтушенко, Иван Елисеенко, Леонтий Елисеенко, Петр Елисеенко, Федор Елисеенко, Дмитрий Есаулenco, Семен Етенко, Максим Жвавий, Никита Журавель, Григорий Загородний, Герасим Задависвечка, Сидор Задависвечка, Алексей Задорожний (Задорожный), Иван Задорожний, Михайло Задорожний, Яков Задорожний, Дементий Залозный (Залозный), Потап Залозный, Иосиф Запорожский, Трофим Земский (Земской), Яков Земский, Мойсей Зикранец, Никита Зикранец, Петр Зикранец, Савва Зикранец, Иван Зиньковец, Петр Зиньковец, Василий Зозуля, Михайло Зозуля, Трофим Зуб, Андроник Иващенко, Алексей Иващенко, Михайло Иващенко, Емельян Ильченко, Онисим Ильченко, Григорий Какиер (Какаер), Анисим Какунка (Какунько, Кокунько), Степан Калеников, Федор Карлаш, Александр Квач, Варфоломей Квач, Деомид Квач, Никита Квач, Степан Квач, Савостян Кива, Григорий Кимлач, Николай Кимлач, Трофим Кимлач, Иосиф Кияшка (Кияшко), Никита Кияшка, Прокофий Клименко, Ефим Кобизский (Кобызский), Назар Кобизский, Яков Кобизский, Андрей Коваленко, Максим Коваленко, Порфирий Коваленко, Самойло Коваленко, Тимофей Коваленко, Тимофей Ковбаса, Логвин Козаченко, Аристарх Козлов, Ефим Козлов, Сергей Колесник, Савва Колесников, Антип Коломец, Фотий Коломиец, Прокофий Конограй, Андрей Кононенко, Наум Кононенко, Никон Кононенко, Трофим Кононенко, Кирило Костюков, Павел Костюков, Петр Костюков, Тимофей Костюков, Филип Костюков, Артем Кот, Амросий Кот, Артем Кот, Николай Котельва, Яков Кочогура (Кучегура, Кочегура), Роман Кочугура, Савва Кравцов, Игнат Кравченко, Никифор Кравченко, Андрей Кравчина, Иван Кравчина, Мафтей Кравчина, Сергей Кравчина, Степан Кравчина, Максим Кривошапка, Филип Кривошапка, Василий Крикун, Аврам Крикун, Алексей Крикун, Кондрат Крикун, Федор Крицкий, Петр Круглый, Влас Круговый (Круговой), Корний Круговый, Федор Ксенич, Федор Кулик, Григорий Кулиш, Кирило Кулиш, Лазарь Кулиш, Иван Куля, Пантелимон Кулченко, Ефим Курило, Поликарп Курило, Семен Курило, Петр Кутовый (Кутовой), Ефим Кухтик, Ефим Лагирный, Мафтей Лагирный, Григорий Лагода, Дементий Лакуць (Лакуц), Григорий Левченко, Николай Ливенец (Ливенец, Ливенцов), Данило Лисенко (Лысенко), Вукол Литвиненко, Макар Лозинский, Петр Лозинский, Иван Локоть, Иван Лопата, Карп Лубенец, Самсон Лубенец, Степан Лукьяненко, Дмитрий Ляхно (Ляхно), Никифор Ляхно, Андрей Макаренко, Захарий Макаренко, Лука Макаренко, Акакий Максименко, Антон Малина, Ефим Малина, Иван Малишевский (Мальшевский), Гаврило Мамченко, Яков Мамченко, Гордий Маренец, Никита Маренец, Лука Макаренко, Илья Мартиненко (Мартыненко), Иван Мартовый (Мартовой), Афанасий Марченко, Куприян Марченко, Назарий Марченко, Яким Марченко, Василий Марчук, Михайло Мендель, Никита Мендель, Никифор Мендель, Давид Мироненко, Данило Михайличенко, Исакий Михайличенко, Сергей Михайличенко, Тимофий Михайличенко, Федор Михайличенко, Деомид Мищенко, Ефим Мищенко, Клим Мищенко, Марко Мищенко, Потап Мищенко, Онисим Многолет, Андрей Могилат, Павел Могилат, Петр Могилат, Семен Могилат, Степан Могилат, Аврам Могилка (Могилко), Вукол Могилка, Григорий Могилка, Моисей Могилка, Иван Мокронос, Константин Мокронос, Мартин Монька, Павел Моргун, Потап Моргун, Иван Море, Иван Морква, Василий Москаленко, Николай Моцюра, Емельян Музика (Музыка), Филип Музика, Харитон Музика, Антон Мулика, Василий Мулика, Леонтий Набока, Назарий Науменко, Данило Небився, Давид Недилька, Иван Нетреба, Иосиф Нетреба, Яким Нетреба, Иван Новак, Назарий Новак, Никифор Носак, Василий Носко, Мойсей Оболонский, Роман Окинча, Самойло Олейник, Федот Олейник, Яков Олейник, Кондрат Осипенко, Иван Панченко, Филип Папка (Попка), Моисей Передерий, Федот Передерий, Петр Перерва, Максим Перерва, Лукьян Пивинь (Певень, Певнев), Евтхий Пивинь, Козьма Пинчук, Потап Пичка, Федор Пичка, Гаврило Плохий, Евстафий Плохий, Михайло Плохий, Аким Побигуця (Побигуца), Макар Повчун, Михайло Повчун, Радион Погребняк, Василий Подолянка, Иван Подолянка, Савва Подорожняк, Василий Полубень, Никита

Полуцкий, Никифор Полуцкий, Исакий Полянский, Никита Пономаренко, Фома Полуцкий, Тимофей Прищепа, Корний Приймак (Примак), Козьма Прозоря, Петр Прозоря, Прокофий Прозоря, Яков Прозоря, Филип Прокопенко, Харитон Прокопенко, Корний Проценко, Мартин Проценко, Семен Проценко, Ефим Радченко, Емельян Рожен, Федор Рожен, Демян Розляч, Алексей Романенко, Захарий Романенко, Игнат Романенко, Иосиф Рудик, Семен Рудик, Федор Рудик, Корней Рябчук, Михайло Рябчук, Филип Рябчук, Архип Сагай, Александр Савицкий, Тихон Савицкий, Дорофей Савченко, Яким Савченко, Петр Самойлик, Родион Самойлик, Трофим Самойлик, Григорий Саранча, Игнат Саранча, Максим Саранча, Леонтий Сенерукий (Синерукий), Сергей Сербын (Сербин), Архип Сердюк, Яков Сердюк, Алексей Середа, Яков Середа, Илья Сесюкало, Петр Синявский, Захарий Скворода, Михайло Скворода, Яков Скоробогатый (Скоробогатый), Антон Скрагель, Карп Слабый, Прокофий Слабичен, Василий Слепченко (Слипченко), Иван Слипченко, Петр Слипченко, Афанасий Сотниченко, Афанасий Стадник, Денис Старенский, Федор Старенский, Григорий Степаненко, Никита Степаненко, Феоктист Степаненко, Петр Столик, Григорий Стрельник, Ефим Стрельник, Иов Стрельник, Никита Стрельник, Петр Стрельник, Ефим Твердомед, Прокофий Твердомед, Яков Твердомед, Парфентий Твердохлеб, Прокофий Твердохлеб, Филип Твердохлеб, Игнат Темченко (Тимченко), Иосиф Терещенко, Филип Терещенко, Елисей Тимошенко, Иван Тимошенко, Иван Тимошенко, Леонтий Тимошенко, Федот Тимошенко, Емельян Тимченко, Ульян Тимченко, Яким Тимченко, Григорий Титянка, Иван Титянка, Семен Титянка, Григорий Тихончук, Дементий Тицкий (Тыцкий), Леонтий Тицкий, Фома Тицкий, Николай Ткач (также Тка-

ченко), Радион Ткач, Федор Ткач, Сильверст Ткаченко (Ткаченко-Поповский), Прокофий Товкач, Захарий Тукало, Семен Турик, Устим Турик, Григорий Тур (также Туренко), Тимофей Турчин, Арсентий Уляницкий (Ульяницкий), Иван Уляницкий, Прохор Федоренко, Евтихий Филоненко, Кирило Хайло, Деомид Харченко, Кирил Харченко, Мина Харченко, Никита Харченко, Тарас Харченко, Вукло Храмец, Леонтий Храмец, Петр Храмец, Ерофей Христенко, Иван Христенко, Парфентий Христенко, Сильверст Христенко, Самойло Храмец, Иван Циганка (Цыганка, Цыганко), Тит Циганка, Фома Циганка, Яков Циганка, Павел Цокур, Петр Цокур, Семен Цокур, Никита Чапурка, Назарий Чепилка, Данило Чередник, Петр Черкасский (Черкасский), Никита Черних (Черник), Яков Чорненко (Черненко), Гаврило Чорный (Черный), Иван Чорный, Прохор Чорный, Яков Чорный, Федор Чумак, Филип Шабалтий, Мирон Шаблий, Василий Шамало, Евсей Шамало, Максим Шамшур, Федот Шарпатый, Савостьян Шевченко, Герасим Шведов, Давид Шведов, Денис Шведов, Савва Шведов, Иосиф Швидкий, Архип Шемендюк, Иван Шемендюк, Леонтий Шестопап, Онисим Шестопап, Авдей Шляховый (Шляховой), Иван Шовкошитый, Тимофий Шовкошитый, Марко Шостопап, Тимофей Шпиг, Иван Шрам, Мартин Шульга, Павел Шульга, Кондрат Шумейко, Оникий Шумейко, Яков Шумейко, Василий Щербаков, Иван Щербина, Фотий Щербина, Михайло Юрченко, Алексей Якименко, Афанасий Якименко, Дорофей Якименко, Мокий Якименко, Петр Якименко, Ульян Якименко, Иван Яцевило, Карп Яцевило, Никита Яцевило, Филип Яцевило, Сергей Яценко, Степан Яценко, Емельян Ярмиш (Ярмыш), Иван Ярмиш, Гавриил Ярошевич, Фома Ярошенко.

В. Ткаченко - Гильдебрандт

Казачи в Геническе, 1855-56 гг.

В мае 1855 года исход Крымской войны еще не был предпринят. В Геническом отряде войск, созданном в северо-западном Приазовье для защиты коммуникаций, связывающих Крым с материком через Чонгарский мост (на одноименном полуострове в заливе Сиваш), большую роль играли азовские и донские казаки.

Первый командующий отрядом (вначале он назывался Чонгарским) подполковник князь Михаил Борисович Лобанов-Ростовский еще на Кавказе в 1840-46 гг. служил с казаками, командовал конным отрядом линейцев. Следующий - полковник князь Алексей Васильевич Оболенский - перед войной состоял при атамане Хомутове, участвуя в формировании в Новочеркасске донских батальонов, с которыми потом защищал Севастополь. Генерал-лейтенант Яков Богданович Вагнер к моменту своего вступления в должность командующего отрядом тоже хорошо знал казаков: незадолго до этого он возглавлял 2-е отделение Черноморской береговой линии.

17 мая 1855 года английской эскадре (из 16 больших пароходов, фрегатов, бригов, канонирских лодок со шлюпками и примерно ста орудиями) противостояли в местечке Геническе Мелитопольского уезда Таврической губернии один батальон Московского резервного пехотного полка, два легких орудия, сотня донских и 38 азовских казаков с шестью лодками и фальконетами. Тем не менее, благодаря маневренности и умелым действиям Генического отряда эскадра отступила.

В течение полугодия союзники почти ежедневно обстреливали Геническ, селения на косе Арабатская стрелка и по берегу Азовского моря, доходя на шлюпках до самого Чонгарского моста, чтобы взорвать эту "дорогу жизни". В связи с возраставшей агрессивной отряд до конца года неоднократно пополнялся казаками. По пути домой из Севастополя в нем задержались и 2 батальона пеших черноморцев. Вдоль Арабатской стрелки (до 35 верст) на курганах, по

побережью между Геническом и экономией Атмонай и по северному берегу Сиваша стояли казачьи сторожевые пикеты. В заливе крейсировали азовские канонирские лодки, с берега стреляли пехотинцы, тяжелые и легкие кон-

ные орудия, в том числе и фальконеты казачьих лодок, прикрытые специально устроенными укреплениями.

Казаки почти постоянно находились на виду у неприятеля. Однажды в августе 1855 года десять казаков прорвали на Арабатской стрелке цепь окружения из тысячи с лишним десантников неприятеля, среди которых были и кавалеристы. Казаки могли уйти, лишь проскакав много километров по узкой косе и переплыв пролив, соединяющий Арабатскую

стрелку с Геническом, притом всю дорогу их преследовала стрельбой с моря батарея противника.

Полковник Барахович, командир азовских казаков, затопил суда в Геническом проливе, чтоб его не мог преодолеть англо-французский десант, ремонтировал Сивашскую гребную флотилию. Одно время он отвечал за всю оборону участка на море, а войсковой старшина Козин - на суше.

Казаки постоянно прочесывали Стрелку вдоль и поперек, предупреждая попытки вражеского десанта. Руководили ими здесь особо ответственные урядники и хорунжие.

Возлагались на казаков и функции по защите чумаков - солевозцев. Когда в конце июня 1855 года под обстрел англо-французских кораблей на косе у Соленого озера попали 373 подводки с солью, по приказу князя Лобанова-Ростовского за пять ночей все они (а заодно и жители хуторов, сожженных неприятелем) были благополучно переправлены казаками на материк.

В РГВИА сохранились первичные наградные документы по Геническому отряду войск.

Азовские казаки

Начальник команд Азовского казачьего войска полковник Яков Никифорович Барахович родился вместе с 19-м веком. Ко времени перевода в Геническ он уже прославился храбростью, умением ориентироваться в боевой обстановке, управляя людьми и судами. В течение примерно 10 лет он

Командующие Геническим отрядом князь М.Б. Лобанов-Ростовский, и А.В. Оболенский, Я.Б. Вагнер

воевал с горцами, служил начальником команд азовских казачков на Черноморской береговой линии. Из турецких выходцев, православный, он был награжден двумя орденами Св. Владимира и двумя Св. Анны, орденом Св. Станислава.

Из своих подчиненных по отряду Барахович особо просил наградить урядников Чернова Герасима Константиновича, Кравченко Кирилла Игнатьевича и Перегатькина Ивана Васильевича - "за их службу в Керченском проливе, забучение Сиваша у Генчешка, работы в самом Генчешке и крейсерство в Сиваше", в конце характеристики добавляя: "Пишу истину. После упразднения Черноморской береговой линии за неимением у меня офицеров урядники эти поочередно в ночном и дневном движении".

26-летний командир азовской четвертой лодки Засорин Иван Григорьевич родился в Екатеринославской губернии. Служить начал в 16 лет казаком, в 1848 году стал урядником, в 1854 году - хорунжим. Его очень ценил князь Лобанов-Ростовский, доверяя самые ответственные задания. В 1846 году его определили в Войсковую канцелярию Азовского войска, а через шесть лет Засорин поступил на службу в азовские команды для крейсирования на северо-восточном берегу Черного моря. Перед Крымской войной охранял боны в Керченском проливе. С приходом в Керчь неприятеля Иван Григорьевич с товарищами, спасая лодки, в мае 1855 года отступил к Генчешку.

Донские казаки

Донские казаки отряда состояли в сотнях 51-го Михеева и 62-го Зарубина казачьих полков.

Из 51-го полка представлены были к наградам урядник Ефремов Дмитрий Петрович и казаки Горшколепов Евсей Никитович, Колмыков Петр Федорович, Полушкин Михаил Дмитриевич, Савостьянов Герасим Харлампович, Фетисов Трофим Сидорович. Все - родом из казачьих детей, кроме Колмыкова (из обер-офицерских детей). Самый старший по службе, Ефремов, в войске находился с 1837 года, а самый младший, Колмыков, - с 1852 года. Упоминаются в документах без имен и отчеств еще донские казаки того же полка Колесников и Кротких.

Командиром 6-й сотни Донского казачьего 62-го полка был войсковой старшина Козин. К сожалению, почерк его настолько неразборчив, что удалось выяснить лишь суть его служебных действий, но не более того, даже имя и отчество нам неизвестны. Однако дела его заслуживают памяти. Укрепления, построенные под руководством Козина при отсутствии надлежащих материалов, неоднократно разрушались морскими бурями, но войсковой старшина не терял присутствия духа. Рапорты рисуют картины трудностей разведки и строительства в условиях топкого грунта, пожаров от бомбардировок, разгула стихии и дефицита питьевой воды, фактически в условиях блокады.

Командир не скупился на высокие оценки службы и своих подчиненных. В представлении на имя генерал-лейтенанта Вагнера в ноябре 1855 года Козин рекомендовал присвоить звание урядника приказным Семену Погребному из Каменской и Дмитрию Попову из Екатерининской станицы, а также казаку Федору Артемову - отмечая их старание в ходе работ по устройству укреплений Чонгарского моста.

Переписка с командующими говорит также о мобильности и смелости командира 3-й сотни 62-го полка есаула Василия Макаровича Рыганцова. Редкие действия отряда обходились без его участия. Причем инициатива есаула иной раз оборачивалась против него самого: он мог, например, в интересах дела исчезнуть из отряда, никого не предупредив.

Сын урядника, Рыганцов достиг в 1855 году 45-летнего возраста. В его послужном списке - чин хорунжего "за отличие в войне с горцами", серебряная медаль и чин сотника за Венгерскую кампанию 1849 года, Высочайшие благоволения за службу. Служил он на Кубани, на Кавказе, в Дунайских княжествах. В 1853 году стал есаулом. В 1855 году его послали на службу по северному берегу Азовского моря.

Подстать есаулу были и его боевые товарищи, которых он рекомендовал отметить за заслуги. В частности, есаул выделял урядника Дикова Василия Григорьевича (из военных дворян Елисаветинской станицы), который "отличился во многих перестрелках с неприятелем при падении на Генчешек и при высадке на Арабатской стрелке". Мужество проявляли также урядники Петр Деев и Андрей Шебелев.

В 3-й сотне достойны были наград многие нижние чины: Семикаракорской станицы четверо - Ермаков Сысой Алексеевич и Тиньков Яков Федорович, из казачьих детей, Рыганцов Иван Васильевич, из обер-офицерских детей, Сафронов Николай Васильевич, из военных дворян; затем донские ратники казачьего рода - Куркин Иван Андреевич из Митякинской, Суховеев Афанасий Михайлович Бело-Калитвинской, Фролов Василий Михайлович Ново-Николаевской станицы, Лищенко

Елизар Степанович, Погребенков Иван Александрович... 20-летний Рыганцов Иван Васильевич, вероятно - сын или родственник командира. Начал служить в 1853 году. В марте 1855 года был зачислен в Донской 62-й полк.

Всехназванных чинов командование рекомендовало полагательно за отличное поведение при бомбардировке Генчешка. В рапорте для вышестоящей инстанции отмечены их храбрость, нравственность и примерное усердие к службе.

16 июля 1855 года два неприятельских ялика после измерения глубин Азовского моря вечером пристали к берегу Стрелки. Не менее 20 англичан сошли на берег, оставив дежурных в лодках. В это время урядник третьей сотни Андрей Степанович Шебелев, другие урядники и семь казаков поджидали возвращавшихся с пикета товарищей, чтобы переправить их через пролив в Генчешек.

На вопрос - "Кто идет?" - один из десантников ответил по-русски.

Поздно осознав, что перед ним неприятель, Шебелев не растерялся и приказал казакам рассредоточиться. С криками "ура" и частой пальбой они бросились на врага, обратив его в бегство. Услышав на противоположном берегу пролива стрельбу, урядник Петр Иванович Деев и казак Иван Васильевич Рыганцов

вплыв бросились через пролив на помощь однополчанам. Казаки преследовали среди камышей англичан до самого берега, от которого уже уходили их ялики. Десантники, освещенные луной, догоняли лодки в плыв, многие были убиты. Казаки возвратились в Генчешек без урона, захватив снаряды, предназначенные для поджога судов. Генерал-лейтенант Рыжов просил командование наградить донцов "за храбрость и мужественное самоотвержение", но достались им лишь знак Военного ордена (Андрею Шебелеву) и денежные поощрения в 10 и 5 рублей серебром.

Еще двух офицеров 3-й сотни 62-го полка можно охарактеризовать отдельно.

Хорунжий Василий Фролович Филимонов происходил из дворян Войска Донского. В 1855 году в 40-летнем возрасте носил он знак отличия Военного ордена Св. Георгия. За его плечами - поход в Царство Польское, кордон на прусской границе, военные действия на Кавказе, посты по Галицийской границе, поход в Курляндию. С 1855 года - на службе по содержанию аванпостов по северному берегу Азовского моря. С женой, дочерью сотника Захарова, он имел четырех дочерей.

Хорунжий Капитон Каркеевич Платонов, также из дворян, начал службу походом в Грузию, стоянием на аванпостах Кавказской линии, участвовал в возобновлении Луганской крепости, затем вошел в штат Черкасского округа писарем. К 34-м годам судьба тоже привела его на службу по Азовскому побережью...

Крымскую войну Россия не выиграла, но и территории своей не уступила. И в этом значительная заслуга казаков, защищавших не только Россию, но и часть своей малой родины - Приазовье.

С. Павлова

“Все станичники на него смотрели с восторгом...”

Георгиевские кавалеры, конвойцы и пластуны

Опираясь на реальные события, казаки строили собственный вариант истории, учитывая свои вековые традиции. Особенности отличались и их исторические представления о статутных и военно-профессиональных группах войскового мира.

Устные рассказы о ратной доблести кубанцев нередко локализируются в

такой категории, как **Георгиевские кавалеры**, которые были в каждой станице.

Трибун римских легионов, советник императора Диоклетиана Георгий закончил жизненный путь мученическим подвигом. На Руси Георгий Победоносец почитался как покровитель воинов: ему были посвящены орден и солдатский крест, дававшиеся исключительно за отличие на поле брани.

В кубанских станицах Георгиевский крест считался наиболее почитаемой наградой, а его обладатель пользовался заслуженным уважением. Святость Георгия Победоносца как бы распространялась в народном сознании на носителя награды. Казаки говорили: “Носили наши деды на своей груди маленькие иконы - ордена и медали с изображением святых, и называли свои мундиры “иконостасы”.

В корреспонденции периода 1-й мировой войны так рассказывается о приехавшем с фронта молодом казаке Левко Андриянко: “Все станичники на него смотрели с восторгом, с восхищением, как бы гордясь тем, что он наш станичник. - “Вот, кабы я имел то, что имеет Левко!” - невольно внутренне завидуют ему молодые парубки, его товарищи. Несколько дней сряду после того... в станице на улицах, в домах, только и говорили о молодом “полном кавалере”. Спросите любого старика, что имеет Л.Андриянко, и он вам с воодушевлением ответит: - “Георгиевский крест 1-й степени, золотой с бантом, 2-й ст., золотой без банта, 3-й и 4-й степени серебряные и две Георгиевские медали!”

Иван Гордеевич Левченко из станицы Старовеличковской с гордостью говорил нам: “У меня отец Георгиевский кавалер. Три золотых креста и два серебряных!”. М.Ф.Перепелица из ст. Нижегородской отмечал: “Родной дядя старика отца Андрей имел полный Георгиевский кавалер (бант - О.М.). У него были два с бантом, а два без банта... С плена бежал, где-то там на границе с Австрией, на тринадцатый раз убежал! Потом оттуда в Англию, а потом в Петербург. Там Николай Второй лично награждал Андрея за героизм. А там, в Англии, показывали, какой казак был”.

Обычно за перечислением имён Георгиевских кавалеров, чаще всего родственников, следует рассказ о том, за какой подвиг был получен крест. И.А.Беляков из ст. Исправной рассказывал о своём деде: “Подружились до турэзской крепости. Вечером пишла наша разведка и ей не стало, той разведки, турки взяли. А в этой разведке и друг його був. Дедушки. Вин походе до взводного: “Ваше благородие, друг твой пропав”. “Кто?” Да такой, такой. А я без його из могу. Пока я знаю, шо он тут, в крепости, я, говорит, не успокоюсь. Разрешите мне полизти в цю крепость”. Получил разрешение, “дед собирается вечером. Взял три кинжала и пишов... Одним кинжалом поддерживается, а два вставлял в стенку... И так на двух кинжалах вылез как раз напротив пушек. А трэтым страхуетя... Вин прыгнул, пушкарей вырезал около пушки, пишов, яки татары по пути были, повыврезал... ворота открыл, сигнал поддал и утром крепость взял. И получил Георгиевского кавалера, и друга освободыл”.

Георгиевские кавалеры выступали нравственным эталоном станиц. Им отдавали честь даже старики. В очерке краеведа станицы Новоминской Н.А.Султанова приведён характерный разговор деда Авдея и Георгиевского кавалера В.Е.Зубаря:

- *Одинаково равны мы, что ли выходит?*

- *Нет, сынок, ты выше. Георгиевский кавалер, шутка ли! Это я тебя должен уважать, как старшего. Хотя ты и молодие за мэнэ. Так у нас, у казаков, героев почитали!*

Георгиевские кавалеры прочно вошли в ценностные установки народного сознания. Они могли, если что, пристыдить атамана и станичное правление. Не случайно в годы расказачивания, когда необходимо было растоптать саму память о казачьей славе, за фотографию Георгиевского кавалера или хранимый дедовский крест могли выслать, а то и расстрелять семью.

Необходимыми слагаемыми войскового мира выступали и **гвардейцы** - так в станицах называли казаков Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Т.М.Лобова писала со слов старожилов: “Станица посылала казака в Конвой. Этих казаков называли гвардейцами, они были в особом почёте и слыли национальными героями. На них равнялись казаки всех войск. Не было сильнее и отважнее их”. В системе социальных ролей казачьего общества гвардейцам отводилась непростая задача - служить образцом воина, символом мужской красоты, доблести, чести и достоинства.

Георгиевские кавалеры и урядники - конвойцы Русско-турецкой войны 1877-78 гг.; ст. Кавказская, фото 1914 года.

В кубанских станицах мы записывали немало рассказов, по каким качествам отбирали казаков в царский конвой. Старожил ст. Каневской Ф.И.Сидоренко рассказывал: “Был особый порядок формирования этого конвоя. Нужно, чтобы ты был веры православной, чтобы ты был грамотен... чтоб ты занимал какие-то места (призывные - О.М.). Попасть в конвой было очень трудно. Туда на всю Кубань брали сто человек. Сорок станиц - и все претендовали. Там были условия, чтобы ты был награждён призами в районных, станичных скачках, в казачьих предприятиях. Из числа таких подготовленных воинов, обязательно, чтобы неженатый. Брали раз в два года один или два человека”.

Народная история по-своему истолковывает тот момент, что гвардеец должен быть неженатым. На самом деле казаков старались женить до военной службы, чтобы невестка помогала родителям и была под их присмотром. Здесь, видимо, сказываются традиционные представления о воине и память о запорожцах, некогда дававших обет безбрачия. Как во времена рыцарства, концепция героического служит основным критерием, в соответствие с которым осуществляется отбор фактов реальной жизни.

Физическая крепость, высокий рост, красивая форма (красные парадные и синие повседневные черкески) служили внешними атрибутами героической сущности конвойцев. А.А.Барсуков из ст. Темнолесской говорил нам: “Гвардейцы - Мамонов был, а как по отчеству, не знаю. Тегельников Семён Яковлевич, и брат тоже, Иван. Они здорового росту! И Коваленко Борис Никитович - тоже здоро-

вый парень. Красивые, рослые, симпатичные. Отличалась форма... Гвардеец!"

Даже старые конвойцы привлекали внимание необыкновенным здоровьем. И.Ф. Гордиенко из Старовеличковской рассказывал о прадеде, бывшем конвойце, что тот даже в мороз ходил умыться на реку, уже в пожилом возрасте: "Як диду умываться до речки, а мий батько был пацаном. "Ну, Филат, иди прорубь дедушке руби!" Вышел - полотняные штаны, рубаху не одевал. Полотенце через плечо. Босый ходил, без посков. Помылся, вытерся. Здоровый такой дед". Михаил Фёдорович Перепелица рассказывал о своей встрече с гвардейцем: "Я такого встречал одного в станице Новосободной. Бывшая Царская, на Фарсе. Вот такой, два метра, старик. Ему было уже тогда сто два года. Интересный старик. А я в машине приехал. А я в магазине, приехал. Собираюсь пообедать, угощают, смотрю - ишак стоит. О! Сейчас, налили стакан водки. Дед, не слезая с ишака, выпил стакан водки, и ишак пошёл домой. Сто два года!"

Право ношения гвардейского мундира после службы и присваиваемое звание урядника также отличали бывших конвойцев. Как святыни, до сегодняшнего дня в некоторых станицах ещё берегут гвардейские сундуки, конвойские знаки, царские подарки, иконы, пасхальные яйца, серебряные часы и чарочки. С.В. Гряда из ст. Удобной на вопрос о гвардейцах сразу отвечал: "Гвардейцы - Мацко был Антип, Титаренко. В Москве около царя служили. Отличие было их, што прапорщиками (возвращались - О.М.), цепочки имели (на мундире - О.М.)". Поэтому на улице конвойцев сразу же выделяли и почтительно приветствовали. И.Ф. Гордиенко рассказывал: "Мий прадед, дедя батько, его звали Киндрат. Ця мий дед называл: "О, гвардеец идёт! Гвардеец Гордиенко идёт!"

Вызывало восхищение и ратное мастерство гвардейцев, которым удавалось иногда делать невозможное. Так, 22 августа 1877 года под Ловчей конвойцы вместе с Владикавказским конным казачьим полком и Осетинским дивизионом Кавказской бригады атаковали в конном строю превосходящую в несколько раз по численности отборную турецкую пехоту, изрубив до 4000 солдат и офицеров противника. Показательны в этом плане бытовавшие о гвардейских казаках куплеты: "А кто первые воики? / То Лейб-Гвардии казаки!". Или такой текст о боевом гике развёрнутой лавы конвойцев: "Кто там страшный поднял вой? / Его Величества конвой".

А.И. Матухнов рассказывал Т.М. Лобовой, что "во всех поездках царя три человека сопровождали, всего три казака". Указывая на малое число сопровождавших, народная история подчёркивает, какое значение имел уровень их ратного мастерства.

Гвардейцы занимали в народном сознании то пространство, где происходило единение Царя и народа, что во многом сакрализовало эту группу. А.И. Матухнов говорил: "Почему самой почётной для казака была служба в Конвое - личной охране царя? Почему верой и правдой служили ему наши предки? Да потому, что вся жизнь царской семьи была у них перед глазами. Конвойцы постоянно были с царём и его семьёй. Днём и ночью несли караул. Они имели верное представление о нём самом - Помазаннике Божиим и об окружении. Велик был пример и авторитет Царя-батюшки".

Гвардеец был лицом станицы. Поэтому провинившийся по службе в Конвое казак не мог появляться в станице, из которой потом в течение нескольких лет не принимали казаков в Конвой. В 1913 году один из гвардейцев опоздал из отпуска и появился в нетрезвом виде, за что был лишён гвардейского мундира. Сознывая, что своим поведением опозорил станицу, поручившуюся за него, он застрелился.

Казаки - конвойцы ст. Вассюринской. Стоят братья Трофим (слева) и Кондратий Юрченко; сидит слева Иван Носула; фото 1910 г.

Отметим, что на изображение гвардейцев в народной картине мира влияет установка на идеальную историческую конструкцию, творчески взаимодействующей с исторической конкретикой. Самобытной военно-профессиональной группой выступали в войсковом мире и пластуны. Кубанский этнограф А.Н. Мануйлов считает возможным рассматривать их как носителей образа "чужого" в своей культуре: через пластунов шли определенные заимствования в языке и традиционной культуре соседних народов. Хотя степень этого заимствования в литературе нередко преувеличена. Скажем, та же черкеска появилась у казаков задолго до поселения на Кубани, став привычной, казачьей. Термин "черкеска", справедливо полагает Б.Е. Фролов, "уже не ассоциировался с образом врага. Скорее он ассоциировался с понятием "черкасы".

В исторической памяти Кубани пластуны предстают, прежде всего, создателями и хранителями уникальной системы выживания в экстремальных условиях. Само слово "пластун" обычно выводят от умения лежать, не шелохнувшись, слившись с окружающей местностью, "пластом", и вести наблюдение. Вспоминают и польский корень "plazi" ("ползающий"), лишней раз свидетельствующий о традициях и воинской культуре украинского казачества. "Во время Кавказской войны, - отмечал И.Д. Попка, - называли пластунов ползунами и, кажется, были правы. Слово "пластун" может происходить от древнеславянского "плазати" - ползать". По мнению Попки, когда это слово было родовым названием пехотных ратников.

В 1862 году в очерке "Пластуны" Я.Г. Кухаренко отмечал: "Старые казаки-сечевики (пока ещё не переводелись) бывало рассказывают так: у запорожцев на Днепре пехота сидела в Сечи, а конница стояла в Великом Луге...

Кавказский фронт, 1916 г. Пластуны - бомбометатели

Пластуны стреляли дикого зверя, его тогда в днепровских плавнях было в достатке. Пластунами, говорят, звались они за то, что уж очень неугомонными были, всё шатались по плавням. Больше приходилось месить им грязь, а не ходить посуху, то есть пластаться, пластом вылежаться в камышах, вот и прозвались пластунами".

Один из 38 запорожских куреней на Украине назывался Пластуновским. Интересен в этом контексте рассказ И.А. Белякова из ст. Исправной: "У одного старика спрашиваю: "Кто такие пластуны?" - "А станица называлась Пластуниска. Из этой станицы больше всего шли в пластуны... Тож воны служили на конях, все кавалерия, а тада ж, када началась вся эта артиллерия, всё началось, тада, значит, уже потребовалась казачьим войскам и пехота. Ну вот и создали эти пластуны отряды".

Пластуны в исторической картине мира кубанского казачества отражают определённые грани воинского опыта, реализуя идеалы и волю казаков. Старожил ст. Мингрельской И.А. Бирюк рассказал о происхождении топонима "Строкачев лыман". Сначала никто не знал о существовании пластуна Строкача - он был кашеваром в штабе, "када Мингрельска начала уже прэзэсляться". Как-то он вызвался добровольцем установить связь вместе с молодым казаком, которого "тико обучалы воинству". "А никто ж ны не знает, шо он за чоловик. Казак, да и всё. А його ны пуля ны брала, ничего, а он ны боявся ничего". Когда связников стали достигать черкесы, Строкач говорит молодому казаку: "Ты заховайся, шоб ны нашлы, а я буду сам воювать. Потому шо ты, каже, не знаешь ихнего обычая, и як с ними бороться... Заховався. А вин полиз в камыша. Пролиз, сняв с себя башлык, камыш обвязав, вроди чоловик

стоит, эти (черкесы - О.М.) на конях, забыли: бах, бах, бах, туда постреляли. Подбыли - нема никого, один башлык торчит, а он просто обшив и назад вернулся... Заднего пиймав всадника, забрал його ружьё, йому набыв добре, коня забрал, сил и поихав. Воны выскочили, за им поихали до Кубани... Он коня бросил и поплыл через Кубань. Воны за ним. Давай кидать (аркан - О.М.)... Пиймав його, стали тянуть. Он вытяг кинжал, раз пэрэривав пэтно... вылез в каяок, сив и съидить. Ну, каже, запомните, цэ Строкач прыходыв до вас". Далее рассказчик отмечал, что храбрый плстун "за дви нэдили разгромил всех. Богато ны брав, пять-шесть чоловик с собой возьме, занял аул, пригнав скотину, усих забрал в плен. И за год освободил всех (русских пленников - О.М.)".

Историк Б.Е.Фролов считает, что пластуны считались аристократией Черноморского войска. Войсковое начальство сознательно отбирало в пластунские отряды людей "предприимчивых, мужественных, неусытных", как бы культивируя элитный тип. Пластуны и сами выращивали достойную смену. По рассказам старых сечевиков, зафиксированных Я.Г.Кухаренко, "при пластунах хлопцы были, что сами пластуны выбрали". Тут они вырастали, выучивались характерству, делались пластунами. "Уходу в пластуны" во многом способствовал привлекательно-героический стереотип, сложившийся вокруг этого явления. Рассказы о боевом искусстве пластунов поражают воображение. Как-то солдаты попросили участника Севастопольской обороны войскового старшину Ф.И.Даниленко рассказать, как он справился с тремя французами. "А то шо ж? - рассказывал храбрый офицер. Ничь. Я себе иду - ничего не бачу. И шашки вытянуть не успел, схватили меня бисовы французы та и тянуть. Я упираюсь. Хочу кричать - один за горло держит. Я того, что за горло держит, схватил за ружьё, а другого держу за грудки, а ружьё из рук вышиб и тяну обоим к шашке. Тут я подумал - при мне кинжал... Один упал. А другой давай бежать". Никакого особого героизма в своих действиях пластуны не видели, это был их образ жизни: "Хвалили нас там, Бог весть за что, потому что привыкли мы службу ровно нести, и сроду промаха не давали".

По словам И.Д.Попки, пластуны имели "свои, никем не спрашиваемые правила. Свои предания, свои поверья и так называемые характерства: заговор от пули, от обоя горячего коня, от укушения змеи; наговор на ружьё и капкан; "замовленьё" крови, текущей из раны, и проч., но их суеверия не в ущерб вере и не мешают им ставить свечку святому Евстафию, который в земной жизни был искусный воин и стрелец, сподобившийся видеть на розгах гонимого им пустынного оленя с распятым на нем господом".

Эту военно-профессиональную группу поначалу отличало пренебрежение к семье и женщине: "к бабам они выражали

тенденциозное пластунское презрение", бывало, жена видела своего мужа-пластуна "на мяснице, да на Вьлык день".

Ссылаясь на казачью поговорку "вовка ноги годуют" (кормят), А.Н.Мануйлов выводит тождество "пластун-волк", заманчивое параллелиями с воинской ментальностью горцев Северного Кавказа. Признавая саму постановку вопроса допустимой, особенно после выхода в свет фундаментальной монографии Ю.Ю.Карпова о мужских союзах в традициях кавказских горцев, выскажем два соображения.

Во-первых, вряд ли в данном случае уместна ссылка на поговорку. С тем же успехом можно вывести тождества с другими животными. Например, Я.Г.Кухаренко писал: "Настоящий пластун и залает лисицей, и зачмышет кабаном, крикнет как олень или дикая коза, запоёт диким петухом, зафырчит барсуком, завоюет волком, забрешет собакой. Каждый пластун до такого дела мастер".

Во-вторых, соглашаясь с доводами о роли мужских союзов в культуре пластунов, на фоне традиционного славянского миролюбия и доброжелития как-то не хочется уподоблять их сообщество волчьей стае. В славянских народных представлениях волк всегда воспринимался как нехристь: его отгоняют крестом, он боится колокольного звона, а разгул волков приходится на период "некрещёных ночей". Волк тесно связан с вампиром и упырем, у всех славянских народов есть легенды о сотворении волка чёртом против Бога.

В поведении пластунов, которые пользовались народной любовью и отличались "привычкой щадить врага при случае", все-таки мало от волчьих повадок. В этом плане куда вернее сопоставление зловещего хищника, опасного как для своих, так и для чужих, с менталитетом чеченских головорезов - недаром волк красовался на гербе их самопровозглашенной "республики".

Другой уровень представлений о пластунах связан с социально-экономическими обстоятельствами - бедностью, сиротством, неспособностью "справить казака" в кавалерию. С.В.Грядя рассказывал о своём отце: "Пластуны - это пехота. И вот его послали в пластуны, потому шо мать, бабушка - бедная, она не смогла его снабдить лошадью, седлом. А ему предлагали, шо мы пай его заберём, общество, атаманско общество, пай заберём на четыре года и... ему лошадь купим и всё на свити. Бабушка говорит: "А я на чё буду жить?"... Крутили, крутили, ну, говорят, в пластуны запишем".

Даже утратив статус стрелков-разведчиков с распространением на пластунские батальоны уставных положений регулярной пехоты, пластуны в народных представлениях во многом сохраняют неповторимый героический облик. В песне пулемётной команды 17-го Кубанского пластунского батальона были такие слова: "Отаки наши кубанци, / Пластуны гырой, / Изхватывьсь духе в рани / До бытвы новои / Щоб турмена втыать куражыть / Усым для забавы / А для себэ щоб добыты / Козацькой славы".

Конечно, отображение статутных и военно-профессиональных групп в исторических представлениях кубанцев основано на биографиях реальных Георгиевских кавалеров, гвардейцев и пластунов. Вместе с тем, это образы, наделённые устойчивыми стереотипами. Персонажи устной истории одновременно реальны и условны. Действуя в заданных историей обстоятельствах, совершая поступки, не противоречащие сведениям документов, они, в то же время, руководствуются в своём поведении известным кодексом.

Воинский мир кубанского казачества - это мир героев, избранных людей, наделённых особыми качествами, значимыми в системе ценностей казаков.

О.Матвеев

Черноморские пластуны, отличившиеся при защите Севастополя в 1854-55 гг. Слева направо: Сидор Белобров, Димитрий Горленко, подполковник Головинский, хорунжий Даниленко, Макар Жулья, Андрей Гиденко, урядник Иван Демьяненко, Лука Грецов (рис. с натуры, В.Тим, 1855 г.)

Пластуны на Кавказском фронте, 1916 г.

Продолжая тему, поднятую автором, предлагаем читателям далее небольшой отрывок из описания кавказских пластунов известного писателя С.Н.Сергеева-Ценского (из романа "Севастопольская страда").

П л а с т у н ы

Для живой изгороди подходят только такие кустарники, которые способны укрепляться быстро, расти густо и стоять шипами, распустив во все стороны крепкие колючие шипы. На севере, например, хорош для этого боярышник, на юге же гораздо пригоднее его держи-дерево или акация-гледичия: они поднимаются сплошной колючей стеной, и продраться сквозь них ни пешему, ни конному невозможно. Такой живой изгородью России на юге сделали запорожцы, при Екатерине II переселенные с Днепра на Кубань стеречь русские рубежи.

Кордонная линия тянулась по правому, гористому берегу Кубани. У Анапы она соединялась с береговой Линией, тянувшейся вдоль берега Черного моря на юг до Грузии. Гарнизоны постов береговой Линии были сняты и перевезены в Крым перед самым началом осады Севастополя, но кордонная линия на Кубани оставалась, как прежде, оплотом против набегов горцев и опорой для наступательных действий против них же.

С Днепра на Кубань переселились казаки со своими приемами строить укрепления и даже со своими старинными пушками, помнившими времена чуть ли не Наливайки и Палия. Их посты представляли собой четырехугольные редуты с бруствером, усаженным терновником. Такие редуты с успехом выдерживали нападения конных шаек и пеших толп. Неизменно, на каждом таком редуте устраивалась наблюдательная вышка, вроде пожарной каланчи, только самого простого вида. Из камышовой крыши этой вышки вздымался пикою шест с перекладиной, а на каждом конце перекладины подвешен был на бечевке шар из ивовых прутьев. Это и был телеграф, или по-казацки "маяк". Когда сторожевой на вышке замечал черкесов, он кричал вниз:

- Черкесы, Бог вам!

Ему отвечали снизу: - Маячь же, небоже!

Сторожевой поднимал, дергая за бечевки, оба шара кверху, и, если при этом был хотя бы слабый ветер, они раскачивались и "маячили" тревогу.

Кроме того, рядом с укреплением врыт был длинный шест, обмотанный соломой, а наверху шеста торчала кадлушка со смолой. Если нападение черкесов произошло ночью, зажигался этот маяк. Тогда один за другим вспыхивали и горели такие маяки по всей линии, подымалась ружейная пальба, кричали люди, ревела скотина, а иногда прокатывался по реке пушечный выстрел, не столько вредоносный для черкесов, сколько внушительный и ободряющий для казаков.

Впереди укреплений, по сторонам их, для связи ставились пикеты, - по казацки "бикеты" - простые шалаши, окруженные плетневой оградой: они вмещали от трех до десяти казаков. Зная малочисленность пикетов, черкесы иногда окружали их ночью большей толпой и кричали по-русски: - Эй, Иван, гайда за Кубань!

Это означало: "Не трать зарядов, а лучше сдавайся". Но казаки начинали отстреливаться из-за своей плетневой крепости, и часто бывало, что отбивали нападение или вызывали своей пальбой подмогу с постов, а иногда все до одного погибали.

Когда в 1787 году запорожцы в числе 30-ти тысяч двинулись по грамоте Екатерины переселяться на Кубань, пограничную тогдашними турецкими землями на Кавказе, они отметили это событие в своей жизни иронической песней:

Ой, годі нам журитися,
Треба перестати:
Заслужили од цариці
За службу заплати.
Дала хліб-сіть й грамоти
За вірність служби.
От тепер ми, односуми,
Забудемо нужди!
В Тамані жить, вірно
служить,
Границю держати,
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будем багаті,
Та вже треба женитися,
І хліба робити,
А хто етиме із невіри,
Неощадно бити!..

В грамоте Екатерины обязанность жениться и завести свое хозяйство была поставлена в числе первых обязанностей для бездомной запорожской вольницы. Пришлось эту обязанность выполнить: на новых местах вышли из них не такие уж плохие хозяева, потому что на Кубани нашли они не только богатейшие земли - бездонный чернозем - но еще и неусыпного врага всему хозяйству в лице шапсугов, абадзехов и других кавказцев с левого берега реки.

Но, как бы не была беспокойна жизнь казаков переселенцев, надо было жить и "границю держати", и первоначальные коши и курени их превратились в станицы и хутора, подкреплявшие кордонную цепь особыми отрядами во время ожидавшихся по розыскам разведчиков нападений горцев летом и осенью. Зимой же эти вспомогательные отряды располагались около линии биваком под открытым небом и выстаивали так два, два с половиной месяца, потому что зимой Кубань замерзала и была проходима во всю длину для пеших горцев - "психадзе", для конных - "хеджеретов".

На лугах вдоль Кубани заготавливалось сено для коней и скота - несколько тысяч стогов - миллионы пудов сена, но достаточно было шапсугу или хеджерету приставить к нему пистолет и выстрелить - вот и начинал пылать стог. Жечь казацкое сено входило в практику борьбы горцев с русскими, и делалось это большей частью зимой.

Летом в неоглядных кубанских плавнях, представлявших сплошную топь, покрытую камышами и кое-где прорезанную текучими водами или озерами, оставшимися после разлива реки, тоже могли таиться на островах или отмелях, поросших ивняком небольшие шайки. Но зато те же плавни скрывали многочисленные казачьи пикеты. Плавни со всеми узенькими едва заметными тропинками в них, положенные стадами кабанов, были, конечно, хорошо известны казакам, которые охотились в них на тех же кабанов, и на диких коз, и на фазанов, и на другую дичь. Плавни представляли собой совершенно особый мир, полный до краев кипучей жизни и самой свирепой борьбы за жизнь. В них только и делали, что бесчисленно размножались птицы, звери и неустанно истребляли сильные, а весной и летом всюду в них гудели неисчислимые комары, жадно впиваясь в лицо, руки и шею казаков, сидевших в осаде. Эти тучи комаров и мошкары, крутившихся над тем или иным местом в плавнях, всегда, между прочим, давали знать осторожным горцам, что тропинки стерегут казаки, а казакам - что на отмелях или островах таятся горцы.

Император Николай II
среди кубанских пластунов

Пограничная прикубанская война мелкими и мельчайшими партизанскими отрядами, война неустанная, тянувшаяся из поколения в поколение десятки лет, не смогла не породить и с той и с другой стороны отчаянных храбрецов совершенно своеобразного склада.

Со стороны горцев такими были хеджереты - то же самое,

что за Терек абреки. Хеджереты - от арабского "хеджера" - бегство, беглецы, высленцы из отдаленных аулов, ничего не имеющие, кроме коня и оружия. Набег на русских были их единственным способом жизни. Когда тот или иной горский вождь задумывал большой набег, он заранее оповещал об этом, расстилал около своего двора бурку. Всякий, кто хотел участвовать в набеге, бросал камешек на эту бурку. Считалось унижительным у горцев считать людей - считались камешки, и по их числу определялась сила отряда. Основное ядро каждого из таких отрядов состояло, конечно, из хеджеретов, о которых недаром говорилось, что они *"подковами пахнут, свинцом засевают, шапками жнут"*.

Первые бедняки по одежде и первые богачи по оружию, хеджереты были действительно удалцы, смельчаки, готовые идти на самые дерзкие предприятия. *"Кожа с убитого хеджерета ни на что не годится, но когти этого зверя дорого стоят"* - так говорилось о них у горцев. Горцы складывали о них песни, горские девушки отдавали на празднествах им предпочтение перед молодыми красавцами, бешметы которых были обшиты серебряным галуном - признак их родовитости и богатства. И первая красавица большого шапсугского аула, царица пира, проходя мимо подобных галульников, находила затерянного в толпе оборванного хеджерета, славного своими подвигами, и подавала ему руку для пляски. И это отличие считалось у хеджеретов высшей наградой, а жизнь - копеекой.

Но нужно же было и казакам выставить из своей среды против подобных рыцарей - таких, которые были бы равноценны им по сметливости и спокойной отваге. Такими именно были **черноморские пластуны**.

Пластуны были совсем не кавалеристы, как хеджереты, но, пожалуй их нельзя было назвать и пехотинцами, потому что они не учились маршировать в ногу, под барабан, как это было свойственно регулярной пехоте - зато они учились ползать, подползать, подбираться незаметно, пользуясь густой травой, где камышом, где кустами, где камнями, как прикрытием для своего распластанного по земле тела, работая локтями и коленями. Самое украинское слово "пластун" можно перевести "ползающий".

Они учились быть разведчиками и были непревзойденные разведчики, они учились часами без малейшего движения сидеть или лежать в засаде, они учились без промаха стрелять из штуцера или пистолета и владеть кинжалом, как мог бы владеть им только природный горец.

В чем пластуны ничем не отличались от хеджеретов - это в своих бешметах: они были также дырявы, несмотря на то, что были заплатаны разноцветными заплатами, а иногда и кожей, не меньше как в сорока местах. Впрочем, подражания тут не было, щегольства этим тоже: просто бешмету больше всего доставало при способе передвижения, какой облюбовали для себя пластуны. Все встречаемые корни, острые камин, шипы колючих растений норвили оставить себе на память клочок старого казачьего бешмета.

На ногах у них были постолы или чувяки из шкуры ими же убитых диких кабанов, черной шетиной, конечно, наружу. Такая обувь была легка и удобна, и не слышна при ходьбе, долго не промокала при неизбежной ходьбе по сырým плавням.

Пластуны были глаза, уши и как бы щупальца кордонной линии: они не смели пропускать незамеченными ни хеджеретов, ни хитрых психадзе, которые перебирались через Кубань по ночам, прибегая ко всяким уловкам. Самое слово "психадзе" значит по-русски "стая водяных волков": это они ввели в обиход казацких способов защиты свою тактику нападения. Хеджеретам некуда было спрятать своих коней, и они поневоле действовали как львы набегов: смело, быстро и шумно; психадзе - как шакалы: подкрадываясь, таясь, выжидая удобнейшего момента. Хеджереты часто носили под своим рубищем кольчуги, как настоящие рыцари; психадзе действовали налегке, но встреча с ними в плавнях никогда не сходилась легко с рук пластунам.

Имея таких противников, приходилось сторожевым казакам далеко отбросить свою запорожскую беззаботность, беспечность, лень, хотя внешность их с виду не менялась. Пластуны, как типичные украинцы, казались с первого взгляда валковатыми, тяжелыми на подъем; но им только нужно было почувствовать опасность или просто заняться своим делом разведчика, чтобы совершенно преобразоваться и выказать необычайную ловкость, неутомимость, быст-

рую сметку, и тогда лихо сидели на них сдвинутые на затылок даже их старые, вытертые, линялые, рваные папахи.

Пластун только винтовку свою брал в руки, когда отправлялся на свои поиски, а все остальное, что ему было нужно, висело на нем: сзади сухарная сумка, у пояса - штуцерный тесак, пороховница, шило из рога дикого козла, котелок, а у кого даже балалайка или скрипка на случай, если не обнаружится никаких покушений на границе, появится некоторый досуг и явится возможность заняться музыкой.

Но возможности такие были все-таки редки (только во время полевых работ), а обязанности пластунов очень сложны, главное ответственно. Прежде всего, они должны были подметать решительно все следы на тропинках в плавнях, нет ли каких подозрительных, свежих. Да и самые тропинки могли быть свежими, только что проложенными, - кем?

У пластунов, конечно, не было никаких карт местности, все тропинки в нескончаемых плавнях должны они были запоминать на глазок, поэтому пробирались они сквозь камыши медленно, и всюду на поворотах и на перекрестках тропинки делая свои заметки.

Они бродили партиями мелкими: три, пять, десять человек - не больше. Прийти на помощь к ним никто не мог, так что в случае встречи с более многочисленным врагом могли они только надеяться на свою удачливость да на меткость своих штуцеров. Именно штуцеры считались у них меткими или с изьяном, а не стрелки, так как посредственный стрелок не мог попасть в пластуны. И, когда они бывали свидетелями особенно удачного выстрела, то говорили, крутя головами: *"От-то ж добре ружжсо"*, и всякому из них тогда хотелось осмотреть это ружье во всех частях, а к стрелку бывали они совершенно равнодушны.

Пластуны, живя своей особой и полной опасностей жизнью, имели свои предания и своих героев, сложивших кости в плавнях, свои поверья, заговоры, "замовления", общее название которым было "характерства". Заговоры, обыкновенно, начинались словами: *"Я стану шелтати, ти ж, Боже, рятувати..."*, и касались они вражьей пули, опоя коня, укушения ядовитой змеи; наговоры же были на удачу своего ружья, своего капкана на охоте; "замовлениями" останавливали кровь, текущую из ран...

Пластуны часто для разведок не только уходили на левый берег Кубани, но забирались поближе к аулам горцев, чтобы разузнать, не готовится ли там нападение большими силами на главный кубанский курень-город Екатеринодар или на другие меньшие курени-станции.

На росистой по утрам траве остается, конечно, след - "сакма" пластуна, и тот не пластун, кто не умеет за собой убрать следов. Пластуны всячески старались запутать тех, кто стал бы приглядываться пылливо к их следам. Они или прыгали на одной ноге, или "задковали", то есть шли задом, только оглядываясь времени от времени, туда ли идут.

Нечего было говорить, как были опасны эти поиски в лагере противника. Случалось, что иные пластуны погибали при этом, иные же, подстреленные, попадали в плен. Черкесы всегда нуждались в работниках, и пленного покупали зажиточные хозяева. Но пластун всячески доказывал, что он ничего не умеет делать по хозяйству, от него один только убыток. Думал же одну единственную думу - как бы ему бежать, и когда способ этот бывал им найден, то ни цепи, которыми его сковывали, ни колоды, которые лишали его возможности двигаться по своей воле, препятствиями ему не служили: он убегал на свою Кубань.

Пластунами были в огромном большинстве люди средних лет: молодые не годились по недостатку терпения и сметки, старики - по стариковским немощам. Но иногда пластуны принимали в свою среду молодых, если они только были сыновья заслуженных и известных пластунов, опыт которых, конечно, должен был перейти к их "молодикам".

С 1842 года пластуны были признаны отдельным родом войска, для них были заведены штаты: по шестидесяти на конный казачий полк, по девяносто шести на пеший батальон. Но штаты эти, как оказалось, были рассчитаны очень скупно, и число пластунов, по необходимости, далеко выплескивало за штаты. Если повышенное жалование, какое за свою трудную службу получали от казны пластуны, выдавало только штатным, то сверхштатные не очень завидовали им, все они были заядлые охотники, а охота в плавнях давала им и мясо, и сало, и шкуры, и мех...

С.Н. Сергеев - Ценский

из истории Терских станиц:

Луковская

Вскоре после окончания постройки Моздокской крепости началось усиление Терской казачьей линии. Но из-за сложной внешнеполитической обстановки это удалось осуществить только в 1770 году. 22 января вышел указ Императрицы Екатерины II, по которому из числа Волжского войска, поселенного между Царицыным и Дмитриевским, переселены были 517 семей разным числом в 5 станиц - от Моздока до станицы Червленной. Так появились станицы Галюгаевская, Ищерская, Наурская, Мекенская и Калиновская. Из переселенных казаков был сформирован Моздокский казачий полк.

Новые станицы получили по 4 пушки. Для их обслуживания с Дона было переселено 250 семей - по 50 на каждую станицу. Кроме того, с Дона перевели еще 100 семей, которые составили под самим Моздоком станицу Луковскую и назначены были служить прислугой при крепостных орудиях (сам гарнизон Моздока составлен был из гарнизонного батальона, переведенного сюда из Астрахани).

Версий о происхождении названия станицы существует несколько. Говорят, что его принесли с собой переселенцы с Дона. Указывают и на течение Терека - в прошлом он своей извилиной делал около станицы "луку".

Первоначально луковские станичники служили только в артиллерии, но уже с начала XIX века они постепенно поступают в другие части Кавказского казачьего линейного войска. Ко времени образования Терского войска станица Луковская уже ничем не отличалась от других станиц.

В 1856 году в станице было 170 дворов и проживало 1345 человек, в 1895 год дворов было 700, а жителей - 3656. В 1912 году в станице проживало 5750 человек, почти все казаки (казачьих дворов - 763, иногородних - 6). При Луковской имелось несколько хуторов: Соколова, Лойко, Лепилина, Хатаева, Николаенко, Пересада, Лемеш, Кошель, Негрея, Лагоды, Нестеренко, Бирюкова. Самым старым являлся хутор Лепилина, основанный хорунжим Потапом Лепилиным в 40-х годах XIX века.

Долгое время в Луковской не было своей школы, и казаки отправляли детей учиться в Моздок или Наурскую. Так продолжалось, пока 4 декабря 1861 года не последовало предписание открыть станичную школу. Одноклассное станичное училище начало функционировать уже 8 января 1862 года. В 1867 году в нем обучались 23 мальчика, а в 1895 году - 75 мальчиков и 21 девочка. Кроме обычных предметов, учащиеся изучали навыки садоводства. К началу XX века в станичном училище преподавали Василий Кедров, Иван Зотов и священник Александр Жускаев. Много лет попечителем училища был отставной полковник Тимофей Астахов, который на свои средства оплачивал значительную часть расходов на его содержание.

8 ноября 1877 года состоялось торжественное освящение нового станичного храма Архангела Михаила. Деревянная высокая церковь с пятью золотыми главами имела форму креста и располагалась на возвышенности. Особенно эффектно это выглядело в лунную ночь. Внутри храма была прекрасно выполненная стенная живопись с текстами из священного писания и копия иконы Моздокской Иверской Божией Матери.

Для развития станичного хозяйства в Луковской было организовано кредитное товарищество. Председателем его был избран Александр Галов, а членами являлись урядники Никифор Галицын и Лев Горячев, чиновники Дмитрий Белый, Евгений Безпалов, Федор Орлов.

Через Луковскую дважды проезжали Российские Императоры - Александр II в 1871 году и Александр III в 1888 году. Александра Александровича встречали старики - георгиевские кавалеры урядники Егор Косолапов, Семен Келеушев, Никита Пресняков, 33 казака, 11 женщин и 3 девочки. Женщины исполнили старинный казачий обычай качания на руках наследника - Цесаревича (будущего Николая II), как своего Атамана.

Как и для всех казаков, основной обязанностью луковчан была военная служба. Вместе с казаками станиц Курской и Стодеревской, луковчане служили в 4-й сотне Горско-

Моздокского полка Терского казачьего войска.

Можно долго перечислять имена героев-луковчан.

Во время русско-турецкой войны в деле под Ловчей 22 августа 1877 года особо отличился командир 1-й сотни Владикавказского полка есаул Тимофей Варламович Астахов. Кавказская бригада, в которую входил его полк, в этом бою изрубила около 4000 турок, при этом есаул Астахов лишился руки. Несмотря на это, он продолжил службу и вышел в отставку полковником. В отставке Тимофей Астахов активно занимался общественной деятельностью и благотворительностью, был самым уважаемым станичником Луковской.

Из рода Астаховых был герой другой войны - 1-й мировой. Командуя сотней 2-го Кизляро-Гребенского полка, есаул Александр Гаврилович Астахов в Карпатах, в 20-градусный мороз, по глубокому снегу, атаковал 16 декабря 1914 года противника на скалах у селения Петроуц и взял в плен 107 человек. 17 декабря в селении Альт-Фратауц он захватывает 62 пленных, а 23 декабря - селение Ступикан. За эти подвиги есаул Астахов получил Георгиевское оружие. Он погиб в бою 24 февраля 1915 года.

В русско-японской войне с успехом участвовали подесаул Георгий Иванович Яковлев и сотник Георгий Гаврилович Астахов.

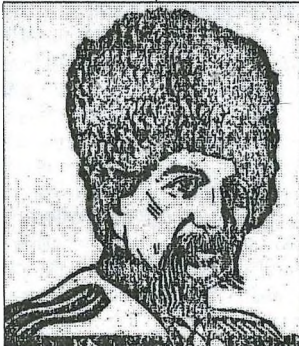
Всего в 1-ю мировую войну на защиту Отечества встали более 30 офицеров и 200 казаков станицы Луковской. В боях погибли прапорщик Григорий Шилов и поручик Георгий Серебряков (из крещенных кабардинцев). С отличиями прошел всю войну помощник командира 3-го Кизляро-Гребенского полка войсковой старшина Иван Петрович Барагунов. Во 2-м Горско-Моздокском полку служил войсковой старшина Александр Моисеевич Хабалов. В этом же полку находился Илья Александрович Кузьмин. Начав войну подесаулом, командиром 3-й сотни, вскоре он был назначен помощником командира полка. А в 1917 году, уже полковником, Кузьмин несколько месяцев временно командовал полком.

В 1-м Волгском полку служил войсковой старшина Андрей Семенович Горячев. В других частях Терского казачьего войска сражались подесаул Федор Келеушев, сотник Александр Серебряков, Герасим Федин, Александр Белый, прапорщики Максим Комов, Николай Ардашев, Федор Голов, Иван Онацкий, Емельян Богачев, Георгий Бердяев и другие. Есаул Василий Пиев служил в управлении Моздокского отдела, а в 1917 году исполнял обязанности атамана отдела. В рядах пластуных батальонов Кубанского казачьего войска храбро воевали луковчане полковник Дмитрий Семенович Келеушев и войсковой старшина Павел Алексеевич Келеушев.

Революция и разгоревшаяся вскоре гражданская война принесли горе в каждую казачью семью. В 1918 году Луковская стала базой антисоветских сил, воевавших с большевиками Моздоком. Большая часть станичников, офицеров и казаков, впоследствии служили в Добровольческой армии, многие погибли. В 1918 году погиб отважный полковник Илья Кузьмин и хорунжий Тимофей Орлов, в 1919 году пали в боях командир Атаманской сотни есаул Герасим Федин, сотник Дмитрий Игнашев, прапорщик Федор Ралетный и др. Под Царицыным погиб ротмистр Александр Никифорович Серебряков (в 1917 году перешедший в мусульманство и ставший Заурбеком Серебряковым-Даутоковым).

Покинув родную станицу весной 1920 года, луковчане оказались разбросаны по всему миру. Во Франции скончались полковник А. Хабалов, войсковой старшина И. Бессараб, хорунжий А. Артамонов, вахмистр М. Урусов, урядник И. Габулов, казак М. Габулов, чиновник Н. Шекемов; в Болгарии - хорунжий Д. Астахов, казаки Г. Гуцаков, Т. Семенов, Г. Гайворонский, А. Калабеков, Л. Серебряков; в Сербии - полковник И. Барагунов; в Австрии - Б. Барагунов; в Чехии - полковник С. Келеушев; в США - хорунжий Г. Коробков...

Ф. Куреев

Казак ст. Луковской полковник Иван Петрович Барагунов

Пером и шашкой: Андрей Михайлович Труфанов

26 августа 1904 года "в вечное сохранение и напоминание славных имён военачальников Кубанского войска, вошедших его к победам" шести первоочередным полкам были приданы Вечные шефы. 1-й Урупский (с 9 апреля 1906 г. - 1-й Линейный) полк получил имя выдающегося военачальника Кавказской войны Алексея Александровича Вельяминова. Осознавая символическое значение этого имени, необходимость воспитания личного состава на традициях героического прошлого, командование поручило одному из офицеров составить своеобразную памятку для нижних чинов.

В 1912 году в Каменец-Подольске, где располагалась штаб-квартира полка, была напечатана брошюра есаула Труфанова "Памяти генерал-лейтенанта А.А.Вельяминова. 1-й Линейный генерала Вельяминова полк". Она не ограничивалась обычной краткой биографической справкой с назидательными моментами - по сути, эта небольшая книжка стала первой серьёзной заявкой на написание научной биографии одного из самых талантливых русских полководцев на Кавказе.

Есаул Труфанов не только осветил основные этапы его жизни и деятельности, но и дал им достаточно глубокие оценки. Отметив, что "на правом фланге (от Усть-Лабы до Баталташинска) и центре (от Баталташинска до Моздока) Кавказской линии казаки кавказские, кубанские, хопёрские и волжские терпели бесконечные разорения от разбойничьих набегов кабардинцев и черкесов", автор указывает, что с приездом Вельяминова на Линию "дело приняло совершенно другой оборот".

После разорения кабардинцами Темижбекских хуторов и селения Круглолесского, когда все жители с имуществом и скотом были уведены в плен, А.А.Вельяминов с отрядом перешёл Кубань и разгромил вражеские аулы. Затем он наказал за нападения аул вождя абреков Али-Кара-Мурзина, а следом - абадзехов, живших на р. Белой (Сагауш), за их набеги на Кубанскую линию.

Труфанов считал, что именно Вельяминов положил начало основанию центра Майкопского отдела, расположившись 23 июня 1825 года "лагерем на р. Белой, на том самом месте, где теперь г. Майкоп". Подчёркивалась глубокая связь имени генерала с родными станицами: "Так было положено начало завоевания того края, где теперь мирно живут казаки Линейного полкового округа, Майкопского отдела. Но окончательное заселение Майкопского отдела произошло гораздо позднее, через 30 с лишним лет, совершенное по плану генерал-майора Вельяминова при командующем войсками Кубанской области генерал-адъютанте графе Евдокимове, согласно Высочайшего рескрипта от 24 июня 1861 года, в 1862 году из станиц Хопёрского полкового округа Сергиевской, Круглолесской, Северной и др. были переселены казаки с семьями на р. Фарс, образовав станицы: Ярославскую, Кужорскую, Царскую, Андрюковскую и др. Во вновь образованные станицы были переселены ещё кубанцы, кавказцы, урупцы, лабинцы и черноморцы с семьями".

По словам Труфанова, "имя генерала Вельяминова было прославлено не только в рядах и станицах казаков, но и далеко за пределами Кубани среди воинственных горцев, которые благоговели перед этим суровым именем и видели в нём силу неодолимую". Высоко оценил есаул и наступательные операции генерала в Чечне и Дагестане, которые нанесли серьёзное поражение имаму Кази-Мулле. "Не вина Вельяминова, - писал автор, - если тюркидизм, разбитый и загнанный им в горы, снова поднял голову, когда генерал-лейтенант Вельяминов был отозван на второстепенный театр по устройству Черноморской береговой линии, и стоил нам тридцатилетней войны".

Труфанов подробно рассматривает разногласия А.А.Вельяминова с проектом покорения Кавказа, выдвинутым в своё время И.Ф.Паскевичем. "Для покорения Кавказа нужны не укрепления, а казачьи станицы", - с этим выводом Вельяминова казачий офицер был солидарен.

Кем же был автор сочинения, на которое ссылались впоследствии многие историки, изучавшие Кавказскую войну? В Госархиве Краснодарского края нам удалось разыскать послужные списки и аттестации на этого офицера.

Андрей Михайлович Труфанов родился 5 июля 1870 года в станице Ярославской, в семье офицера Кубанского казачьего войска. Сохранился послужной список его отца - хорунжего Михаила Никитича Труфанова на 1869 год. Михаил Никитич был участником войны 1853-56 гг., выслужился в офицеры из простых казаков, в 1861 году был переселён на жительство в 8-ю бригаду 25-го конного полка.

Михаил Никитич был "женат на казачьей дочери девице Улите Елисеевой; имеет детей родившихся: Ирину 1854 мая 10, Евдокию 1864 года июня 11 дня". Впоследствии у Андрея появилось ещё два брата: в списках 1-го Линейного полка за 1913 год значатся подьесаул Георгий Михайлович Труфанов, родившийся 19 апреля 1886 года, и хорунжий Николай Михайлович Труфанов (родился 6 февраля 1891 года).

Согласно послужного списка М.Н.Труфанова, "23 конного полка войска Кубанского в станице Ярославской состоит за ним благоприобретённый деревянный дом". Отставной хорунжий доставлял, видимо, немало хлопот своим близким. В документе указывается, что он не раз находился "под следствием за нанесение побоев в пьяном виде" станичникам. Вероятно, впечатления детства отразились потом в следующих оценках аттестации полковым командованием Андрея Михайловича: "Ничего не пьёт. Отличный семьянин". Впрочем, и от буйного характера отца, наверное, всё же что-то передалось. В аттестации за 1912 год на А.М.Труфанова, подписанной полковником Певневым, читаем: "Вспыльчив, что ведёт иногда к некоторым шероховатостям в отношениях к старшим. С большим самолюбием и самолюбием. Излишнее самолюбие мешает ему быть объективным, ровным и справедливым к товарищам, почему любовью с их стороны не пользуется".

Воспитание Андрей Михайлович получил в дополнительном классе реального отделения Ставропольской гимназии. Недолгая служба в 1-м Черноморском полку - и в сентябре 1889 года молодой казак командирован в Ставропольское казачье юнкерское училище, по выдержании установленного экзамена принят в старший курс. По окончании курса подхорунжий Труфанов заведует полковой учебной командой в 1-м Хопёрском полку.

В 1892 году он переведён в родной для уроженцев станицы Ярославской 1-й Урупский полк. Здесь Андрей Михайлович руководит полковой учебной командой, заведует конно-сапёрным взводом. В 1895 году произведён в сотники, два года спустя награждён серебряной медалью в память царствования Императора Александра III, орденом Св. Станислава 3-й степени.

Труфанов проявил способности умелого военного педагога - не случайно его командировали младшим офицером в Ставропольское юнкерское казачье училище (1897-98), а затем в Оренбургское казачье юнкерское (1903-06). В аттестации на А.М.Труфанова за 1912 год говорилось: "Военное дело знает и им интересуется; строевую кавалерийскую службу любит и несёт от сердца. В строевом отношении отличный офицер, прекрасно знает все уставы и постановления. Предшествующая служба сменным офицером в училище дала ему много практических навыков, способствующих отличной постановке строевого дела".

После окончания курсов физического образования при Главном управлении военно-учебных заведений отличным офицером оставляют при курсах командовать сотней юнкеров, производят в есаулы, награждают орденом Св. Станислава 2-й степени. Но Андрея Михайловича тянет в родной полк, и в октябре 1910 года он возвращается туда, приняв командование сотней. Командир полка полковник Певнев напишет о своём подчинённом: "Сотня по всем отделам строевого обучения была подготовлена ровно, вполне хорошо. В хозяйственном отношении сотня в большом порядке; по содержанию и телам лошадей сотня одна из лучших в полку. Внутренний порядок в сотне образцовый. Ездит отлично, ещё и до сих пор джигитует. Отличный рубит. Перед сотней держится снововистом. Хороший инструктор фехтования. Энергичный, твёрдый, настойчивый и требовательный. В тактическом отношении подго-

товлен вполне хорошо, хотя и слабее, чем в строевом. В поле весьма быстро ориентируется, работает осмысленно, всегда найдётся и никогда не растеряется. Здоров вполне, трудности похода может переносить легко". За отличную стрельбу из револьвера Андрей Михайлович в июле 1912 году получил денежный приз. Сумел он, видимо, преодолеть в себе и некоторые недостатки, завоевав уважение товарищей: офицеры избрали его заведующим заёмным капиталом офицерского собрания, а затем членом суда чести.

Накануне войны есаул Труфанов был награждён медалью в память 300-летия царствования Романовых и орденом Св. Анны 2-й степени. Именно в эти годы, как мы видели, он, заботясь о духовном воспитании подчинённых, пишет брошюру об А.А.Вельяминове. В аттестации полковника Певнева читаем: *"Умственно развит хорошо, читает, интересуется военной литературой, особенно историей войска и полка... В общем, лихой сотенный командир всегда может вызвать подъём и воодушевление подчинённых"*.

Андрей Михайлович был женат на дочери надворного советника Вере Андреевне Апухтиной. 22 декабря 1903 года у него появилась дочь Татьяна.

С началом мировой войны есаул Труфанов в гуще сражений. Уже в сентябре 1914 года он награждён Георгиевским оружием *"за то, что лично командуя сотней в бою у м. Горodka, произвёл конную атаку на превосходящие силы противника в критическую минуту боя, когда значительные силы противника, обходя фланг, намеревались ворваться в местечко. Несмотря на превосходящие силы противника и сильный шрапнельный огонь, разбил противника фланговой атакой, когда 5-я сотня билась с фронта. Около 3 эскадронов противника было уничтожено. Успех этот имел решающее значение, так как покончил с кавалерией (неприятеля - О.М.). Сотни двинулись на артиллерию противника, которая, увидя их, пошла наутёк, чем выручены были другие части отряда, по которым артиллерия противника перестала стрелять"*. В ноябре 1914 года *"за отличие в делах против неприятеля"* Труфанова производят в войсковые старшины, назначают помощником командира полка по строевой части. В январе следующего года он *"за подвиги, мужество и храбрость, проявленные в делах против австрийцев, награждён орденом Св. Владимира с мечами и бантом"*, а в

феврале *"за отличия, оказанные в делах против неприятеля награждён мечами к имеющемуся ордену Св. Анны 2-й степени"*. Приказом по армиям Юго-Западного фронта его командируют на заседания Думы Георгиевского оружия.

Боевой офицер обратил на себя внимание высшего командования, и в апреле 1915 года его назначают командиром 3-го Хопёрского полка. С апреля по конец сентября 1915 года полк постоянно участвует в боях, его командир дважды контужен осколками артиллерийских снарядов. В октябре 1915 года Труфанов за боевые отличия произведён в полковники, затем награждён орденами Св. Владимира 3-й степени с мечами и Св. Анны 4-й степени с надписью *"За храбрость"*, получил Высочайшее благоволение.

Служивший в то время в полку А.Г.Шкуро позднее вспоминает: *"Мой полковой командир, доблестный полковник Труфанов, впоследствии вместе с братом зверски убитый большевиками в Майкопе, много помог мне своей опытностью и советами"*.

Незадолго до падения самодержавия Высочайшим приказом 26 февраля 1917 года А.М.Труфанов назначен командиром 1-й бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии. В командование ею Труфанов вступил в начале июня 1917 года, когда армию уже захлестнула война дезертирства и необходимы были титанические усилия офицеров, чтобы держать трещающий по швам фронт.

Узнав о занятии Майкопского отдела большевиками, Труфанов, воспользовавшись затишьем на передовой, взял отпуск и уехал из Персии в Майкоп (решив, видимо, вывезти семью). До города он сумел добраться лишь в последних числах января 1918 года, когда выехать из города не представлялось возможным. Не желая оставаться сторонним наблюдателем устроенной красногвардейцами кровавой вакханалии, Андрей Михайлович, по свидетельству полковника Петрова - *"участвовал в заговоре станицы Ярославской вместе с полковником Бобринским"*. Был арестован у себя на квартире Сорокиным и увезён в Туапсе, но по дороге на полустанке Индюк 15 марта 1918 года расстрелян.

Так пал в братоубийственном противостоянии блестящий казачий офицер и историк, доблестно служивший Родине пером и шашкой.

О.М.

О Красноярских казаках

К началу XX столетия в Российской Империи было одиннадцать Казачьих Войск, плюс две казачьи сотни - Иркутская и Енисейская. В начале 1917 года возникло - а, вернее, возродилось! - Енисейское казачье Войско (уничтоженное в 1871 году).

Однако на 1-м Всероссийском съезде Казачьих Войск в Петрограде в марте 1917 года было представлено тринадцать Казачьих Войск. 13-м Войском стало Красноярское, приславшее своим делегатом казака станицы Красноярской И.Л.Лукина.

История этого Войска весьма кратка: выделившись из Енисейского войска на волне революции, через недолгое время, после 1-го Всероссийского съезда Казачьих Войск, оно прекратило своё существование. И, конечно, не по своей воле...

Именно как **Красноярские**, казаки упоминаются, во всяком случае, с 1639 года. Когда Томские воеводы, прознав о богатстве новоотысканных земель, в 1636 году послали в Якутск 50 казаков под предводительством атамана Дмитрия Копылова. По приходе на Лену, в 1637 году атаман, отличавшийся своевольным нравом, отправился далее к реке Алдан.

Посланный для заведывания делами Якутского острога боярский сын Парфений Ходырев узнал о злоупотреблениях Копылова, позволившего себе разграбить (безвинно, как было записано) три якутские рода, и вознамерился наказать атамана. Дело дошло до стычки, из которой Ходырев вышел победителем. Он жестоко наказал и якутов, державших сторону Копылова: тридцать человек *братских* (так называли якутов до начала XX века) из них было изрублено.

Тем не менее, Копылов продолжал со своей партией походы в глубь страны. В 1639 году он снарядил партию из 20-ти якутских казаков и **11-ти Красноярских**, послав их на северо-восток под начальством Ивана Москвитина.

Партия эта направилась вверх по реке Май, после 78-дневного плавания перешла через горы и спустилась по реке Улье до Охотского моря. Построив в устье Ульи зимовье, Москвитин стал собирать сведения о стране и узнал о существовании Амура.

Казаки станицы Красноярской вообще отличались довольно свободным образом мышления. Уже в 1695 году они подняли бунт, продолжавшийся три года, утопив за взяточничество воеводу Дурново, а в 1905 году в Красноярске была образована отдельная свободная "республика", для завоевания коей посылались специальная военная экспедиция генерала барона Меллер-Закомельского.

Архивы сохранили нам ряд упоминаний о красноярских казаках. Так, мы знаем, что Енисейский конный шестисотенный полк состоял из городских казачьих команд: Красноярской, Енисейской и Туруханской.

20 июня 1871 года зачисленные в Иркутский и Енисейский конные полки станичные и приписные казаки были обращены в податное сословие, а оставшаяся старая казачья часть населения сведена в две казачьи сотни: Иркутскую и Красноярскую. С началом Японской войны 14 апреля 1904 года эти сотни были переформированы в Иркутский и Красноярский казачьи дивизионы.

В гражданскую войну в составе Уральской Армии (Особый Астраханский Освободительный Отряд полковника Серёжникова) был 2-й Красноярский казачий пластунский полк.

Осенью 1919 года из кавалерийских военно-училищных курсов Кургана, позже переведенных в Красноярск, было создано Красноярское кавалерийское училище. Оно прекратило своё существование в начале 1920 года - после трагических событий, известных в воспоминаниях казаков-эмигрантов, как "Иркутский мятеж".

А.А.

Горькая линия - горькая судьба...

Этот рассказ - попытка автора рассмотреть сквозь призму личной семейной истории судьбу сибирского казачества.

Предков моих по бабушке (матери отца), бывших слободских казаков, занесло из благодатной Украины в Сибирь в первой половине XIX века. В 1822 году Император Александр I, *"уважив пользы, от сего произойти могут"*, разрешил государственным крестьянам Европейской России переселяться в сибирские губернии на свободные земли.

В зауральские дали отправились искатели лучшей доли - с чадами и домочадцами, нехитрым крестьянским скарбом, скотом и сельскохозяйственными орудиями. После долгого перехода водворились они на землях Сибирского казачьего войска, основав селение на берегах Ишима, вблизи казачьей Горькой линии.

Цепь станиц, укреплений и форпостов, заложенная в степях Юго-Западной Сибири в 50-х годах XVIII века, шла безводными степями, пересекая горько-соленые озера (отчего и получила свое неслучайное название), заканчиваясь в Омске - столице Западной Сибири. Центром линии стала крепость Святого Петра (давшая жизнь современному Петропавловску).

Несладкой была служба на Горькой линии, нелегкой оказалась и "лучшая доля" новоприбывших малороссов, поселившихся снаружи линии укреплений, в необжитой степи. Кочевые киргизы, более ста лет назад вытесненные джунгарами из среднеазиатских оазисов к северу, к границам русских земель, в первой половине XIX века продолжали нападать на станицы - жгли крестьянские селения, угоняли скот, убивали жителей. Однако поселенцы под прикрытием казачьих отрядов пахали землю, сеяли хлеб, рожали детей.

В 1833 году заложили они на собственные средства однопрестольную деревянную церковь во имя Вознесения Господня. Строили ее всем миром шесть лет. Особо чтилась в ней икона святого праведного Симеона Верхотурского, широко почитаемого на Урале и в Сибири. Церковь и дала имя селу, названному Вознесенкой. Как писал сибирский исследователь-агроном В.А. Остафьев - *"Прибывшие переселенцы-пахари... со своими быками и плугами сразу стали твердо на ноги. Воздрави малороссийскими плугами на своих волах целины и в один-два года окружили себя скирдами. Запашка была ведена очень значительная: некоторые хозяева засеивали одной белотурки по 50-100 десятин по целине; через несколько лет у многих домохозяев паслись табунные лошадей и несколько десятков пар волов и овец... Вознесенский казак-переселенец стал богачом"*.

Расширявшиеся границы Империи требовали надежной охраны: регулярные кавалерийские полки, введенные в Сибирь в середине XVIII века, ушли в Европу еще в начале XIX века, и на каждого из сибирских казаков приходилось не менее 100 квадратных верст "подконтрольной" территории. Степь, замирившаяся было в 20-х годах XIX столетия, снова волновалась: мятежный султан Кенесары, нарушив данную его предками присягу на верность России, напал на станицы и села, грабил не только русские торговые караваны, но и своих собратьев-киргизов, считавших себя российскими подданными.

Требовалось увеличить численность казаков, и в 1846 году крестьянские селения, лежащие *"смежно и чрезолосно с казачьими станицами"*, причислили в состав Сибирского казачьего войска. Так мой прапрапрадед Иван Граборов и его односельчане влились в сословие воинов-землепашцев, верно служивших, как повелено было Государем, с малолетства и *"доколе в силах"*.

Положением 1846 года сибирским казакам вменялось ис-

полнять также обязанности внутренней стражи в лежащих за пределами укреплённых линий степных округах, содержать военные посты и коммуникационные пикеты, высылать охранные отряды на Томские золотые прииски, комплектовать нижними чинами местные команды Корпуса жандармов, обеспечивать исправность дорог, мостов, гадей и перевозов, а также расквартирование и перемещение регулярных частей, проходящих через войсковые земли, препровождать арестантов. И при всем при том они должны были и свое хозяйство вести! Государство платило им скромное жалованье, выдавало хлебный паек и деньги на покупку коня и снаряжения.

С 17 лет малолетков начинали привлекать к исполнению станичных повинностей, а в 19 лет зачисляли в казаки, приводя *"на верность службы к присяге"*, и направляли на действительную службу, длившуюся 30 лет (20 лет - служба полевая, 10 - в резерве). Та же судьба досталась и сыну Ивана Граборова - Федору, казaku уже по рождению.

К середине XIX века большинство киргизских родов приняли подданство России. Мятежный Кенесары, теснимый казачьими отрядами, откочевал на юг и попробовал было воевать с киргизами, но был разбит. Однако спокойствие в степи воцарилось ненадолго. Для защиты новообращенных подданных Империя начала выдвижение казачьих форпостов на юг, в Семиречье, к северным отрогам Джунгарского Алатау и дальше, к рекам Или и Чу, где столкнулась с более агрессивным противником.

Хивинское и Кокандское ханства и Бухарский эмират, издавна промышленные нападениями на караваны и угоном людей в рабство, считали себя недоступными, пока не обнаружили в буквальном смысле у своих ворот шашки сибирских казаков и штыки туркестанских линейных батальонов. Лишившись привычной дани, собираемой с мирных киргизов и киргизов, кокандцы и бухарцы попытались выбить русских из южных степей. Постепенно мелкие пограничные стычки переросли в настоящую войну.

Казаки были на острие атаки: под командованием майора Г.А. Колпаковского в 1860 году рубились с кокандцами под Узун-Агачем, в 1862 году штурмовали Пишпек, с полковником М.Г. Черняевым в 1864 году брали крепости Мерке, Аулие-Ата и Чимкент, а в 1865 году овладели Ташкентом. В 1868-м русская пехота под прикрытием казаков, отразивших нападение конницы противника, разбила бухарцев под стенами Самарканда, после чего город сдался без боя. Наголову разгромленные Бухара и Коканд вынуждены были заключить с Россией мирные договоры, предоставив право

российским подданным свободно пребывать, а купцам беспешинно торговать на их территории.

В 1873 году сибирские казаки отряда генерала К.П. Кауфмана участвовали в Хивинском походе, результатом которого стало замирение Хивинского ханства.

В 1875-76 годах сибирцы усмиряют восставших кокандцев, обороняют Ходжент; в отряде М.Д. Скобелева они очищают от разбойников долину Ангрена; у Махрама врубаются во фланг

противника, прикрывая пехоту от вражеской конницы, угрожавшей со стороны гор, получают "Георгиев" за разгром предводителя мятежников Абдурахмана у Мин-Тюбе, штурмуют Андижан. Под Хаки-Ховат ночью всего сотня сибирских казаков атаковала лагерь Абдурахмана, где кокандцев было 4000 человек. Потеряв бесцельно убитыми, шайка в ужасе бежит. *"Я глубоко верю в казаков как слабую боевую силу"* - таков был отзыв Скобелева.

Вознесенка к тому времени разрослась, вобрав в себя

Учащиеся станичной школы, 1900-е годы. Фото Н. Катанаева

Храм поселка Кабановского

Конвоирование казаками почты в г. Кульджу Семиреченской области

ближние поселки. К 1880 году, когда 27 июня у Федора Граборова родился сын Петр, в ней насчитывалось 176 дворов (673 казака и 682 казачки). Петр вместе со сверстниками ходил в станичное училище, обучался верховой езде, владению шашкой и винтовкой. В 18 лет, как и положено, его зачислили в приговорительный разряд, начав готовить к действительной службе.

Хотя после подавления Кокандского мятежа в среднеазиатских областях наступил мир, первоочередным полкам сибирских казаков так и не довелось вернуться к родным станицам. Непокойно было в соседнем китайском Синьцзяне, и сибирцы еще в начале 1880-х годов взяли под охрану юго-восточные рубежи Империи. 2-й Сибирский казачий полк, в котором служили уроженцы Вознесенки, патрулировал конными разъездами границу от Тарбагатая до Тянь-Шаня, закрывал знаменитые Джунгарские ворота, держал пограничные посты и летние пикеты по Хоргосу, на древнем Великом Шелковом пути. Здесь, за две тысячи верст от дома, и прошел Петр Граборов полевую службу.

В русско-японскую войну, когда второ- и третьехочередные казачьи полки ушли на восток, три первоочередных остались для прикрытия китайской границы и линии Сибир-

ской железной дороги. В 1906 году за эту "усиленную мирную службу" Петр Граборов - к тому времени старший урядник - получил серебряную медаль "За усердие" для ношения на груди на Станиславской ленте.

После японской войны "льготные" казаки смогли, наконец-то, начать мирную жизнь. Петр обзавелся семьей. К 1917 году у него родились сыновья Михаил и Николай, дочери Вера, Екатерина и Анна (мать моего отца). Крестили новорожденную 19 марта 1915 года все в том же Вознесенском храме.

С 1 января 1913 года "за прослужением установленного срока" Петра Граборова в чине вахмистра перечислили из строевого в запасный разряд.

Из поколения в поколение Граборовы пахали землю, разводили скот, строили дома, иные из которых стоят в Вознесенке по сей день. Как и многие станичники, Петр владел свободно казахским языком. Было это качество, почитавшееся иными "русскими европейцами" за признак дикости ("сибирские казаки, как рассказывают, уже до того одичали, что считают особенным шиком говорить между собою не по-русски, а на местных инородческих наречиях" - ужасался публицист В.Л. Дедлов) естественным проявлением "всемирной отзывчивости" русской души, всегда открытой культуре соседей.

Октябрь 1917-го прошел глубокими трещинами по станицам. Сибирцы, верные присяге, в 1918 году влились в составе трех полков Степного корпуса Сибирской армии Сибирского временного правительства. После образования в июле 1919 года Сибирского казачьего корпуса мобилизация дала 7,5 тысяч шашек. Но время было упущено - красные теснили Колчака к востоку, и в сентябре корпус откатился назад. Кто-то ушел с Каппелем в Ледовый поход, с Анненковым в Семиречье, а остальные возвратились в свои станицы.

Утвердившуюся на казачьих землях Советскую власть от репрессий удерживал сначала печальный опыт расказачивания на Дону, вылившегося в ширококомасштабную войну. Однако к началу 1921 года большевики продрозверсткой и изъятием земель, политых кровью и потом предков, довели казаков до такого состояния, что ничтожной искры было довольно, чтобы вспыхнул пожар сопротивления.

В Февральском восстании 1921 года казаки Горькой линии приняли самое активное участие. Петр Граборов поднимал в Вознесенке добровольцев, возглавил полк, влившийся в состав Сибирской казачьей дивизии полковника Токарева. 13 февраля повстанцы взяли Петропавловск. Но

силы были неравны: город удалось удерживать только три дня. 2 марта недалеко от Вознесенки дивизия Токарева вступила в бой и, потеряв 150 человек убитыми, отошла к югу. Красные двигались по пятам. После трехдневного сражения у Лобаново 12 марта началось отступление на юго-восток, к Кокчетаву и Атбасару. 14 марта у Ново-Михайловского был разгромлен 1-й полк дивизии Токарева - а через четыре дня в Вознесенке у Петра родилась младшая дочь Мария.

К середине мая горьколинейцы с присоединившимися к ним кокчетавскими и акмолинскими казаками достигли Тарбагатайского хребта - тех мест, где прежде охраняли границы России, оказавшись перед выбором: сдаться или уйти из страны, чтобы продолжать борьбу. Сибирцы выбрали второе. Через перевал Хабарасу дивизия Токарева (до 1200 бойцов) отступила в Синьцзян, примкнув к оренбургскому отряду генерала Бакича, с марта 1920 года стоявшего лагерем под Чугучаком на реке Эмель.

Лишенных средств к существованию казаков и солдат, многие из которых перешли границу с семьями, косили голод и болезни. Красный комдив Собенников не без злорадства констатировал: "Белогвардейцы возвратились к знакомым привычным делишкам - купле-продаже, пошли по линии воровства и грабежа, а женщины занялись проституцией". Держались мечтой вернуться на Родину. Однако синьцзянские власти открыли границу частям Красной армии, двинувшимся к Чугучаку.

Бакич спешно повел своих людей на северо-восток. Без воды и пищи, по непереносимой жаре совершили они поход, получивший название Голодного - хороня по дороге сотни товарищей, жен и детей. Дойдя до пограничного с Монголией Шара-Сумэ, взяла его штурмом почти голыми руками: из 8 тысяч человек боеспособных было лишь около 600, а вооруженных - около 200.

Дальше путь обрывался. С юга - безводные пески Джунгарии, с востока, за непроходимыми вершинами Монгольского Алтая - красная Монголия, с севера - советский Горный Алтай, а на западе к концу августа сосредоточилась 13-я красная кавалерийская дивизия. Китайцы не только впустили советские войска на свою территорию, но и открыли им в помощь четырехтысячный отряд.

1 сентября в районе Бурчума дивизия Токарева дала свой последний бой. В ожесточенной схватке несколько сотен сибирцев были изрублены, расстреляны, сброшены в Черный Иртыш. Немногим выжившим удалось уйти в Монгольский Алтай, но и те в конце октября погибли при сдаче в плен под Улангомом и позже при конвоировании в Россию. Лишь 350 человек с командиром Оренбургского казачьего дивизиона полковником Кочневым прорвались в монгольские степи, выйдя к синьцзянскому городу Цитай, где их следы теряются. В их числе, надо думать, был и Петр Граборов: другой возможности уцелеть не оставалось.

После двух лет скитаний, не убоявшись расправы, вернулся Петр в родную Вознесенку. Чудом еще тогда не расстреляли!..

В 1929 году, незадолго до начала массовой коллективизации, местные чекисты раскрыли "русско-казачью группировку", члены которой подбивали станичных казачек протестовать против принудительной распродажи имущества Петра Граборова, оштрафованного за "несдачу хлебных излишков государству". Припомнили ему и февраль 1921-го. После скорого суда Петра и еще четверых, в том числе старшего брата Павла с сыном Яковом, "тройка" ОГПУ приговорила к расстрелу.

Приговор привели в исполнение 9 ноября 1929 года. Семью же вскоре выслали в безводные пески Приаралья, где спецпоселенцы умирали от жажды, холода и болезней. Бабушка вопреки всему выжила - и дала жизнь моему отцу...

А. Белокрыс ("Московский журнал")

Тайна "Гначбау"

загадки, связанные с гибелью Л.Г. Корнилова

Утром 31 марта (13 апреля н.ст.) 1918 года, на четвертый день непрерывного штурма Екатеринодара, погиб Главнокомандующий Добровольческой армией генерал Л.Г. Корнилов. Это была кульминация 1-го Кубанского (Ледяного) похода. Смерть вождя потрясла добровольцев.

Принявший командование генерал А.И. Деникин отменил назначенное на этот день решительное наступление на город и приказал, ввиду подавляющего превосходства противника в живой силе и вооружении, отступить к северу.

Некоторое время обстоятельства гибели Корнилова были неизвестны современникам. В печати излагались различные слухи и версии. Газета "Известия ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казацких депутатов" 20 апреля 1918 года поместила две из них. Со ссылкой на телеграмму председателя исполкома Левина сообщалось, что генерал был убит "революционной мортирой", и одновременно публиковалась информация, что "он убит двумя чеченцами своего отряда". Газеты "Наше Слово" и "Раннее утро" объявили: "...Корнилов жив, находится в одном из аулов под охраной горных племен и формирует новые отряды". "Известия" дали опровержение, в качестве доказательства смерти генерала Корнилова опубликовав интервью члена Кубанского областного ЦИК И. Скворцова газете "Знамя Труда" от 15 мая 1918 года.

Позже смерть Лавра Георгиевича была широко освещена в эмигрантской литературе. Основные моменты его гибели, захоронения, извлечения большевиками тела из могилы и сожжения совпадают почти у всех авторов, хотя некоторые обстоятельства излагаются по-разному. Ниже мы, опираясь на опубликованные и архивные материалы, даем свою версию пяти загадок той трагедии.

Откуда пришла смерть?

До 1967 года в Краснодаре на северном замыкании бульвара по улице Красной находился древний курган киммерийской эпохи (срытый при строительстве кинотеатра "Аврора"). На вершине его стоял знак, утверждавший, что с этого места был выпущен снаряд, уничтоживший главаря белогвардейцев Корнилова. В начале 60-х знак убрали. Советские источники сталинского времени сообщали, что Корнилов был убит снарядом, выпущенным из орудия, находившегося недалеко от кургана у станции Краснодар-2. Во времена "оттепели" фигурировал уже "метко пущенный одной из наших артиллерийских батарей снаряд", без указания на место ее расположения.

В некоторых современных исследованиях утверждается, что роковой залп был дан из орудия под командой краскома Д.П. Жлобы на передовых позициях красных в 6 км от штаба Корнилова. На самом деле эти позиции отстояли от него всего на 2-3 км.

Действительно, снаряд прилетел с южной стороны - пробитая им стена комнаты обращена к реке. Наилучший обзор "фермы" - домика экономического общества на крутом берегу Кубани, где располагался штаб Корнилова - из южной части Екатеринодара (где был

штаб обороны города), с колокольни Троицкой церкви. Дистанция от нее до "фермы" - как раз 6 км. Вероятно, именно оттуда Жлоба руководил наводкой орудия.

В 1938 году Жлоба был как враг народа расстрелян - и тут же нашлись желающие воспользоваться славой удачливого артиллериста. Лживую надпись на знаке убрали после реабилитации Жлобы в 1956 году.

"Гначбау"

Отступление началось к вечеру от станицы Елизаветинской, в 18 верстах западнее города. Чтобы ввести противника в заблуждение, было объявлено направление на северо-запад, на станицу Старовеличковскую. На самом деле целью движения была ст. Медведовская, севернее Екатеринодара.

Но выдержать направление на контролируемой большевиками территории не удалось: колонна отклонилась к западу. К утру она пересекла реку Понуру и остановилась в небольшой немецкой колонии. 2 апреля на берегу за околней колонии в тайне было захоронено тело Л.Г. Корнилова, а рядом - погибшего днем ранее командира корниловского полка М.О. Неженцева.

Между тем над добровольцами, насчитывавшими не более 5 тысяч человек, включая обоз, нависла угроза окружения. На противоположном берегу реки появился красный отряд из Екатеринодара, с северо-востока, от Медведовской, на соединении с ним шел отряд Рогачева и Ковалева. Начался артобстрел. Деникин решил переждать обстрел в колонии и уходить вечером, под покровом темноты. Ему удалось, совершив отвлекающий маневр на запад, повернуть на восток, оторвавшись от преследователей. Однако красные, ворвавшиеся в колонию 3 апреля, обнаружили свежие могилы. Тело Неженцева было оставлено на месте, а тело Корнилова переправлено в Екатеринодар.

Название немецкой колонии у авторов дается по-разному. Большинство, вслед за А.И. Деникиным, говорит о "Гначбау". Упоминаются также "Гнадау" и "Гнаденау", и даже явно искаженное "Течбау". Ни одного из этих названий на современных картах края нет. Но маршрут отступления описан достаточно подробно, с указанием направления и дистанции (40 верст от Екатеринодара) и привязкой колонии к реке Понуру. На карте в этом месте сейчас хутор Найдорф ("Новая деревня") и село Долиновское - бывшее до 2-й мировой войны немецкой колонией.

Установить, в каком из этих населенных пунктов был захоронен Л.Г. Корнилов, можно после анализа карт и архивных документов. Исследование немецких колоний на Кубани, опубликованное в 1915 году Обществом любителей изучения Кубанской области, сообщает, что на правом берегу реки Понура, в юрте станицы Нововеличковской на участке генерала Бабыча есть немецкая колония Гнадау, насчитывающая 43 двора. В перечне населенных

пунктов Кубанской области Найдорф не значился, зато указано, что село Долиновское основано в 1884 году как колония Гнадау.

Название "Долиновка" появилось не ранее 1921 года. В октябре 1981 года старейший казак ст. Нововеличковской Евтихий Степанович Куньцы (1900-2002) сообщил, что корниловцы останавливались в Долиновке, где захоро-

Корнилов и полковник Неженцев, Ростов на Дону, 1918 год

Дом экономического общества, где был убит Л. Корнилов. Его комната - крайнее левое окно (под ним виден звездчатый след пробитины).

Курган на улице Сталина (Красной) с памятным знаком (фото 1956 г.)

На месте гибели

нили тело генерала. Топоним "Гначбау" появляется впервые на "Карте района проектируемой линии Черноморско-Кубанской железной дороги" 1910 года в результате опечатки. Работая в 20-х годах в эмиграции над "Очерками русской смуты", А.И.Деникин, очевидно, имел в распоряжении эту карту, что и послужило причиной распространения ошибочного названия (как отмечает генерал А.П.Богаевский, Деникин рисовал общую картину событий, мало интересуясь несущественными деталями).

"Гнадау" на немецком языке означает "Долина милосердия".

Двукратное захоронение

В воспоминаниях А.А.Суворина сообщается, что в Гначбау тело Корнилова было захоронено повторно: "Корнилова хоронили дважды и каждый раз круто меняли дислокацию". Панихида состоялась днем в Елизаветинской, тело закрыли в цинковый гроб и везли на телеге впереди обоза.

Воспоминания штабс-капитана А.В.Тюрина в 1919 году объясняют, откуда взялась версия о повторном захоронении: "Во время нашей 4-часовой стоянки под колонией, где мы чинили испорченный мост через плотину, одно из приближенных лиц генералу Л.Г.Корнилову, телохранитель его корнет Хаджиев, предлагал похоронить его здесь. До колонии было 6-7 верст. Кругом была степь безлюдная, темно и глухо - обстоятельства благоприятные, и никто не видел и не знал бы. Но бывший начальник конвоя Корнилова полковник Григорьев воспротивился этому, заявив: "Это поручено мне, и я сам скажу, где сделать это". Было еще несколько предложений похоронить до рассвета, но ответ был тот же".

Похороны состоялись на другом берегу реки в 2 часа дня 2 апреля 1918 года:

"В четверти версты за колонией, недалеко от протекавшей реки, было указано безлюдное пустынное место. Начали рыть могилу. Рыли могилу текинцы. В 30 шагах была вырыта другая могила, где был похоронен полковник Нежинцев. Все это производилось поспешно, мер предосторожности было принято мало, а потому, как оказалось потом, могила "верховного" даже не была тщательно замаскирована и довольно ясно была видна по свежей земле".

Сегодня в Долиновском здесь небольшое кладбище.

По возвращению Добровольческой армии на Кубань было объявлено о сборе материалов для военно-исторического музея. Тогда же хутору Тихорецкому, (рядом с одноименной железнодорожной станцией) был придан статус города с именем Корниловск.

Тело Неженцева было перезахоронено в Новочеркасске. Щепки от гроба Корнилова, найденные на месте его захоронения, были увезены в эмиграцию и хранились там как реликвии.

Он или не он ?..

Утром 3 (16) апреля, войдя в Гнадау, отряд комиссара Донцова обнаружил свежие могилы. В пятом часу вечера тело Корнилова выкопали и на подводе через хутор Примаки вывезли в Екатеринодар. Во дворе гостиницы Губкиной (ныне здание историко-археологического музея) и на Соборной площади тело подверглось глумлению. В гостинице проживали главари советской власти - Сорокин, Золотарев, Чистов и другие. Золотарев, появив-

Маршрут отступления Добровольческой армии на карте района проектируемой линии железной дороги 1910 г.

Извлеченное из могилы тело ген. Корнилова

Семья Лавра Георгиевича

"Корниловцы" (фото 1919 г., Екатеринодар)

шись в пьяном виде на балконе, затеял спор с Сорокиным, утверждая, что труп привезли люди из его, Золотарева, отряда. С покойника были сделаны фотоснимки, один из которых Чистов подарил американскому корреспонденту Акселю Гану.

С трупа сорвали последнюю рубаху. Он представлял из себя бэформенную массу, обезображенную ударами шашек и бросанием об землю. Затем пополудни он был вывезен на северную окраину к скотобойне (сейчас район Дома союзов). Обложив тело соломой, стали жечь его в присутствии высших представителей большевистской власти, прибывших на автомобилях. На следующий день продолжали жечь жалкие останки: жгли и топтали ногами.

Через несколько дней по городу прошла шутовская процессия в сопровождении толпы; это должно было изображать "похороны Корнилова". Останавливаясь у подъездов, ряженые звонили и требовали денег "на поминки души Корнилова".

Насмешка судьбы (или перст Божий): "главковерхи", глумившиеся над покойником, скоро и сами приняли смерть от своих. Золотарев был расстрелян за "кутежи и дебоши", а Сорокин убит в советской тюрьме в том же 1918 году.

Некоторые источники (А. фон Лампе, начальник уголовной полиции Екатеринодара Колпахчев) утверждали, что сожжено было тело другого человека - капитана Леонова. Вряд ли это так. На фотографии, подаренной А.Гану, сходство с Корниловым, обладавшим характерной внешностью, не вызывает сомнений. Не было сомнений по этому поводу и у Деникина: "31 марта 1918 года русская граната, направленная рукой русского человека, сразила великого русского патриота. Труп его сожгли, и прах развеяли по ветру" (из речи в Екатеринодаре, 1919 год)

Член Кубанского областного ЦИК И.Скворцов заявил в своем интервью: "После осмотра пленными, которые удостоверили, что это генерал Корнилов, пригласили тех, кто его знал. При осмотре трупа Корнилова присутствовал и я, так как Корнилова я знал еще в Петербурге... Несколько раз беседовал с ним лично... Кроме того, 1 июля 1917 г. я видел его на Московском совещании, когда его офицеры несли на руках со станции. Вот почему я говорю: "Сомнения в сторону, Корнилов убит, и труп его сожжен, а пепел развеян по ветру".

Еще гипотеза - что вместо генерала был захоронен один из текинцев конвоя - не подтверждается ни одним мемуаристом. Кроме того, текинцы (туркмены) не имеют в облике монголоидных черт, присущих его внешности. Может быть, окончательную ясность здесь внесет экспертное сопоставление лица на фотографии с лицом Л.Г.Корнилова.

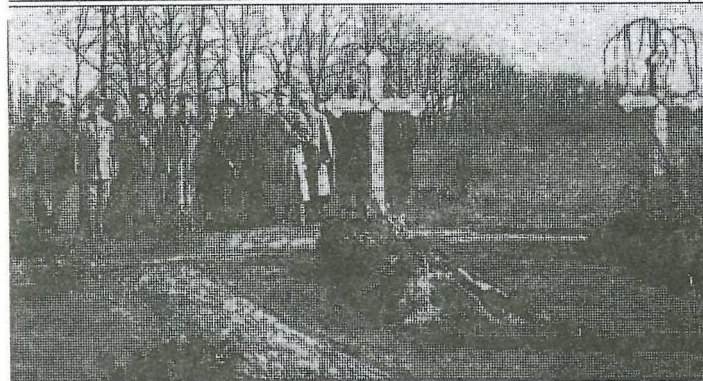
"Две русские могилы"

Осенью 1918 года Добровольческая армия с боями вернулась на Кубань. Позади были отступление в Сальские степи, 2-й Кубанский поход, взятие Екатеринодара, впереди - наступление на Москву. В немецкой колонии Гнадау могила Корнилова оказалась пустой, нашли лишь тело М.О.Неженцева, оставленное большевиками в могиле (по версии Е.С.Куныцы, было обнаружено тело Корнилова - вероятно, отсюда и происходит слух о "капитане Леонове"). У "фермы" на месте гибели генерала поставили памятный деревянный крест.

В феврале 1919 года французская газета

Панихида на "ферме" осенью 1918 г. М.В.Алексеев (в центре), дочь, сын и вдова Л.Г.Корнилова, А.И.Деникин

Атаман Филимонов, дочь Корнилова и Деникин у двух могил (фото в газете "Пти Паризьен", 1919 год)

Здание "фермы" сегодня

"Пти паризьен" напечатала репортаж из Екатеринодара. В статье "Две русские могилы" сообщалось:

"Два месяца назад, 25 декабря прошлого года, капитан Фуке, шеф французской военной миссии при добровольческой армии генерала Деникина в Екатеринодаре, возложил от имени Франции два венка на почти рядом расположенные могилы двух бывших русских генералиссимусов Алексея и Корнилова.

Информация, которая в течение двух последних лет поступает к нам из России, настолько недостоверна и противоречива, что ее можно принять только при документальном подтверждении, и фотографии в этом смысле должны считаться самыми ценными документами.

Сама смерть Корнилова, много раз объявленная и опровергнутая, сегодня уже более не может оспариваться... Труп генерала, захороненный секретно преданными ему людьми и обнаруженный большевиками, был ими изуродован, изрублен и разбросан, как пепел, по ветру. Однако наша фотография представляет могилу, официальных представителей французской делегации, возлагающих цветы в присутствии русского генерального штаба, английских офицеров и дочери Корнилова госпожи Марковой, что свидетельствует о том, что останки, о которых идет спор, действительно нашли место погребения".

Фотографии - ценные свидетельства! Но только если подписи к ним не дезинформация - что, к сожалению, имело место в "Пти паризьен". Вторая могила не могла принадлежать умершему в Екатеринодаре 25 сентября (8 октября н.ст.) 1918 года генералу Алексею, похороненному в усыпальнице Екатерининского собора и затем перезахороненному в Белграде. На "ферме", согласно записи в метрической книге Александро-Невского собора, 23 сентября была похоронена Т.В. Корнилова - вдова генерала, пережившая мужа на 6 месяцев.

Обычные захоронения воинов-добровольцев проводились на офицерском кладбище по соседству с екатеринодарским Всехсвятским кладбищем. В 1920 году все памятные кресты, знаки и могилы у "фермы", как и на офицерском кладбище, были красными уничтожены...

В Краснодаре еще много вопросов, связанных с именем Корнилова. Как "ферма" уцелела при советской власти? Почему сейчас, в эпоху примирения и согласия, ей грозит исчезновение под натиском новых застройщиков города, несмотря на статус памятника истории? Кем приходился известный в Екатеринодаре ювелир Леон Ган американскому корреспонденту Акселю Гану - однофамильцем или родственником? И почему, наконец, на месте гибели генерала не установлено никакого памятного знака?

Н. Корсакова, С. Илюхин

Грязновский казак Степан Толстов

Когда Степана Толстова, красавца и доброго наездника, провожали на германскую, кто на хуторе Грязновском мог предположить, что через несколько лет он станет грозой Верхне-Донского округа, а имя его будет тесно связано с "бандой" Якова Фомина, казака хутора Рубежного?..

С фронта Степан присылал жене фотографии - на груди каждый раз новые награды, среди них и Георгиевский крест. Известие о революции в октябре 1917 года принял неоднозначно. Решил смутное время пережить дома, вернулся на хутор в 1918 году.

Местная советская власть казаков не жаловала, аресты и обыски прокатились по всем хуторам - бывших фронтовых офицеров расстреливали без суда и следствия...

Степан, храбрый фронтовик, вынужден был скрываться в доме на нелегальном положении. В это время и появился в округе Яков Фомин, агитируя казаков вступить в отряд, воевавший под лозунгами: "Советы без коммунистов", "Смерть коммунистам и жидам". Вспоминает житель Вешенской В.М. Захаров, чей отец был полчанином Толстова: "Когда Фомин повел свой эскадрон, к нему подались те, кто по хуторам прятался, да дома сидели на сурчином положении. Ну, а Степан Толстов был грамотным. Он для Якова Фомина стал находкой. И Степан был сделан заместителем самого Фомина. Все знали, что Яков Ефимович банду организовал, а всем там руководил Степан Толстов". В книге "Михаил Шолохов. Страницы биографии" Г.Я. Сиволов пишет: "В сентябре 1921 года банда Фомина насчитывала более 200 хорошо вооруженных всад-

ников, почти каждый из них имел по две лошади. Был создан штаб, во главе которого стал такой же жестокий погромщик и убийца Толстов".

Отряд Фомина долго держал в страхе огромный округ. Толстов не раз заезжал в свой курень. Вспоминает его внучка, жительница Вешенской Нина Алексеевна Биченко:

"Мой отец, Алексей Степанович, рассказывал, что Степан скучал по детям, приходил их навещать. В хуторе всегда был тайно. Жена обстирывала его и прятала. Но обязательно в хуторе находилась кто-нибудь, кто доносил, и приходилось опять скрываться".

В Грязновском он всегда появлялся с забинтованной головой, с поднятым воротником шинели - таилась. В.М. Захаров рассказал, как отец его говорил об этих наездах Толстова:

"Часто в те годы Степан навещался домой. Придет, жена его накормит, обстирает. Молчала о визитах мужа.

Жила на хуторе бабка Сердиниха. Боялись её все - никаких тайн для неё не было. Что на уме, то и на языке. Вот эта Сердиниха и пришла однажды в дом Степана Толстова, когда он дома был. Портки Степаны над печкой сушились... Вышла - и тут же по хутору пошла новость;

- А Степка дома! Портки его висят, сушатся... Вот так бабка Сердиниха Степана и выдала".

Весной 1922 года "банда Фомина" была разгромлена. По официальным данным, Фомин и Толстов погибли в последние минуты схватки. На это указывает и Г.Я. Сиволов:

"В последние минуты смертельной схватки фоминцы, пытаясь снова вырваться из окружения и уйти в Хоперский

округ, отчаянно бросались на пулеметы и в рукопашную. Силы были неравными: зажатые со всех сторон, ища слабое место, они кидались то в одну, то в другую сторону. В последние минуты схватки Фомин и Толстов были убиты. После боя на снегу порубленными остались лежать более 100 бандитов, и только несколькими удалось вырваться и скрыться".

Однако упорно ходили слухи, что Степан Толстов, как и Яков Фомин, не погиб в последнем бою. Говорили, что Степан объявился на станции Арчада. Вот как говорит об этом В.М. Захаров:

"Доходили слухи, что Степан Толстов работал в Арчаде прокурором. Там же жил и товарищ его по банде. Степан приказал ему язык держать за зубами. Друг его однажды рассказал о своем и Степановом прошлом жене. Спустя некоторое время, выпив лишку, избил её. Та - пошла и заявила. Пришлось Степану срочно бежать..."

Передавали и такой рассказ, якобы привезенный на Дон одним из бывших сослуживцев:

"После разгрома банды Якова Фомина, его заместителя, Степана Толстова, видели в Ленинграде, где он заведовал сапожной мастерской. Заходит в неё однажды полчанин Толстова, неожиданно для себя видит Степана и говорит: - Степан, здорово!

А тот в ответ: - Я не Степан! Вышел и больше не вернулся..."

Подтверждает это и внучка Степана, Нина Алексеевна - когда она была ещё маленькой, к ним приходил кто-то и

Степан Толстов

Семья Евдокии Петровны Толстовой

сказал, что видел где-то её деда.

В 1926 году мать Толстова - Прасковья Михайловна, и его сестра - Шматова Евдокия Петровна - купили в Еланской дом. Евдокия Петровна всю свою жизнь хранила фотографию Степана, чудом уцелевшую до сегодняшнего дня. На ней запечатлен молодой казак в полевой форме, с шашкой и орденами, в том числе Георгиевским крестом.

Внучка Евдокии Петровны, Лидия, вспоминает - в доме были и ещё фотографии Степана, но не сохранились. И она в детстве слышала, как в семье говорили, что он жил, якобы, в Новочеркасске, имел там семью, потом из-за предательства был вынужден скрыться. Мария Константиновна Ухватова, внучатая племянница С.Толстова, живущая в Еланской, поведала историю его семьи:

"В 30-х годах его брата Василия и сестру Полину сослали в Сибирь, там они и сгинули. Были у Толстова две дочери и сын, который погиб при взрыве на тахте в Ворошиловградской области".

В семье Ухватовых хранятся фотографии сестры Степана Толстова - Евдокии Петровны. На одной из них, предоставленной мне, она сидит в центре. Слева от неё - дочь Мария Константиновна, справа - внучка Лидия.

Все советское время С.Толстова считали бандитом, семья подверглась репрессиям - но из поколения в поколение передавались фотографии, пересказывались эпизоды его жизни, вплоть до "легендарных" (хотя, может быть, и правдивых - не зря же Лидия обмолвилась: "Семья знала, где он...").

А. Жбанников

Маньчжурия: август 1945 - 10

Первый отряд из русских белогвардейцев был сформирован японцами в 1937 году. Располагался он в старых казармах русской Маньчжурской армии на станции 2-я Сунгари возле Харбина, командовал им японский полковник Асано. В 1944 года его сменил полковник Смирнов, а заместителем стал казак майор Михайлов. Но служивших в отряде по привычке продолжали называть "асановцами".

Каждый призыв в отряд состоял из 450-500 новобранцев, в основном харбинцев, с восточной ветки КВЖД, меньше из Хайлара и Трехречья (район на северо-западе Маньчжурии в бассейне рек Ган, Дербул, Хаул, близ границы с Россией). Уже в 1938 году отряд участвовал в боях с корейскими партизанами. Среди асановцев был и мой родственник, Сергей Артемьевич Коломыльцев, многое мне рассказавший.

В 1939 году примерно 250 человек, главным образом трехреченских казаков, перебросили в район боевых действий на реке Халхин-Гол. Командиром отборного 5-го эскадрона асановцев был капитан Василий Васильевич Тырсин - забайкальский казак Усть-Уровской станицы, первые годы эмиграции живший в Трехречье. Его вспоминали как жестокого человека. В 1932 году после оккупации Трехречья японцами он поступил на службу в императорскую жандармерию. Говорили, что на его совести трое расстрелянных трехреченцев (в том числе священник отец Александр), обвиненных в сотрудничестве с Советами.

Казачок использовали на Халхин-Голе исключительно в разведке, и в бою они были всего один раз. В голой степи отряд из 60-70 асановцев столкнулся примерно с таким же по численности монгольским разездом. В короткой схватке казаки вырубали монголов едва не до последнего цырика, а офицера доставили в расположение японской части. Сами казаки потеряли одного убитым (подпоручик Натаров) и восьмерых ранеными. Натаров был похоронен на русском Новогороднем кладбище в Харбине.

Спасо-Никольский храм

18 августа 1945 г. в Харбине высадился советский десант в составе 120 человек, а 19 августа в город вошли главные силы. 20 августа, еще до того, как на харбинском ипподроме закончилось разоружение более 43 тысяч японских солдат, памятник Натарову был взорван, во дворе Иверской церкви были взорваны кресты на могиле генерала Каппеля и его жены. Тогда же был арестован и вскоре умер на полу камеры пересыльной тюрьмы известный русский поэт Арсений Несмелов (Митропольский).

Несколькими днями позже была уничтожена часовенка на братской могиле русских солдат времен японской войны. Вообще поднялась настоящая волна уничтожения кладбищ и памятников 1904-05 годов (особенно много их было под Мукденом, где некогда сражалась армия Куропаткина). Советский писатель Михаил Колесников в своей "Маньчжурской тетради" еще и высмеял японцев за традицию беречь кладбища и церквушки - памятники своим бывшим противникам...

Начались и повольные аресты асановцев. Рассказывали, что полковник Асано, узнав о депортации в СССР своих солдат, добился после ухода в отставку разрешения приехать в Китай, на 2-ю Сунгари, и там на учебном плацу совершил "харакири", оставив на свитке собственноручную эпитафию: "Смертью своею вину перед вами искупаю".

Второй русский отряд формировался в Хайларе в 1939-40 гг. Им командовал казачий полковник Иван Александрович Пешков. Отряд называли "Пешковский". Призыв "пешковцев" состоял примерно из 250 новобранцев, преимущественно из Трехречья, Хайлара и других районов по западной ветке КВЖД. Участь в хайларской гимназии, я часто заходил в одну из казарм отряда к своим землякам - коневодам полковника Пешкова Андрею Башурову и Александру Первухину из Дубовой.

В ответ на неоднократные требования СССР, ближе к концу войны началось расформирование отряда. В августе 1945 года часть казаков отправили в Трехречье на

заготовку бересты (из нее японцы вырабатывали жидкое топливо), часть оставалась в казармах.

9 августа оставшихся пешковцев японцы погрузили в вагоны, с ними человек сто японских солдат и примерно столько же маньчжурских. На станции Бухэду казаков выгрузили, только трое рядовых и два старших унтер-офицера (Спирidon Нерадовский и Григорий Золотарев) проследовали с эшелоном дальше. Выйдя за станционный поселок, пешковцы, составив оружие в козлы, расселись завтракать. В этот момент со стороны станции показались пешие японские и маньчжурские солдаты, а с противоположной стороны японский кавалерийский отряд. Заместитель Пешкова Борис Зимин по-

Трехреченцы

советовал полковнику отдать приказ разобрать оружие, но тот только засмеялся. А пешковцев связали веревками по несколько человек вместе и расстреляли из станковых пулеметов. Раненых маньчжурские солдаты добились штыками. Голову уже мертвому Пешкову мечом отрубил японский капитан. Николай Тарбагаев - бывший пешковец, со слов которого я рассказываю - говорил о ста с лишним убитых.

Вечером один русский крестьянин из станционного поселка, возвращаясь с покоса, наткнулся на страшное поле. Пахло порохом и кровью, доносились стоны. Несколько солдат были уже раздеты китайскими мародерами. Одного из раненых, который пытался привстать, крестьянин взвалил на телегу. Вторично заехать на поле он уже не смог - в поселке появилась советская мотопехота, а утром с поля раздались автоматные очереди: красноармейцы достреливали казаков.

Спасенным оказался житель Трехречья Андрей Пешков (однофамилец командира). Его потом забрали сотрудники СМЕРШ вместе с хозяином дома. 1949 году один из трехреченцев встретился с ним в лагере на Северном Урале. "У него другого разговора, кроме как расстрела пешковцев, не было" - написал он мне.

На станции Чжаланьтунь эшелон с японскими солдатами и следовавшими вместе с ними пятью казаками был перехвачен советской мотопехотой. Среди советских оказались и бывшие пешковцы, бежавшие из отряда, среди них старший ефрейтор Николай Тарбагаев. Он бывал у меня в Москве. Рассказал, в частности, историю с С. Нерадовским и Г. Золотаревым. На допросах в СМЕРШ они упорно молчали. К ним в камеру посадили Тарбагаева и еще одного казака, но ничего хорошего, кроме драки, не вышло. Тогда их расстреляли.

Расстрелянных я знал хорошо. Они бывали в нашей деревне, щеголяли с самурайскими саблями на боку. Ношение таких сабель, кстати, свидетельствует, что Пешковский отряд относился к Квантунской армии - ни один офицер армии Манчжоу-Го не носил самурайского меча.

В 1946 году, после ухода советских войск, по убитым пешковцам была отслужена панихида (до того советская комендатура запрещала ее).

Давно хочется спросить японцев - за что они расстреляли казаков, своих союзников? За что в Трехречье расстреляли казачьего полковника Всеволода Леонидовича Сергеева с женой Натальей Семеновной? Расстреляли (добив потом штыками) после того, как станичный атаман Сергеев сумел набрать конные подводы для солдат японской части, отходившей с пограничной заставы Бура. В свое время я пытался поговорить об этом с господином Хусэи, московским корреспондентом газеты "Июмиури" - но он и разговаривать со мной не стал, хотя вначале любезно согласился на встречу.

До прихода советских войск русские жили во многих крупных городах Китая, а в городах Манчжурии (Харбине, Мукдене, Чанчуне, Даляне, Цицикаре, Мулине, Му-

даньцяне, Хайларе и др.) - в каждом. По моим подсчетам, на начало августа 1945 года в Манчжурии было около 450 тысяч российских эмигрантов всех "волн". Много русских проживало в пристанционной полосе восточной и западной веток КВЖД, в центральной и северной Барге. Только в Трехречье компактно жило более 15 тысяч человек, насчитывалось 19 чисто русских деревень и сел. В западных отрогах Большого Хингана жили русские староверы, много русских было и в Синьцяне. Никого, ничего не осталось...

В 1951 году летом я проходил языковую практику в управлении ЮМЖД в городе Дальнем. Там познакомился с пожилой женщиной-счетоводом, которая в свое время была в близких отношениях с семьей атамана Семенова в Дальнем. Она рассказывала об обстоятельствах его ареста.

С началом войны японцы не раз предлагали атаману катер для бегства на юг Кореи, но он категорически отказывался. Все последние дни был бодр, а когда в город начали прибывать эшелоны с советскими войсками, надел генеральскую форму, ордена, шашку и, попрощавшись с семьей, поехал на извозчике на вокзал. Никому из своих не разрешил себя сопровождать.

На перроне подошел к одному из советских офицеров и, взяв под козырек, громко представился: "Я - Семенов!" Офицер от неожиданности захолопал глазами, попытался и вдруг дико заорал: "Оружие!.."

Рассказчица видела: атамана окружили, отняли шашку. Через два дня она разыскала и в последний раз повидала его. Семенов находился в камере политической тюрьмы, похожей на клетку средних размеров. На генерале были грязные китайские штаны, такая же куртка. Он был босой. На лице и через расстегнутую куртку были видны следы побоев. Говорить с ним не разрешили, в передаче тоже отказали...

За несколько дней до ареста атамана, кстати, на станции Барим (западная ветка КВЖД) были расстреляны два русских пастуха - за то, что не проявили большой радости при экспроприации табуна атаманских лошадей, а ветврач и выезжающий конюх были интернированы в СССР как подручные лютого врага советской власти.

Были арестованы и другие владельцы белой эмиграции - генералы Власьевский, Бакшеев, ее активные деятели Родзаевский, Шепунов, Охотин, Михайлов, Ухтомский. Это, так сказать, киты, а рыбка помельче катилась к родным берегам целыми составами из телячьих вагонов.

Репрессии начинались с первых же часов появления советских войск. В Харбине, признанной столице русской эмиграции, уже в первые дни были разгромлены редакции крупнейших газет "Харбинское время" и "Заря", журнала "Рубеж". В городе Манчжурия (на западе) и на станции Пограничная (на востоке) эшелоны с арестованными русскими стали проходить через пограничные пункты намного раньше, чем эшелоны с японскими военнопленными.

По восточной и западной веткам КВЖД, а также ЮМЖД подцистую забрали всех, кто в 1935 году отказался добровольно вернуться на родину. Многие из них уже не работали на железной дороге, занимались сельским хозяйством. Их обвинили в "измене родине" - и все они угодили в тот же ГУЛАГ, что и вернувшиеся добровольно 35-м!

Уже в СССР я встречался со многими кэвэждинцами (эковский юмор: там их звали "каэржэдинцами" - от "КРЖД" вместо КВЖД). Они очень переживали за своих детей. Детей "контрреволюционеров" и японских шпионов", отлучив от родителей, свозили в спецлагеря и в спецдетдома. Многие из них никогда не увидели своих родителей.

О репрессиях в Трехречье - особо. Заселяли его в основном забайкальские казаки, бежавшие в Манчжурию в годы гражданской войны. Часть поселенцев составляли так называемые "тридцатники" - бежавшие от насильственной коллективизации в Сибири и Забайкалье в 30-х годах.

В начале войны Трехречье еще повезло. 36-я советская

Казакки - "асановцы"

армия генерала Лучинского наносила удар по Хайлару, двигаясь своим левым флангом через Старый Цурухайтуй, и лишь самая южная часть Трехречья оказалась в полосе ее продвижения. Советские войска прошли через одну из русских деревень - Светлоколуй, где жил самый богатый скотовладелец Трехречья - Бизьянов. Две отары его овец, каждая примерно в 3 тыс. голов, вместе с чабанами были переправлены на советский берег Аргуни.

Даже многолетняя война, когда из Манчжурии японцы вывозили все, что могли, не расшатала крепкие хозяйства трехреченцев. Край и в те суровые годы оставался хлебным и богатым; неделями отмечались церковные праздники, справлялись богатые свадьбы. А вот НКВД капитально расправился с Трехречьем всего за один август 45-го. Арестован и интернирован был каждый четвертый казак, а "тридцатники" подметены едва ли не подчистую: их обвиняли во "вредительстве колхозам".

Многодетные семьи, лишившись хозяина, быстро разорялись. Вскоре Трехречье стало неузнаваемым. Хозяйства пришли в упадок, появились неуверенность, страх и подозрительность, стало распространяться пьянство. Много зла принесла и новая китайская власть. Нахальные некомпетентные аппаратчики подвели край к последней черте, а в 1955-56 гг. русские были насильственно выселены из района. Большинство уехало в СССР, кто-то в Австралию, Бразилию...

Немного о староверах Большого Хингана. Часть из них переселилась сюда еще в начале XX века, часть (с верховьев Енисея) в годы гражданской войны. Жили они по рекам Чол и Мерген, изредка наезжали в Трехречье; бывали и в нашем доме. Воинскую повинность не

Казак - "пешковец"

Трехреченский крестьянин

несли, в полиции не нуждались - жили, как там говорили, "по допотопному". Август 45-го и их не обошел стороной арестами "за шпионаж" (конечно же, в пользу Японии).

С приходом к власти Мао Цзэдуна русские во всем Китае почувствовали себя неуютно. Староверам предложили переселиться в какой-нибудь из безлесных районов Северной Барги. Они не согласились и всей колонией решили уехать в Америку. Осенью 1949 года распродали по дешевке хозяйства и приехали в Харбин хлопотать визы. Жили на вокзале, спали на полу. Как переводчик, я тогда не раз заходил к ним.

Любопытно, что не только китайские власти, но и советское консульство в Харбине за визу и право выезда требовали с них крупные суммы денег, и староверы распродавали все, за исключением икон. Неизвестно, чем бы окончилось дело, если бы в американских газетах не появились карикатуры: старики, старушки и дети в странных одеждах толпятся у дверей ломбарда с чугунками, самоварами и прочей рухлядью в руках. Выехали они, кажется, в Парагвай, а в начале 60-х годов перебрались на Аляску, основав село Никольское, где живут себе по старинке и сейчас.

Страшный итог августа 45-го - практически полное исчезновение русских в Манчжурии, а вместе с тем русской культуры, всего русского наследия в этом обширном регионе. В Харбине, почти полностью русском прежде, осталось всего несколько русских. В Трехречье - уже не "почти", а целиком русским в свое время - недавно жили всего трое: братья Половниковы да Поля Ельчина...

А. Кайгородов

К 60-летию трагедии Лиенца

В этом году казаки по всему свету отмечают 60-летие трагических событий лета 1945 года - когда на расправу в руки советского НКВД были переданы десятки тысяч казаков и членов их семей, вынужденных беженцев и идейных борцов с коммунизмом, старых белых эмигрантов и бывших подсоветских граждан. Немногим удалось, порой буквально чудом, избежать выдачи. Еще меньшему числу - выжить в сталинских лагерях.

Уцелевшие оставили и продолжают оставлять свои воспоминания. И сегодня, в дни "позорного юбилея", как никогда актуален завет ушедших - всегда помнить "Тирольскую обедню", никогда не забывая подлого предательства "англичанки"!

В этом году стараниями редактора Монреальского "Станичного вестника" Елены Яковлевны Шипулиной изданы сразу две большие книги, посвященные "позорному юбилею": сборник воспоминаний участников тех событий "Лиенц - казачья Голгофа" (его обложку можно видеть на первой странице нашей газеты) и сборник материалов, опубликованных за 15 лет в "Станичном вестнике". Оба издания иллюстрированы многочисленными редкими фотографиями.

Предлагаем вниманию читателей фрагмент воспоминаний Г. Блашинской (Канада).

СТАНИЧНЫЙ ВЕСТНИК

Омск - Москва

...В 1944 году наша семья добралась до Венгрии. Родители думали, что это всё временно, что мы вернёмся домой, и не хотели расставаться с лошадьми и коровой. Узнав, что казачьи семьи едут подводами в Италию, родители обратились в Терско-Ставропольскую станицу. С ними добрались в Толмеццо (Италия), остановившись в горах.

В село, находящееся ещё выше, поместили сводную станицу и школу для детей 10-11-летнего возраста. Нашей учительницей была Галина Ивановна Погорелова. С ней была трехлетняя девочка и тётя - доктор Прасковья Григорьевна Воскобойник.

Закон Божий нам преподавал батюшка. Служил он в католическом костеле, куда нам разрешили приходить по воскресеньям и праздникам. Учительницу я очень любила и всегда старалась выучить уроки. Дети были из разных станиц: Донской, Кубанской, Терско-Ставропольской. Я особенно была дружна с Лидой Токаревой из Донской станицы...

Однажды в школу привезли коробки с детскими свитерами. Пришёл полковник Зимин, мы его приветствовали, как нас учили. Он взял свитер, примерил ко мне и сказал, что Галочке подходит коричневый, так как у неё карие глазки. Я очень была удивлена, ведь я его видела впервые, и как он знал моё имя?..

Хорошо помню, как учительница однажды предупредила, что придёт генерал Пётр Николаевич Краснов. Она сказала Лиде Токаревой, чтобы та сделала два шага впе-

рёд, сказав приветствие, а все мы добавили бы: "Здравия желаем, господин генерал!" Всегда смелая Лида вдруг растерялась и попросила, чтобы я с ней стояла рядом, тогда она скажет.

Генерал Краснов с нами поговорил, затем сфотографировал вместе с ним весь класс. Каждый получил фотографию. Очень хотелось бы найти кого-нибудь из учеников, у кого она сохранилась (моя пропала после побоища в лагере Пеггек). На ней мы с Лидой - в первом ряду с правой стороны...

Переезд в Австрию был тяжёлый: мокрый снег, сильный ветер, очень страшно: с одной стороны высокие горы, а с другой - пропасть. Отец управлял лошадьми, а мы, дети, сидели на подводе, но не спали, так как было очень сыро и холодно. Мама и старший брат всю дорогу шли пешком...

В лагере Пеггек около Лиенца, где раньше размещались военнопленные, поселили женщин, детей и пожилых мужчин. Мужчины и молодые хлопцы жили в палатках за лагерем и на подводах. Через реку Драву был перекинут деревянный мост и около него стоял наш воз, тут же была наша корова, которую мама ходила доить утром и вечером.

Школа не была ещё открыта, и мы, детвора, бегали по лагерю. Часто видели Прасковью Григорьевну, которая лечила детей. В бараке была устроена церковь...

На площади посреди лагеря сгружили оружие по приказу англичан. Особенно мне запомнились кубанские казаки по их шапкам-кубанкам. Разгрузив телегу, они отъезжали с поникшей головой. Казак без коня и винтовки - не казак...

В лагере затишье, как перед бурей, все только и говорили о будущем. Отец считал, что хорошо, что мы попали в Австрию, что нас, проверив, пошлют в Австралию, Аргентину или Чили, где много земли и такие люди, как мы, нужны. А у большинства из нас уже есть лошади и коровы...

Беженцы, 1943 г.

Последние дни мая стояла прекрасная погода. Чистый воздух, пение птиц располагали к спокойствию. И вдруг - приказ от английского командования всем офицерам ехать на "какую-то конференцию" с главнокомандующим Александером. Офицеры надели парадную форму с орденами и выстроились так, что приятно было на них смотреть. Среди них был и дедушка Краснов с палочкой, с которой он уже не расставался. К вечеру они должны были вернуться, как им обещали.

При отъезде все прощались: некоторые женщины плакали, и мужья их успокаивали, говоря, что скоро вернутся. Был и такой случай: муж приболел и не хотел ехать, а жена его уговорила. Эту женщину с двумя взрослыми дочерьми мы знали, она страшно переживала потом...

На следующий день в лагерь въехала большая крытая машина и два танка. По громкоговорителю объявили, что послезавтра все поедут на родину. Эта весть мгновенно облетела весь лагерь. Мы, дети, конечно, были всюду, всё видели и слышали. Люди объявили голодовку в знак протеста. Вывесили чёрные флаги на бараках и к продуктам не прикасались, так что англичане их сваливали просто на землю. На флагах было написано: "Лучше умереть здесь, чем возвращаться в СССР".

Вернулись два офицера с "конференции" - в последнюю минуту им удалось спрятаться там в бараке на чердаке; ночью они пробрались к крестьянину, обменяли военную форму на гражданскую. Они и сообщили страшную весть, что всех офицеров - новых и старых эмигрантов - выдали!..

А теперь у нас ужасное положение. Лагерь большой, весь командный состав увезен... Все прекрасно знают, что в СССР они попадут в Сибирь, детей отделят от родителей, и они всегда будут детьми врагов народа.

Решили, что 1 июня будет богослужение и все должны прийти - надеялись, что молящихся не тронут.

Мама утром пошла доить корову, и я с ней. Отец со мной пошел через мост, где мы повстречали мою учительницу. Она была очень взволнована. Вообще эта стройная, молодая (27 лет) женщина всегда держалась спокойно, даже при бомбардировке в Италии. А тут вдруг спросила: "Неужели англичане будут нас выдавать Советскому Союзу? Если бы с нами был наш дядя Пётр Григорьевич (Воскобойник), то он знал бы, что делать, а так нас лишь три женщины и ребёнок..." Мой отец её успокаивал: англичане цивилизованный народ, они не смогут применить насилие над безоружными людьми...

Но Галина Ивановна не успокоилась. Попрошавшись, она пошла дальше, а я все оглядывалась на неё. Так 1 июня 1945 года я видела мою учительницу в последний раз.

Мама вернулась, пришёл брат, и мы пошли на богослужение. Я ничего не ела, подражая взрослым. Собралась многотысячная толпа, очень хорошо пел хор. Когда мы подходили, то увидели на крыше барака человека в военной форме, который фотографировал всё, что происходило.

Подшли кадеты в форме - ребята от 15 до 17 лет. Старый казак говорил, чтобы они взялись за руки вокруг толпы, лицами к англичанам. Ребята стали как ангельские хранители, охраняя женщин, детей и стариков. В это время отец куда-то отлучился, мы со страхом поглядывали на англичан и их машины. Вдруг сестричка Нина, которую мама держала на руках, настойчиво стала просить воды. Мама сказала брату, чтобы он нашёл отца и принёс воды, а мы отойдём к забору. Так и сделали...

При пении "Отче наш" английские солдаты без предупреждения стали бить кадет по рукам, головам и по чему попало. Крик, стоны, лица ребят залиты кровью. От боли некоторые опустились на колени, но продолжали держаться за руки. А солдаты били их ожесточенно и, прорвав цепь, начали бить всех подряд.

В полусознательном состоянии людей бросали в грузовики, подбегавшие совсем близко. Толпа гудела, эхо пошло по ущелью. Австрийцы, услышав тысячный людской крик, начали звонить в колокола, им отвечали в соседних сёлах, на костёлах висели чёрные флаги.

Но англичане лишь ожесточеннее избивали людей. Вдруг толпа наклонилась в сторону, как волна. Младших сестёр родители посадили на плечи, а младшего брата взял старший брат. Мне какой-то мужчина наступил сапогом на ногу

и, как я не старалась освободиться, никак не могла. Было такое впечатление, что я тону, как в реке. Я подняла глаза к небу - оно такое голубое, ясное, а я задыхаюсь. Вспомнила, как батюшка на уроке Закона Божия говорил: "Дети, в тяжёлую минуту обращайтесь к Господу нашему Всевышнему, и Он вам поможет". Я уже еле шевелила губами, но молилась. И, о чудо! Людей волной отбросило в сторону, и я упала. Мама увидела меня и догадалась, что меня придушили. Она притянула меня к забору, дала глоток воды, той, что так настойчиво просила моя сестричка.

Там мы спаслись - потому что вовремя отошли к забору. Пока один грузовик уехал, а другой ещё не подошёл, люди начали перелезать через забор, обтянутый колючей проволокой. По полю с пшеницей все бросились к лесу, но там уже ходил вооруженный английский солдат. Он начал бить прикладом винтовки одного казака, ведя его к грузовику. Но мы были уже далеко...

Позже я спрашивала, почему нас били, когда мы молились? Ведь батюшка учил, что даже разговаривать нельзя во время службы... Если женщина держала младенца на руках, то его вырывали из рук, и мать бежала за солдатом, а он бросал ребенка на грузовик, и мать уже сама влезала туда. Некоторые женщины бежали с детьми к Драве и бросались вместе с ними в бурную реку...

Услышав пронзительный паровозный сигнал, мы поняли, что состав с первыми жертвами готов к отъезду. Позже узнали от австрийцев, что вагоны снаружи были закручены колючей проволокой. Я и теперь с ужасом вспоминаю всё это!..

Г. Блашинская (Канада)

Барак в лагере Пеггек

Уцелевшие после выдачи

Ветераны 15 ККК

Панихида на казачьем кладбище в Лиенце

Г. Блашинская (Канада)

К 60-летию гибели казаков

В этом году в России широко отмечалось 60-летие победы над нацистской Германией. Но к великому торжеству примешивается и горькая память о массовом геноциде казаков. Участником событий в Лиенце был мой отец - есаул Николай Николаевич Пупынин, чудом избежавший депортации в сибирские лагеря, да и сама я вкусила всю прелесть союзнического "освобождения" в лагере Павш под Зальцбургом...

60 лет назад моя свекровь, Великая Княгиня Ольга Александровна (сестра Николая II), получила в Дании умоляющее письмо от Петра Николаевича Краснова. Она обратилась к своему двоюродному брату Акселю, члену датской королевской семьи. Но судьба выдаваемых Советам русских людей была решена, и никакой писк из Дании, с трудом признанной победителями "союзницей", их спасти не мог.

В Ялтинском соглашении не шла речь о насильственной репатриации. Однако Америка, Англия и Франция обманом выслали свыше пяти миллионов человек на явную смерть. Массовая выдача с 12 мая 1945 и до конца августа 1946 года была названа "operation keelhaul" - "килевание" (наказание в английском флоте, когда связанного матроса протягивают под килем корабля). Союзники пренебрегли постановлением Гаагской конвенции 1899 и 1907 гг., Женевской конвенции 1929 г. и всеми принципами гуманности.

Еще живы свидетели Великого Предательства, когда из лагеря Петтец десятками тысяч выдавали казаков, женщин и детей... Выдавали и тех, кто оказался с ними - болгар, сербов, хорватов, словенцев - всех антикоммунистов.

Это напоминает первые века христианства, когда за веру в

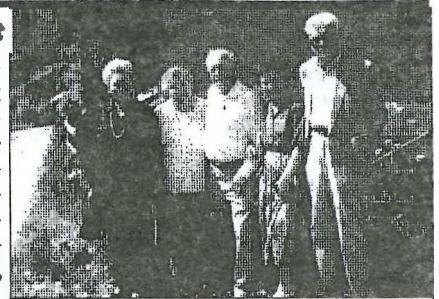
Иисуса, за исповедание идеи добра и любви людей обрекали на растерзание зверями. Не верилось, что это происходит в наше цивилизованное "гуманное" время - в Лиенце, Дахау, Платлинге...

Так были выданы П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, Султан Келеч Гирей, Т.И. Доманов, С.Н. Краснов, добровольно пошел на смерть генерал Гельмут фон Паннвиц. Они пострадали за то, что не хотели идти под власть злобной сатанинской силы, владеющей нашей Родиной и отрицающей Бога, добро и справедливость.

Насильственная репатриация - одно из самых ужасных преступлений военного времени. Пусть героическая гибель непокоренных казаков всегда напоминает грядущим поколениям о зверствах коммунизма и предательстве англичан. Геноцид Лиенца - горе и боль миллионов людей. Мы не можем допустить, чтобы их мученическая смерть была забыта. *We shall never forget! Мы никогда не забудем!*

Всем погибшим и при зверской выдаче, и в концентрационных лагерях, а также умученным безбожной сатанинской властью - вечная память!

О.Н. Куликовская-Романова (Торонто)

В окрестностях Лиенца, справа налево: князь Михаил Федорович Романов, А.А. Братякина, А.З. Блашинский, М.А. Платонова и О.Н. Куликовская-Романова

Возрожденный "Терский казак"

Во Владикавказе - старой столице ТКВ, в конце 2004 года возобновлен выпуск газеты "Терский казак". Поздравляя коллег, главного редактора Ф. Киреева - расскажем об основных материалах ежемесячника.

Как заявлено в первой редакционной статье - "мы будем придерживаться общеказачьих жизненных принципов. Бедна та газета, у которой нет духовного начала. Наша казачья жизнь испокон веков связана с Православием..."

Внутриказачья жизнь подается в новостной колонке и передовицах. Правда, непонятны радостное сообщение (№ 2) о возглавлении товарищем атамана Владикавказского округа ТКВ в парламенте республики фракции "Родина" и хвалебная ода Д.Рогозину (№ 3). Несмотря на те или иные политические пристрастия казаков, нельзя не напомнить, что "права русского народа" в партии "Р" особенно рьяно "защищает" ее руководящая верхушка, в которой куда ни кинь взгляд - попадешь на бывшего кагэбэшного генерала или генерала-красноармейца, для которых Сталин и Жуков остаются моральной нормой и "светочами Победы". Других войн в истории России и иных русских полководцев, кроме разрешенных "вождем и учителем" - для них не существует, на белых генералов (в т.ч. казачьих) наложено табу. В своих речах "глубоко уважаемый Д.О.Рогозин" (слова автора статьи) постоянно апеллирует к России советской, к Советской Армии, а еще один их лидер С.Н.Бабурин, в дискуссии на ТВ о памятниках на всю страну призывал к сохранению "великого имени Ленина".

Какие еще требуются доказательства виновности Ленина-Сталина-Жукова в почти поголовном уничтожении казаков и кровавой бойне русских солдат во всех советских войнах, чтобы нынешние казаки (и их авторы) адекватно относились к таким лидерам и воспринимали не их заклинания, а напечатанное, например, на той же полосе "ТК" мнение о Дне порабителителей Отечества 23 февраля, о вражеской по отношению к собственному обманутому народу и к России Красной Армии?..

К непонятным для нас статьям отнесем и помещенный в № 1 очередной опус Б.Алмазова, "знатока" и пропагандиста "введения старых обычаев в нынешнюю казачью жизнь". Его мысли о боевом искусстве казаков с повсеместным обучением рукопашному бою казачат с детства (!) напоминают байки о генерале Шкуро. Одна из них известна по "Запискам белого партизана" (эпизод с рассыпанными газырями - избавление от пуль). Другую я слышал от казачьего писателя-романиста. Она о том же Шкуро. Дескать, известен (он видел!) кинохроника парада в освобожденном городе во время гражданской войны, когда против генерала,

шедшего на коне впереди своего корпуса, была предпринята попытка покушения. Молниеносным, невидимым движением шашки Шкуро, не прерывая движения, отчленил голову террориста так, что тело того продолжало еще долго стоять безголовым в толпе народа. Все это на полном серьезе!.. Вот и нелепицы в статье Алмазова могут соперничать лишь с переводной книгой чеха Аусского по истории казачества, где ошибка на ошибку, но к которой Алмазов написал хвалебное предисловие.

Но довольно о неудачах первых номеров. О многих разделах газеты хотелось бы упомянуть. Здесь и "По Терским станицам" (станицы Луковская, Змейская, Сунженская и Черноморская) с рассказами о знаменитых станичниках, мартиролог из номера в номер "Офицеры ТКВ" - оба раздела составляют главредом. Это заметка о М.П. Колотилине - регенте хора Конвоя Наместника на Кавказе (ум. в 1917 г.), авторе музыки песен, вошедших в сборники "Песни Гребенских казаков", "Казачьи марши и песни", "Сборник казачьих военных песен", создатели музыки гимна ККВ и др. Кстати, из собственного опыта: имеющие возможность посетить музотдел Российской Государственной Библиотеки в Москве - найдут там ряд этих сборников.

Счастья казачеству желает в "ТК" лидер национальной Австрийской Партии Свободы Й.Хайдер. Он "хорошо (для западного человека) осведомлен о славной и трагичной истории Казачества". Члены АПС ухаживают за Казачьим кладбищем в Лиенце, возлагают цветы к памятникам М.И.Кутузову у Дюрренштайна и чудо-богатырям Суворова у г. Мелька.

Нескрываемая боль - в каждой строчке материалов "Геноцид русских в Чечне". С начала 90-х годов Чечню покинуло свыше 300 тысяч русских. Казалось, мы многое знаем о тех страшных событиях. Но... вчитаемся в них:

"В феврале 1993 г. чеченцы убили на улице (Грозного) соседку, ей пробивали голову, переломали ребра, изнасиловали. В 93-м убивали кругом... В квартире убили мужчину 1905 г. рождения, 9 ножевых ран нанесли ему, дочь изнасиловали и убили; дудаевцы ворвались в квартиру соседа, его убили, жену замучили, двум детям открутили головы; 2.12.1993 на автобусной остановке г. Грозного 5 чеченцев отвели меня за гараж, избили, изнасиловали, потом возили по квартирам, где насиловали.

1.01.1993 в 3 часа ночи ворвались в маски со стрельбой к Шеховцову П.И., избили его, забили живьем в ящик, мать-старуху загнали в кухню и забили двери; 16.03.1994 ночью

ворвались в дом Вострикова А., избивали его, говоря: "Дядя, мы работаем по графику, каждая семья русских у нас в списке"; 22.02.1994 в 8 часов вечера из дома с постели похищена Л.Ковалева, вывезена за пределы станицы в станицу Ачхой-Мартана, изнасилована, зверски избита группой из шести человек и брошена в ночной сорочке, босиком; 24.03.1994 из дома похищена ученица 8 класса Назарова Л., зверски изнасилована группой из шести человек; 13.05.1994 в доме Калининченко ночью было зверское нападение: выбиты двери, окна, избиты мать и бабушка, а девочка Оксана 13 лет изнасилована и увезена в дом, расположенный за овощехранилищем, где зверское изнасилование продолжалось 3-мя лицами.

Грабят и насиляют 70-летних старух, говоря: "Вы, русские, живете на чеченской земле, и нам нет наказания в наших поступках".

М.Сидор - пенсионер, казак, расстрелян с семьей в своем доме в Грозном 6.08.1996; А.Гладилин - казак ст. Мекенской 04.1997 схвачен боевиками, подвергался пыткам, освобожден Масхадовым за 10 тонн муки. В ст. Ассиновской до 1995 г. проживало 8400 русских, осталось 250, с августа 1996-го убито 26 семей русских, захвачено 52 дома.

...Православным, уготована участь рабов. До 1994 г. в Чечне было 10 православных приходов, при Масхадове осталась одна. Все, что нажил приход за 100-летнее существование - разграблено, разрушено и сожжено. В октябре 95-го зверски избит священник грозненского храма о. Александр Смыгин; 01.1996 в Грозном похищены о. Анатолий Чистоусов и о. Сергей Жигулин; 01.1997 угнаны в рабство о. Евфимий (Беломестный) и послушник Алексей Равилов; весной 99-го похищены в ст. Ассиновской о. Петр (Макаров), о. Петр Сухонос и один иеромонах; 19.07.1999 прямо из храма в Грозном уведены в рабство о. Захарий, церковный староста Я.Роцин и прихожанин П.Кадышев.

В ст. Дубовской у Латышева А.Г. украден сын 17 лет, отдан за выкуп 20 млн. руб. В ст. Шелковской: Лысенко Е. - зверски избит, умер; Орлянский Саша - застрелен; Геврасевы - супруги и 3-летняя внучка, убиты в своем доме; Долгополов Н.П. - избит, в дом бросили гранату. В ст. Червленной: Еремий Г.М. - застрелен в своем доме; Думанаев В.В. - пропал вместе с автомашиной, найден в Тереке с огнестрельными ранениями и переломами рук и ног; Лукьянцев А.П. и Пятлов А.Е. - оба закрыты в вагоне и сожжены (не напоминает ли это действия красноармейцев в Гражданской? - П.С.); Муратиди Г.С. - главврач, убит ножом; Малаев В.К. - член правления стариков ТКВ, зверски расстрелян в своем доме. В ст. Старогладовской: Иничкин Н.Е. - застрелен в своем доме; Апаренко З. - изнасилована, зверски замучена".

Это лишь малая часть из десятков тысяч свидетельств террора в отношении русских. Многие жители боятся назвать свое имя и рассказать о случившейся беде. О раненых, ограбленных, избитых и выгнанных из своих домов - не хватает места писать. "Люди от страха вынуждены за бесценок отдавать свои дома, нажитые своим потом и кровью, переезжая неизвестно куда, не приобретая себе за эти гроши жилья, некоторые, не выдержав всего этого, лишаются рассудка, умирают, не доезжая до места... Да когда же правительство обратит внимание на русских..." (из письма жителей ст. Ассиновская президенту России).

Обо всем этом нелишне напомнить власти, подружившейся с нынешними чеченскими правителями. Напомнить - как,

"Уходили мы из Крыма среди дыма и огня,

Я с кормы все время мимо в своего стрелял коня..."

- известные строки поэта Николая Туроверова леги в основу эпизода с В.Высоцким в фильме "Служили два товарища". Но подобные случаи приводили в своих воспоминаниях многие белые воины.

В одном из номеров журнала "Первопоходник", выходившего в США в 70-е годы, есть похожее по смыслу стихотворение о прощании казака с конем. Если строки Туроверова прямо относятся к Исходу Русской Армии из Крыма в ноябре 1920-го, то простые, где-то даже неловкие и щемящие слова о боевом друге С.Ф. Сулина можно датировать еще новороссийской эвакуацией начала того же года.

Про коня доскажу... На погрузку пошел,
Расседлал Алихана, в мешке
Задал корма ему, морду крепко обнял
И на пристань пошел налегке.
Но креплюсь и иду, словно крадусь, как волк,
До борта парохода - и вот...
Вдруг я слышу - мне в спину легонечко толк -

после десятилетий красного (советского) геноцида - Терское казачество, русских людей добивали уже в наше время...

В заключение - о фотографиях Кавказских казаков в современной форме, о тех, кто имеет возможность "построить" мундиры. Господа Терцы и Кубанцы! Не было на черкесках ваших прадедов позументов, которыми вы "оснащаете" сейчас свою форму. Не было "атласных" обшлагов-отворотов до локтя! Понятно, что с ними "красивше". Но такая форма не имеет ничего общего даже с мундиром С.Е.И.В. Конвоя, под который "умельцы", наверное, и стремятся ее подогнать. Посмотрите на старые снимки в том же "ТК". Казаки позволяли себе засучить (завернуть) рукава черкески, из-под которых и выглядывали рукава бешмета - для "форса" или в боевой (хозяйственной) работе; но отвороты на черкесках никто специально не шил. Не пристало казакам уподобляться сегодняшним артистам на сцене и швейцарам из ресторанов!..

П. Стрелянов (Кулабухов)

"ТК": Владикавказ, ул. Владикавказская, 47/3, т. 77 66 20.

PS: К печальной годовщине (ненужные ошибки)

№ 6 "ТК" посвятил разворот 60-летию трагедии в Лиенце. В статьях "Юбилей позора" и "Тирольская обедня" - немало ошибок. Приведем главные.

"80-летнему" П.Н. Краснову в те дни было 75 лет. Точное число спасшихся офицеров в Юденбурге неизвестно - цифры свидетелями назывались разные, большинство выпрыгнувших из машин разбилось. Казачий Стан не "к вечеру 1 июня "добровольно" возвращался на родину", а вывозили казаков эшелонами еще в июле. Зверства англичан при выдачах описаны и в отношении женщин и детей, но - "беременная мать с распоротым палками животом и рядом с ней зачатым ребенком" - наверное, из области фантазий автора. Во всяком случае, изучая сотни свидетельств и многие документы из архива генерала В.Г. Науменко, мне такого встречалось. И не "доблестная" 8-я бригада" англичан, а 8-й Аргильский Сутерландский батальон 36-й бригады.

Во второй статье описан "распростертый на полу от сердечного припадка" 29 мая в Шпитале П.Н. Краснов с его "последними словами"; путь в Юденбург в "сопровождении самолетов", по "пятеро" прыгавшие с моста казачьи офицеры. Ну, и естественно, "состоящая из выходцев из России" (то бишь, "жидов") Палестинская бригада, как без нее?

В "Незабываемом" Н. Краснов-мл. подробно изложил последний путь деда. Атаман Науменко тщательно опрашивал свидетелей - от казаков до командиров англичан, эти письма приводятся в сборнике "ВП". Были среди английских солдат переодетые чекисты (есть свидетельства) и "толмачи"-евреи, но Палестинская бригада в насилиях не участвовала.

"Станица" 15 лет рассказывает о выдачах, вышли в России книги "Незабываемое" (2002) и "Великое Предательство" (2003). Так зачем же идти по неверным следам?

"Самыми ценными источниками канувших в вечность времен являются записи переживших их, - писала дочь Кубанского Атамана Н.В. Назаренко-Науменко. - Не все сведения, относящиеся к тому времени, являются достоверными, т.к. изложение их (современными авторами - П.С.) зачастую, принимает окраску взглядов описывающих... Такие изложения, может быть, являются художественными, но никак не историческими, каковыми они преподносятся читателям".

Оглянулся, а конь мой идет,

Тянет воздух к себе и так пылко глядит,
Морду мне он кладет на плечо...

Я не выдержал тут, хоть не баба на вид,
Зарыдал я над ним горячо...
Веришь - мать я свою пред войной оставлял,
Тоже на смерть прощался с женой,
С ними двух малолетних сынов покидал...
Не был так я охвачен тоской,
Когда с другом-конем я прощался навек.
Тут дошел моим мукам предел,
А он все понимал, словно сам человек,
И так горько мне в очи глядел...
Я шептал ему в ухо: "Прости, друг, прости"...
Слезы ж просто душили меня.
Подхватили меня, протолкали вперед...
Я не помню, я был, как чурбан!
Вот от пристани наш отошел пароход,
Глядь - за нами плывет Алихан...

П. С.

Мы завершаем публикацию отрывков воспоминаний руководителя известного казачьего хора Сергея Александровича Жарова. Более полный вариант ее черновика Евтихий (Моисеев) подготовил для журнала "Россия Православная".

“Ай да Донцы - молодцы!..”

из воспоминаний С.А. Жарова

(окончание, начало в предыдущем номере)

Вблизи Родины

Долгожданная поездка в Латвию... На душе так, будто ехали на родину. Бывшая частица России, которую многие из нас знали, стояла перед нами, как нечто заветное и дорогое. Вот Литва. Вержболово. Вдали купола православной церкви, русские постройки... Мерно стучат колёса поезда. Русские вагоны, маленькие станционные здания с неизбежной русской водокачкой. У окон взволнованные хористы, отгесняя друг друга, чтобы лучше видеть. И в зимней природе как будто та же грусть наших снежных просторов. Тот же дух - только нам ощутительный и понятный. Отворились двери, и в вагон вошла уборщица, по-русски попросив разрешения вымести в вагоне. Первые русские слова, услышанные из уст простой русской женщины, потрясли нас. Мы обступили ее. “Помилуйте, - говорила наша землячка, - тут почти каждый человек знает по-русски”.

Пришёл кондуктор и по-русски спросил у нас билеты, начальник станции по-русски приветствовал нас, и нам казалось, что из этой страны, носившей имя Литва, вновь встала далекая, недоступная для нас Россия. А колёса всё стучали. Мы неслись к цели, проезжая родные места, сквозь говор чужой слыша родную речь.

Ковно. Здесь многие из нас стояли во время войны. На станции прицепили вагон. В нём ехал латвийский министр иностранных дел, тоже в Ригу. Стояли недолго. Ехали дальше, нетерпеливо ожидая высадки.

6 часов вечера. Поезд медленно подходит к Либавскому вокзалу. Толпы народа стоят на перроне. Кого ожидают? Нас или латвийского министра? Но лица не латвийские, лица русские. Ожидают нас! “Где казаки? Где казаки?” - слышится отовсюду. И, рванувшись вперёд, людской поток опрокидывает фотографов и городских представителей, готовящихся к встрече латвийского министра.

“Где казаки? Почему не в форме?” Я открываю вагон. Меня узнают. Я вижу протянутые руки с букетом альпийских фиалок. Я вижу трёхцветную русскую ленту и слышу “ура”, как ураган прокатившееся по вокзалу. Я хочу скрыться в вагоне, но меня силой вытаскивают на перрон, у меня вырывают чемоданы и поднимают на плечи.

“Выше! Выше! Не видим!” - кричат кругом, и меня несут к выходу. Я плачу от волнения, прошу спустить меня на землю. Но никто не слышит. Все стремятся куда-то и кричат. Меня не спускают и тогда, когда мы уже стоим у выхода вокзала, несут на плечах по улицам через густые ряды ожидающих такси. “Неси его дальше!” И меня несут до самой двери моей гостиницы.

В это время вся улица запружена народом. Фотографы и журналисты пробиваются в гостиницу, не давая прийти в себя. Я пожимаю десяток рук, стараясь отвечать на вопросы. Администрация гостиницы прекрасно владеет русским языком. И буфеты с холодными закусками и водкой заставляют забыть, что мы не в России.

На следующий день осматривали город и делали визиты. Посетили подвал под православным собором, где жил архиепископ Иоанн. Огромного роста стоял перед нами этот популярный защитник русских прав. Его появление произвело на нас большое впечатление. О необычайной силе архиепископа рассказывали разные интересные истории. Говорили, что он один вытащил завязший в грязь автомобиль, который два вола были не в состоянии сдвинуть с места, что в какой-то станице он сам поднял колокол на колокольню, совершив работу, которая была не под силу трём здоровым казакам. Бывший викарий Донской области принял нас под своё благословение. А в то время как мы

разговаривали с ним, шла форменная атака на наш отель. Несмотря на охрану полицейских, поклонники хора врываются в вестибюль, ища казаков и требуя от них фотографий и подписей.

Зима стояла холодная, русская. Но очередь перед театральной кассой образовывалась уже с трёх часов ночи. Вместо предполагавшихся трёх концертов пришлось объявить шесть. В отеле не было покоя. Телефон звонил беспрерывно. Люди заполняли фойе и коридоры, не давая пройти. Делегации из Двинска, Митава, Либавы и Режицы звали к себе и предлагали концерты. Нас буквально рвали на части. Не было отдыха, не было возможности собрать хор, чтобы поговорить с хористами. Их с утра захватывали по домам, закармливая и осыпая подарками.

Полиция взволновалась. Начались уличные манифестации в честь хора. После концертов хор выпускали через секретные выходы, чтобы предотвратить скопление народа. Но ничего не помогало. Секретные выходы были очень скоро открыты, и русская учащаяся молодежь врывается в них, поднимала казаков на плечи и развозила их по своим корпорациям.

Залы были переполнены до отказа. А на улице перед театром толпились те, кому не удалось достать билет. Они всё ещё надеялись как-нибудь пробраться на концерт, и некоторым из них это тяжелой ценой удавалось.

В один из воскресных дней хор пел литургию в кафедральном соборе. Огромный собор не мог вместить и трети всех собравшихся на богослужение. После службы архиепископ Иоанн благословил хор иконой. “Пойте же всему миру”, - закончил он своё обращение к нам. В службе также участвовал приехавший из Эстонии настоятель Печерского монастыря епископ Иоанн. От имени монастырской братии он приветствовал хор.

Возвратились в отель, но отдохнуть перед вечерним концертом не сумели. Здание, как улей, кишело людьми, выискивающими и требовавшими нас.

При отъезде хора из Риги полиция опасалась новых скоплений народа. Чтобы отвлечь внимание русского населения, не было объявлено, с какого вокзала уезжают казаки. Но перед отелем уже стояла огромная толпа, игнорируя запреты полиции. Загремело “ура”, подхваченное со всех сторон. Мы с трудом пробрались через дорогу к вокзалу. За нами устремилась толпа. Полиция была бессильна против напора.

Поезд тронулся. Проезжая маленькую товарную станцию недалеко от Риги, мы увидели бесчисленное количество людей, махавших нам на прощание и провожавших нас громкими криками... Станция давно пропала из виду, а в ушах у нас всё ещё звучал этот крик, восторженный и громкий.

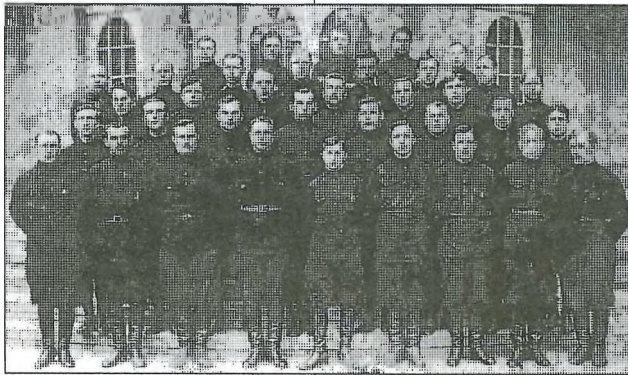
Опять застучали колеса. Опять полетели поля, занесённые снегом, опять замелькали знакомые станции с маленькими башенками-водокачками... Было холодно, но где-то внутри меня теплился огонёк, согревающий и радостный.

У Сербского короля Александра

Холодная зима 1929 года...

Загреб. В отеле я пересматривал репертуар, готовясь к вечернему выступлению, как вдруг резко зазвонил телефон: “С Вами будет говорить Белград. У телефона придворный церемониймейстер сербского короля Александра...”

- Его Величество Король Сербский выразил желание принять у себя хор. Будьте добры пожаловать ко мне 21 января утром, чтобы со мной выработать порядок выступления хора. Кроме того, мне нужны некоторые сведения о Вас и хоре. Я радовался возможности представиться покровителю русской эмиграции, приютившему в своей стране столько

бездомных и обездоленных русских. Сербский король, сам воспитанный в Петербургском Пажеском Корпусе, не перестал любить Россию.

У маршала двора я был принят с исключительной любезностью. Беседа длилась более часа.

- Завтра ровно в пять часов Его Величество король будет в приёмном дворцовом зале. Приходите немного раньше. Будет много приглашённых. Правительство, дипломатический корпус, русская колония. После выступления Его Величество просит Вас и хор пожаловать к столу.

21-го вечером мы стояли на эстраде королевского приёмного зала. Дворцовый зал был переполнен. Блестящие мундиры генералов, чёрные рясы духовенства, фраки и парадные сюртуки дипломатического корпуса, в одном из первых рядов малиновая сутана папского нунция, дамы в дорогих и парадных туалетах. Ждали короля.

Я видел, как открылись двери, и король с королевой появились на пороге. Все присутствующие поднялись. Глубокий поклон мужчин и почтительный реверанс дам. Я ждал, когда король займёт своё место. Он сел в первом ряду, совсем близко от эстрады, на которой мы стояли. Я начал концерт. Звуками церковного напева мы благодарили короля за его любовь к нашей родине, за ласку и приют, оказанные стольким изгнанникам...

Первое отделение было пропето. "Король просит регента подойти к нему". Сойдя с эстрады, я подошёл к королю. Живое, выразительное лицо его прояснилось.

- Я много слышал о Донском казачьем хоре, - начал он на безукоризненном русском языке. - Вытрите лицо. Вы очень устали. Ваша работа очень трудная... Пение хора произвело на меня и на королеву исключительно сильное впечатление. Королева уже раз слышала Вас во дворце своей матери в Бухаресте.

Он говорил со мной просто, и в каждом его слове сквозило обаяние человека доступного и сердечного. Я рассказал ему о первых шагах хора, о его борьбе, и король слушал внимательно, не перебивая.

- Ну, теперь дайте нам ещё раз послушать Вас, а потом попрошу Вас и хор подкрепиться у меня.

Концерт был кончен. За столом, уставленным русскими закусками, мы делились впечатлениями. Придворный оркестр играл произведения русских композиторов, а в соседнем зале король принимал гостей. Вошёл маршал Двора и от имени короля награждал членов хора сербскими знаками отличия. Через мгновение на чёрных казачьих гимнастёрках красовались золотые ордена.

- Ваше Превосходительство, - обратился я тогда к маршалу. - Хор хочет поблагодарить его Величество.

Маршал перешёл в зал короля. Через несколько минут к нам вошли король с королевой.

- Ваше Королевское Величество, Донской казачий хор приносит Вам свою глубокую, сердечную благодарность и просит разрешить ему спеть Вам и Ее Королевскому Величеству "Многая лета".

"Благоденственное и мирное житие..." - начал самый старший из хористов протодиакономским басом. И, воодушевляясь, хор подхватил "Многая лета".

Король награждал меня орденом Святого Саввы 4-й степени и пожелал успеха. Мы покинули дворец короля-руссофила, почувствовав, что не одиноки. Во всём мире были уголки, где помнили Россию, где любили русскую песню и русское прошлое.

В стране Альбиона

Лондон. Гигантский вокзал Виктория. Бесконечное движение автобусов и автомобилей у выхода. Люди с серьёзными безучастными лицами. Серые здания. Серые костюмы и серая дождливая погода. Это было наше первое впечатление от Лондона.

Разместившись в отеле, мы боялись покинуть его, чтобы не заблудиться в гигантском городе. Стоя на ближайшем углу нашей улицы, минутами размышляли, как пройти к отелю, так однообразны были все здания, так трудно по ним ориентироваться, так сильно уличное движение.

В Лондоне дали ряд концертов. Наиболее ярким воспо-

минанием стоит передо мной наше выступление в Виндзорском дворце перед английским королем Георгом V.

Нам подали придворные кареты. У дворца встретил гофмейстер, проводивший в зал, где мы должны были петь. Король, несмотря на болезнь, в сопровождении королевы явился на концерт. Увидев короля, мы были потрясены - так велико было его сходство с покойным Государем...

Пели два отделения, духовное и светское. Король молчаливо слушал. После концерта он направился к эстраде, на которой мы стояли. Увидев его приближение, я, не задумываясь, соскочил с двухметровой высоты, вызвав возгласы одобрения со стороны присутствующих и самого короля.

Король и королева подошли и милостиво пожали мне руку. Они спросили о происхождении хора, о его прошлом. Великая Княгиня Ксения Александровна переводила их слова. По желанию короля мы исполнили русский гимн. Опустив голову, прослушал его король. Потом, внезапно востепенувшись, поблагодарил и удалился во внутренние покои. После концерта нам показали дворец. Мы видели зал рыцарей, тронный зал и комнату, в которой, во время своего пребывания в Лондоне спал Император Николай II. Потом был подан обед. За каждым хористом, прислуживая

ему, стояло по лакею из гвардейцев...

У королевы Неаполитанской

Перед концертом в Мюнхене мы увидели первый полицейский кордон вокруг театра. Боялись ли демонстрации против бывших врагов или опасались чрезмерного напора публики - не знаю.

Концерт уже шёл, когда в одну из лож, окружённая почтительными фигурами, вошла высокая стройная старуха. Головы присутствующих повернулись в её сторону. "Королева Мария Неаполитанская", - объяснили за сценой. После концерта королева захотела познакомиться с хором...

На следующий день мы были в Мюнхенском дворце 84-летней королевы. Она вышла к нам вся в чёрном, с офицерским Георгиевским крестом на груди. Этот крест ей собственноручно вручил Император Николай I за геройский бой её неаполитанского гарнизона против превосходящих сил Гарибальди. В королеве, несмотря на большой возраст, было много достоинства и личного обаяния. Своей простотой она очаровала весь хор. Она слышала, что я якобы люблю чай. По её приказанию, мой стакан беспрерывно наполнялся. Не будучи в состоянии отказать королеве, я геройски выпил подряд семь больших чашек.

"Господину регенту еще чашку чаю!" Я морщился, но пил, в душе проклиная того человека, который рассказал королеве о моей несуществующей слабости. Но королева так мило предгадала, что я пил и пил. Я сидел рядом с ней, слушая сбивчивый рассказ о её молодости, о её встречах и далёких переживаниях. Говорила она, не доканчивая фразы, часто теряя нить разговора. Случалось, что посреди повествования она тихо засыпала, но, внезапно проснувшись, вновь продолжала. И когда она засыпала, походила на те фарфоровые фигурки, неподвижно стоявшие за стеклом и на этажерках её комнат, напоминая старое, доброе прошлое...

Тысячный концерт

Мы выбрали Вену для нашего тысячного концерта, потому что четыре года тому назад мы имели в Вене первый значительный успех. Вена нас открыла. Я волновался так же, как на первом венском концерте. Воспоминания нахлынули, когда стоял перед хором. На этой сцене я пел мальчиком, на этой сцене я начал карьеру регента, и на этой же сцене я должен был провести тысячный концерт своего хора. "Вы будете петь не один раз, а ещё тысячу раз", - говорил после первого выступления венский концертный директор. Его пророчество сбылось. Этот тысячный концерт для меня явился началом новой эпохи.

На банкете после концерта собрались все друзья хора. Со всех концов Европы съехались наши поклонники, отовсюду летели поздравительные телеграммы и письма. Мы любили, нас любили. Мы больше не блуждающий бездомный хор, как раньше. Венки с трёхцветными лентами, бу-

кеты и подарки покрывали ту же эстраду, на которой мы четыре года тому назад стояли жалкими и незнакомыми. За банкетом, среди званных гостей, среди представителей прессы и артистического мира прошёл вечер, прошла ночь.

На празднестве присутствовал Донской атаман, сидевший на председательском месте. Рядом с ним посадили меня. Я не умею говорить, затрудняюсь отвечать на приветственные речи, поэтому я просто вставал и кланялся. Говорили другие. Торжественный банкет прошёл. На следующий день я перечитывал присланные хору поздравления. Их было очень много. Среди писем и телеграмм помню телеграмму Ф.И. Шалапина, особенно ярко выражающую его расположение к хору: "Шлю Вам к Вашему тысячному концерту, как доказательство моего восхищения Вашим большим искусством, мои сердечные пожелания".

В стране небоскребов

Лето 1930 года. Прошло семь лет со времени первого венского успеха. Более 1500 концертов было с тех пор пропето. Мы отдыхали на маленьком чешском курорте. После отдыха нас ожидало первое американское турне. Прошёл июль - единственный месяц, когда члены хора свободны и не обязаны проводить время вместе. Хор был в полном сборе. Работа шла упорная и серьёзная.

После короткого турне по Чехии мы приехали в Германию. Там дали несколько прощальных концертов, а через несколько недель, погрузившись на огромный трансатлантический пароход "Колумбус", из Саутгемптона взяли курс на долгожданную, незнакомую Америку...

Из серой мглы вечера показались неровные силуэты Нью-Йорка. Мы стояли на палубе и смотрели, как сгущались краски вырастающего перед нами города, как на фоне огромных зданий зажигались бесчисленные огни, освещая тёмное, как агат, небо. Огни росли, расплываясь в сизом тумане. Берег медленно плыл навстречу. И, горя тысячью огней, вырос перед нами чудовищный, подавляющий Манхеттан. Мы молчаливо переживали торжественный момент. Ведь это была Америка - последний пункт наших достижений!

Проходили часы. Пароход стоял лишь в нескольких километрах от пристани, освещённой, как днем, ярким светом. Наконец мы подошли к берегу. Нас встретили представители русской колонии и наш американский импресарио. Нас приветствовали речами, фотографировали и бегло интервьюировали.

В центре делового Нью-Йорка огромный двадцатипятиэтажный отель приютил хор, и мы пропали в нём, как ничтожные маленькие пешки, покорно подчиняясь указаниям импресарио. В этом лабиринте этажей, коридоров и комнат я почувствовал себя до ужаса маленьким и беспомощным, и был рад, когда за мною закрылась дверь номера и я остался один. Повинуясь инстинкту, я открыл окно и выглянул на улицу. Узкой полоской непрерывных огней проходила подо мной улица...

На следующий день я считал этажи домов, постоянно путаясь и начиная сначала. Всё действовало непривычно и странно: густой поток людей и автомобилей, громкая речь и бешеный темп американской жизни. Никогда я не чувствовал себя таким чужим, как здесь, среди этих людей, деловито и безучастно пробегающих мимо меня, среди этих великанов-домов, среди этой техники - изощрённой и бездушной. Я не представлял себе, что кого-нибудь из этих увлечённых общим движением людей может заинтересовать выступление хора. Я не представлял себе, что у кого-нибудь из них вообще оставалось время на внутренние переживания.

6 ноября. Льёт как из ведра. Огни улицы расплываются в дожде. Мы стоим в вестибюле отеля и дожидаемся отъезда. Через час концерт в Карнеги-холл. Эффектными чёрными пятнами глядят в зеркала формы хористов. Кругом любопытство, удивление и вопросы. Лавируем между публикой, проходя к выходу.

Каменная мостовая вокруг театра блестит, как пролитые чернила. Ещё далеко до начала, но толпа с зонтами уже облегает входы к театру. Автомобили непрерывной лентой, подобно чудовищной гусенице, подползают к ярко освещённому зданию. Хлопают дверцы, голосят гудки. Проталкиваемся через толпу. Входим. Среди американского говора обрывками слышим русскую речь. Много лет тому назад Пётр Ильич Чайковский присутствовал на от-

крытии этого зала искусства. Я узнаю это на ходу от своего провожатого. Я не слышу - скорее, понимаю его слова. Жду начала концерта как избавления от неприятного волнения. Ожидание - как оно было тогда тягостно!

Наконец, хор на сцене. Выхожу быстрыми шагами. Яркий свет прожекторов режет глаза. Передо мной переполненный зал. Аплодисменты будят во мне уверенность. Я начинаю концерт. "Верую..."

Хор замолк. И в ответ на это молчание огромный зал ожил гулом одобрения. Успех! Слава Богу, успех!

Артистическая комната полна народу. Поздравления, бесконечные рукопожатия. Мимо меня проходят люди, чужие, но в этот миг странно близкие. Не вижу отдельных лиц - их слишком много. Каждому отвечаю на рукопожатие. Вдруг кто-то крепко берет меня за плечи. Высокий красивый старик с орлиным носом. Его слова доходят до меня отчётливо и резко.

- Такой маленький, щупленький, а сколько силы!

Я узнал Александра Зилоти, знаменитого русского пианиста, ученика Листа. Он бурно продолжал: - Вы должны побывать у меня! Я завтра за Вами приеду!

Я был у него и пережил несколько незабываемых минут в его доме. На каждом из нью-йоркских концертов он был моим неизменным слушателем.

За шестинедельное пребывание в Америке хор пропел при полном сборе 41 концерт, посетил 32 города, добравшись до центра Соединённых Штатов и поднявшись на север до Канады. 14 ночных поездов утомили хористов. Огромные расстояния были непривычны. Пели почти каждый вечер. Свободных дней было всего несколько. В один из таких дней мы всем хором посетили Нью-Йоркскую оперу Метрополитен.

Мною, как всегда, когда я бываю зрителем в театре, овладело странное чувство. Я почти не знаю театра из зрительного зала. Моё место 250 раз в году - на сцене. А потому, когда наследник Карузо - Джильби - запел на сцене, являвшейся для меня частицей моей жизни, я почувствовал себя рядом с ним, волнуясь, как будто сам стоял перед этой нарядной требовательной толпой.

Опера Метрополитен - конечная ступень всех артистических достижений! Конечная цель всех "театральных" карьер! Я сижу в Метрополитене и смотрю на сцену, на заветную сцену для лучших из лучших, для первых артистов мира - его. Карузо, Шалапин, Баттистини, Джильби... На сцене поёт Джильби. Но я почти не слушаю его, потому что волнение овладевает мною. Я не могу сидеть в публике. Моё место на сцене!..

Осталось два дня до отъезда в Европу. Американское турне закончено. Завтра прощальный концерт. Мы стоим за сценой невидимого зала и ждём звонка. Сейчас мы выйдем на сцену театра, где несколько дней тому назад были зрителями. Сейчас начнется концерт - самый знаменательный в жизни хора. Звонки. Дверь открывается. Хористы один за другим проходят на ярко освещённую сцену... Мы пели в Метрополитене!..

публикацию подготовил
иеромонах Евтифий (Моисеев)

Копия чудотворной иконы Божией Матери "Табынская"

Читатели "Станицы", возможно, помнят статью "Икона Табынской Божией Матери" 1998 года. В ней говорилось об "уходе" Табынской иконы в Китай, в г. Кульджу, и ее утрату во время "культурной революции".

О разгроме нашего храма в Кульдже я узнал в начале 90-х годов - и тогда же поставил себе задачу отыскать Икону, вернуть ее домой - в Табынск под Уфой. Стал собирать единомышленников, списался с земляками и сверстниками, проживающими в Австралии, в странах СНГ, в странах Северной и Южной Америки (лишь немногие обосновались в России). Удалось собрать небольшую группу, объединившуюся в оргкомитет Православной миссии поиска и возвращения Табынской Чудотворной иконы Божией Матери.

Стал переписываться и созваниваться с имевшими доступ к информации из Кульджи и Синьцзяна, так как после тяжелой болезни не мог ездить на необходимые встречи, опубликовал статью в "Станице". И, как оказалось, не напрасно - пришло много откликов и новой информации.

В 2002 году даже удалось установить местонахождение Иконы. Надо было ехать в Синьцзян, но не удалось найти денег для двух человек - меня и сопровождающего. Казачьи общины Приуралья и банки не решились рисковать средствами на столь ответственную поездку, возглавляемую парализованным калекой. Увы, время было упущено - Икона снова перемещена в неизвестное пока место.

Священник о. Владимир Сергеев - настоятель Храма Вознесения в Табынске - разместил интернет-сайт по поиску "Табынской" и сумел заинтересовать поиском иконы многих видных деятелей Приуралья, организовал передачу о поисках Иконы по телевидению в программе "Жди меня".

И вот в марте 2004 года на эту передачу позвонила москвичка Людмила Павловна Кузьмичева, в Иерусалиме получившая в дар от игуменьи Горненского монастыря матушки Георгии маленькую икону - копию иконы Табынской Божией Матери.

Копия эта очень похожа на оригинал, с которым я был хорошо знаком. Сразу же было решено - по образу маленькой иконы изготовить большую полномерную (по размерам оригинала) копию "Табынской". Людмила Павловна была полна решимости заказать ее, поместить в киот и отвезти в дар в Табынск.

Иконописцы из мастерских в Софрино выставили ряд условий, для нас неприемлемых: во-первых, отказались писать лик Божией Матери на иконе темным ("Будем писать, как на "Казанской"); во-вторых, стоимость написания определили в такую сумму, что нам никогда не осилить. Начали новые поиски с московских монастырских мастерских.

Наконец, познакомились с молодой женщиной с подаю-

щим уверенностью именем Надежда. Доски для своих работ она заказывает в мастерских Почаевской Лавры. Передали ей все имевшиеся материалы по описанию оригинала Иконы.

К этому времени писатель М.А. Чванов прислал журнал "Бельские просторы" со статьей "Всего мира Надеждо и Утешение" с результатами еще дореволюционных научных иконографических исследований "Табынской", с точными параметрами и характеристиками обработки ее доски. По этим характеристикам и были заказаны доска и киот в Почаевской Лавре, где до

сих пор сохранились приемы древнего Афонского мастерства обработки дерева для икон.

Ввиду невозможности в кратчайшие сроки изготовить для иконы ризу, соответствующую той, что была на оригинале, Надежда весь фон иконы покрыла тончайшими листками золота. За работу по написанию копии Иконы она ничего не просила, а все остальные расходы взяла на себя Людмила Павловна. Одновременно была написана и вторая копия - для Оренбургского войскового храма. Обе иконы были готовы к началу прошлого июня.

В праздник Табынской иконы - 11 июня, на девятую пятницу по Пасхе - ее копия должна была участвовать в традиционном Крестном ходу от храма Вознесения к Святым соленым ключам - месту первого обретения Чудотворной реликвии.

И вот накануне вечером, 10 июня в храм Вознесения были внесены для освящения две сияющие копии Табынской Святыни.

Многотысячный Крестный ход к Святым ключам был торжественен, его безопасность обеспечивали казаки. Праздничный благовест церковных колоколов придавал еще большую торжественность церемонии. Многие по древнему обычаю склонялись в земном поклоне перед иконами, с тем, чтобы иконы пронесли над ними.

Итак, Уральский край обрел пусть (пока) и не подлинную "Табынскую", но зато полномерную копию Святыни, выполненную чудесным иконописцем - бессребреником Надеждой, чье имя будет теперь в вечном поминании в храме "Вознесения" - так же как и имя Людмилы, организовавшей и оплатившей работу по изготовлению копии Иконы.

Всем же заинтересовавшимся дальнейшими поисками оригинала "Табынской" предлагаю по-прежнему связываться со мною по тел. (095) 452 0050, адрес 125565, Москва, Конаковский проезд, д. 8, корп. 1, кв. 149 -

Владимир Федорович Мищенко

PS: Когда номер уже был готов к печати, стало известно, что автору статьи удалось вновь отыскать в Китае следы Иконы. И снова нужна помощь!

Станица

газета зарегистрирована
в Министерстве печати РФ
регистрационный N 1527

учредитель - коллектив редакции

Адрес для писем: Москва, 115569,
Каширское ш., 86 - 3 - 586

тел.\факс (095) 390 4202. E-mail:
stanitsa@rambler.ru; 14362@orinet.ru
архив - www.stanitzna.nm.ru

Главный редактор -
- Валерий Шуков

Редактор -
- Георгий Кокунько

Редколлегия:
Александр Азаренков
Игорь Борисов, Виктор Карпов
Олег Мраморнов
Андрей Серба
Павел Стрелянов (Кулабухов)
Юрий Сухарев

Мнение редакции
может не совпадать
с позицией авторов
публикаций

При перепечатке
материалов просьба
ссылаться на нашу
газету и её авторов

Компьютерная верстка -
Г. Кокунько